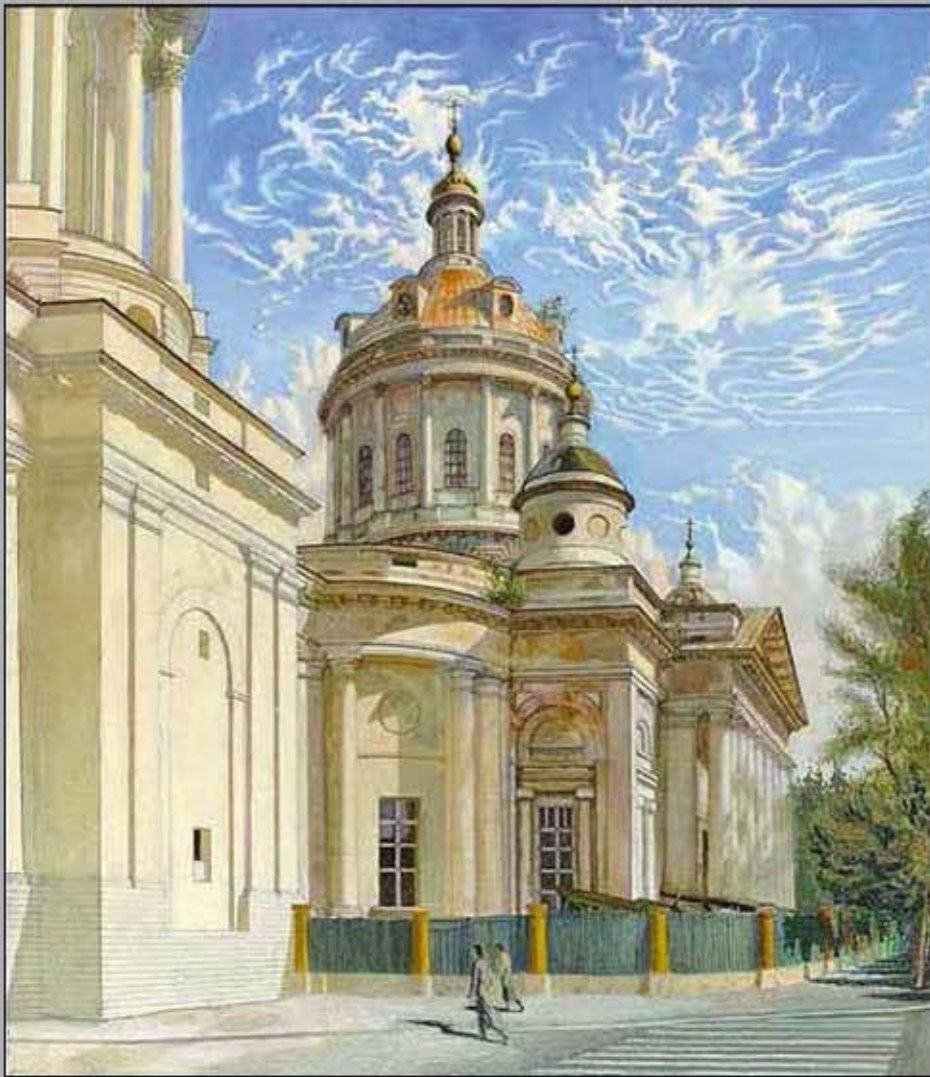

№ 4 (304). АПРЕЛЬ 2016

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

М.М. ВЕРХОЛАНЦЕВ.
ХРАМ МАРТИНА ИСПОВЕДНИКА.
ХОЛСТ, МАСЛО. 1994 ГОД.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Напоминаем, что мы переехали.

Редакция «Московского журнала»

находится по новому адресу:

127015, Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2,

центральный подъезд.

Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414.

Служба распространения:

(499) 557-04-07

Ст. метро «Савёловская» (5 минут пешком): 1-й вагон из центра, после эскалатора из стеклянных дверей направо, затем первый выход налево. Далее, как показано на схеме, до здания «Управление делами президента ФГУП «Пресса». Вход во 2-й подъезд с вывеской «Вечерняя Москва». На посту охраны звонить по внутренним номерам 414, 416.

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов), Г.В. Аксенова,
А.А. Белай, С.Ю. Житенёв,
В.Ф. Козлов, В.В. Максименко

Художник-верстальщик:

Е.С. Сухорукова
Редактор-корректор:
Г.Н. Жолобова

Учредитель: ОАО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва»». 2016

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2.
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 415
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 22.03.2016.

Печать офсетная.

Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 43 000 экз.

Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская обл., г. Подольск,
Революционный просп., д. 80/42.

Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

ТРУДЫ И ДНИ 2 Виктор Алексеевич Павлов
Статистик, библиограф, политэконом
О стоявшем у истоков этих дисциплин
в России ученом Андрее Карловиче
(Генрихе Фридрихе фон) Шторхе

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВЫПИСКИ 12 Ирина Владимировна Маркина
Калужский «домик Гоголя»
Из серии «Памятные литературные
места Калуги»

ВЕРСИИ 18 Георгий Валентинович Куликов
«Дитя души»
По поводу одного семейного предания,
касающегося частной жизни мыслителя,
писателя, публициста
К.Н. Леонтьева

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА 28 Владимир Александрович Бессонов
Библиограф и его жилище
О ныне исчезнувшем
московском доме № 10 по Гоголевской улице
(также уже не существующей)
и его обитателе — выдающемся труженике
на ниве книговедения
И.Ф. Масанове

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ 50 Священник Александр Парфенов
Гора Святой Марии
К 800-летию первого упоминания
достопримечательного места

ПОЮЩАЯ РОССИЯ 54 Елена Викторовна Офицерова
«Пролетели Вы метеором...»
Об известной в прошлом оперной певице
М.Н. Климентовой-Муромцевой

СВЯЗЬ ВРЕМЕН 65 Екатерина Адольфовна Берг
Храм святителя Мартина
исповедника в Москве
Страницы прошлого и настоящего

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ 74 Павел Александрович Гнилорыбов
«Прозящему у тебя дай...»
О поездке Великого князя
Михаила Павловича по России в 1817 году

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО 81 Герман Александрович Гуськов
Портрет деда
Страницы истории ямщицкого
рода Гуськовых

АЛЬБОМ 86 Галина Владимировна Аксенова
Федор Григорьевич
Солнцев-портретист
К 215-летию со дня рождения
выдающегося русского художника
Ф.Г. Солнцева

Виктор Алексеевич Павлов

Статистик, библиограф, ПОЛИТЭКОНОМ

О стоявшем у истоков этих дисциплин в России ученом
Андрее Карловиче (Генрихе Фридрихе фон) Шторхе
(1766–1835)

Андрей Карлович Шторх

ТРУДЫ И ДНИ

Гейдельбергский университет

Он родился в Риге в семье секретаря губернского правления Карла Фридриха фон Шторха. С 1783 по 1787 год обучался в Йенском и Гейдельбергском университетах, проявляя особый интерес к вопросам государственного управления и социально-экономическим. В этот период Шторх совершил поездку

по Южной Германии и Франции. Свои впечатления он отразил в книге очерков (Гейдельберг, 1787). Здесь автор продемонстрировал тонкую наблюдательность и недюжинный публицистический дар, ведя речь не только о природе, культуре, общественной жизни тогдашней Франции, но и анализируя государственно-

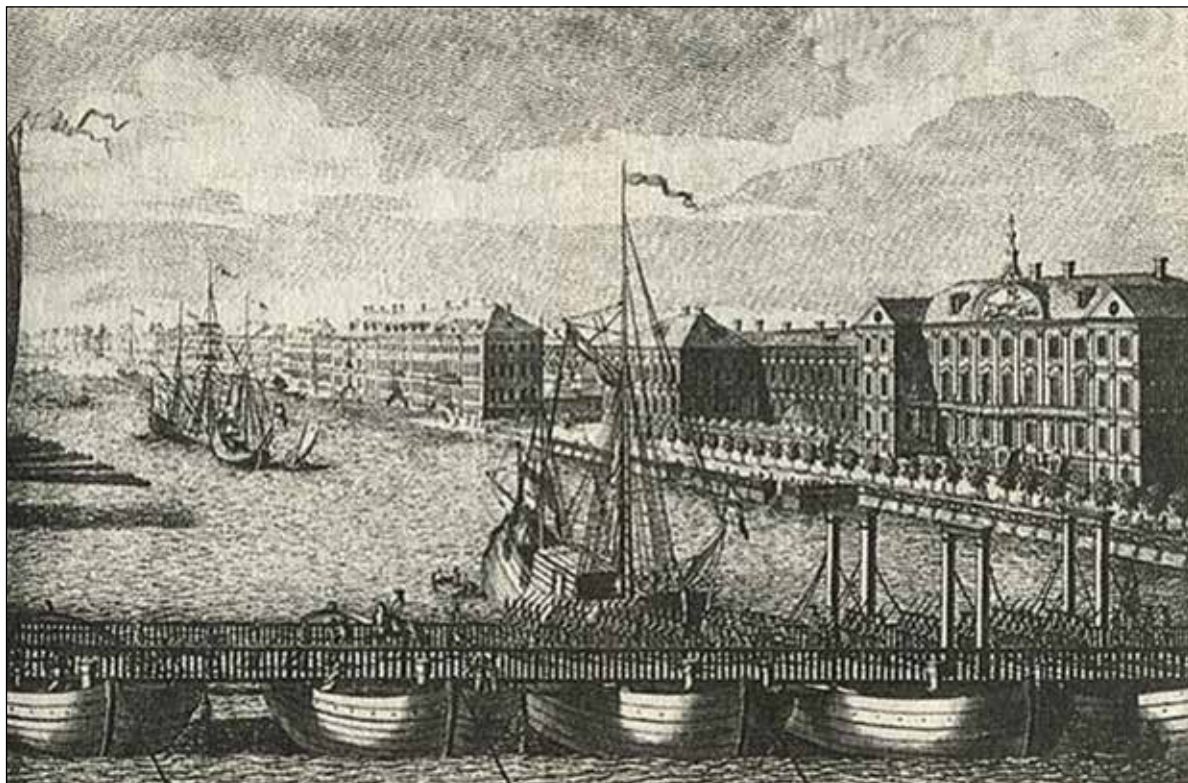
Рига. Открытка конца XIX века

экономическую политику ее исторических деятелей разных эпох.

Блестяще законченная учеба и выход книги побудили руководство Гейдельбергского университета предложить 21-летнему Шторху должность экстраординарного профессора по кафедре политических наук. Однако Шторх отказался от столь заманчивого предложения, стремясь вернуться в Россию, поближе к матери, оставшейся в одиночестве после смерти отца. К тому же молодой ученый надеялся, что заочное знакомство с канцлером Российской империи А.Р. Воронцовым, которому он писал о своих планах на будущее, и личное — с русским послом при Рейнских округах графом Н.П. Румянцевым помогут ему именно в России осуществить упомянутые планы. И этим мечтам суждено было сбыться. Благодаря рекомендательным письмам Румянцева Андрей Карлович оказался вхож в дома многих высокопоставленных лиц Петербурга. При содействии начальника 1-го Сухопутного кадетского корпуса графа Ф.Е. Ангальта он в 1788 году получает в корпусе, считавшемся «рассадником великих людей», место профессора истории и литературы. Здесь через год с целью дать воспитанникам качественные учебные

*К.Г.Г. Гейслер. Воспитанник
в форме кадета Сухопутного
шляхетского кадетского корпуса.
1793 год*

Санкт-Петербург. Сухопутный шляхетский кадетский корпус

пособия Шторх выпускает в свет «Общие начала словесности», а также «Проект небольшой подсобной библиотеки, содержащей некоторые сведения о Российской империи» — первый свой библиографический опыт.

Спустя два года А.К. Шторх становится помощником главы Департамента иностранных дел А.А. Безбородко; в свободное от служебных обязанностей время штудировал русскую и всемирную историю, географию, политику, экономику, законодательство, публикует по этим темам новые работы. Сочинения Шторха, обратившие на себя внимание научной общественности, и благоволение к нему императрицы Екатерины II, намеревавшейся незадолго до смерти сделать его личным секретарем, позволили Шторху в 1796 году стать членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, а в 1804-м — академиком по отделению статистики и политической экономии. Он неплохо владел русским языком, но свои сочинения издавал преимущественно на французском и немецком языках.

*И.-Б. Лампи.
Князь Александр Андреевич Безбородко
(1747–1799)*

* * *

«Специальная статистическая литература [в России] начинается вместе со Шторхом. Этому известному “русско-немецкому” экономисту принадлежит несколько сочинений по статистике России, со времени появления которых ведут летоисчисление русской статистической литературы»¹.

Уже в начале своей научной деятельности А.К. Шторх заметил отставание социально-экономических наук у нас от уровня их развития в европейских странах и преисполнился решимости исправить сложившуюся ситуацию. В 1793–1794 годах он издает на немецком языке двухтомное «Описание Санкт-Петербурга», вскоре переведенное на французский и шведский языки. По отзывам, этот труд побудил «многих иностранцев навестить нашу северную столицу»². «Описание...» содержало сведения об истории, культуре, современной жизни города. Большое внимание автор уделил экономическим вопросам — функционированию столичных предприятий, городскому хозяйству, банковской деятельности, анализу торгового баланса России с Англией в XVIII веке.

Далее одна за другой последовали работы: «Статистический обзор наместничеств Российской империи по их достопримечательностям и культурному состоянию в таблицах» (1795), «Материалы к познанию Российской империи» в двух томах (1796–1798), «Историко-статистический обзор Российской империи в конце восемнадцатого века» в восьми томах (1797–1803), «Россия при Александре I. Историческое обозрение» в девяти томах (1804–1810) и другие.

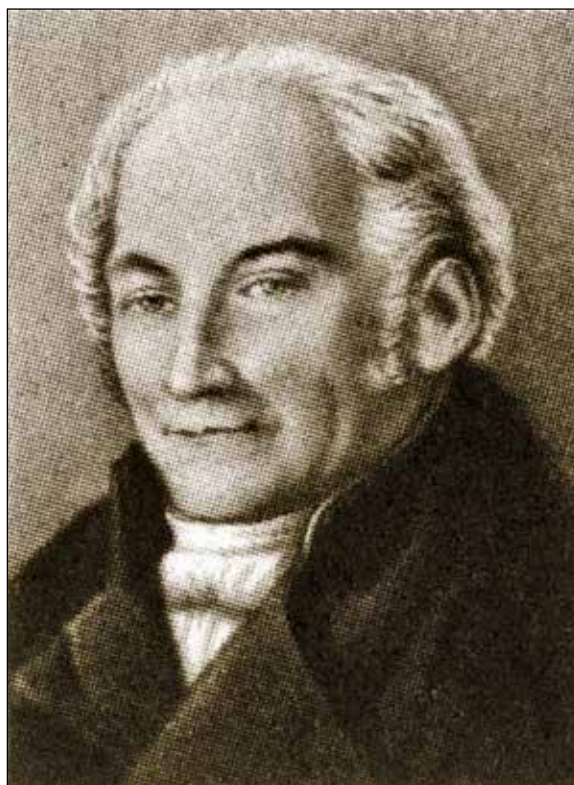
Среди них особое место занимает «Историко-статистический обзор...», представлявший собой «полнейшее сочинение о народонаселении и богатстве России»³. Целью этого труда являлось «показать Европе развитие России в политическом и умственном отношениях. <...> История, этнография и статистика соединены были здесь в одной общей рамке, образуя превосходное целое, которое в то время было способно удовлетворить любопытство иностранцев, для которых каждое точное сведение о России было приятным приобретением»⁴. Тома «Обзора...» моментально распродавались; вскоре потребовалось второе издание. Оперативно делались переводы во Франции и Англии.

Шторх поддерживает мнение французского историка П.Ш. Левека, одно время жившего в Санкт-Петербурге и тоже преподававшего в 1-м кадетском корпусе: «Русским удаются фабрики и ремесла. <...> Русские настолько даровиты, что они сравниваются или превзойдут в смысле индустрии» другие народы, «если когда-либо получат свободу». Последние слова Левека, исходя из цензурных соображений, Андрей Карлович заменил оборотом: «Если судьба даст им все те преимущества, которые в других странах благоприятствуют промышленности»⁵.

Существенный вклад в становление отечественной статистики сыграло созданное по инициативе А.К. Шторха периодическое издание (журнал) «Россия в царствование Александра I. Историческое обозрение». Оно печаталось в Санкт-Петербурге и Лейпциге (1804–1808) в первую очередь для ознакомления Западной Европы с Россией. Всего вышло 27 номеров, сгруппированных в 9 томов. Это издание впервые «познакомило иностранные государства с учреждениями России и чрез то сблизило нас с Европою»⁶. В журнале сотрудничали многие авторы, но основная часть работы — написание теоретических отделов, отбор статей и их редактирование — выполнялась Шторхом. «Главным предметом» здесь являлась «статистика Российской империи»⁷. Будучи свидетелем «дней Александровых прекрасного начала», Шторх «заносил на страницы своего издания каждое замечательное и любопытное явление в области наук, искусств, народного просвещения, торговли, государственного управления и т. д., каждую черту, ярко и метко рисующую время, которое переживала тогда Россия»⁸. В речи на торжественном собрании Императорской академии наук по случаю 100-летнего юбилея Александра I (1877) академик М.И. Сухомлинов говорил, что шторховский журнал «служит в высшей степени ценным и необходимым пособием для изучения эпохи Александра I».

* * *

Между тем потребность России в библиографии как отрасли информационной деятельности становилась все насущнее. Откликаясь на этот зов, А.К. Шторх совместно с членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук

*Федор Павлович Аделунг
(1768–1843)*

Ф.П. Аделунгом подготовил библиографический труд «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год», опубликованный на русском языке и в журнале (1808), и отдельным изданием в 2-х частях (1810–1811). Данной работой было «положено начало русской книжной статистике», она явилась «замечательным шагом вперед по пути развития русской библиографии»⁹, «первым в России статистико-библиографическим обзором»¹⁰. «В первый раз является у нас в Отечестве столь важное сочинение, — писали в 1813 году «Казанские известия». — Пожелаем, чтобы достопочтенные ученые, живущие в столицах и имеющие пред живущими в губерниях учеными преимуществами, продолжили столь полезное дело»¹¹.

Шторх и Аделунг намеревались выпускать подобные исследования периодически по пятилетиям и началом избрали первый период царствования Александра I, объявившего народное просвещение прочнейшей основой государственного благосостояния. («Вследствие такого объявления последовали разные перемены, долженствовавшие служить к достижению высоких его намерений. Авторы в занятиях своих были всемерно поощряемы,

а отличные литературные заслуги государственных чиновников были щедро вознаграждаемы подарками, орденами, повышениями чинов и пенсиями. Так, напр., гг. Румовский, Озерецковский, Иноходцов, Севергин, Гурьев, Паллас, Крафт, Георги, Фус, Шуберт, Шторх, Карамзин, Аделунг и мн. другие за изданные ими сочинения были награждены орденами или чинами»¹².) Однако воплощению замысла помешали Отечественная война 1812 года и последующие события: дело дальше не пошло. Тем не менее, сам факт постановки такой задачи и первый шаг по ее реализации можно считать выдающимся явлением в истории нашего библиографоведения. Важная особенность этого труда заключалась в том, что наряду с книгами и журналами здесь представлялись отдельные статьи, чего еще не было в отечественной практике. Работу авторы поделили между собой по языковому

признаку: Шторх занимался литературой на русском языке (1486 названий), Аделунг — публикациями на языках других народов России и переводами с языков зарубежных стран (641 название). Они не ограничились простым «обозрением» — чисто библиографическими сведениями, а предприняли глубокий статистический анализ по методу, предложенному А.К. Шторхом. В частности, список российской литературы рубрицировался (филология, политика, хозяйство, военная наука, богословие, философия, педагогика, математика, история, география и другие).

«Обозрение...», над которым авторы трудились семь лет¹³, явилось и своеобразной библиографической программой, легшей в основу позднейшей книжной статистики в России. В общем предисловии А.К. Шторха к обоим томам говорилось: «Все просвещенные народы чувствовали необходимость обозревать от времени до времени состояние своей литературы и некоторым образом отдавать самим себе отчет в успехах или упадке изящных наук. От этого произошли журналы литературы, ученые ведомости и другие пособия, какие находим мы у немцев, французов, англичан, итальянцев и др. Таковые периодические сочинения не только имеют целью объявления и суждения о нововышедших книгах, но служат также и к тому, что из них можно обозревать состояние всей литературы в течение какого-либо периода и сравнивать его с состоянием другого периода. <...> Российская литература по сие время не имела такого пособия, и недостаток этот весьма ощутителен как для отечественных, так и для иностранных друзей ее. <...> Но поколе не будем мы иметь периодического сочинения сего рода, доколе невозможно также будет замечать во всей полноте беспрестанно возрастающие богатства нашей литературы»¹⁴.

При этом, как считал Шторх, библиографическое обозрение должно иметь не только статистический, но и критический характер; у Андрея Карловича была мысль создать в будущем «критический журнал российской литературы», в котором рецензировались бы все выходящие в течение года книги.

Проявив инициативу и научную смелость, А.К. Шторх вместе с тем не считал свой метод библиографирования

*Обложка издания
«Систематическое обозрение
литературы в России...». 1810 год*

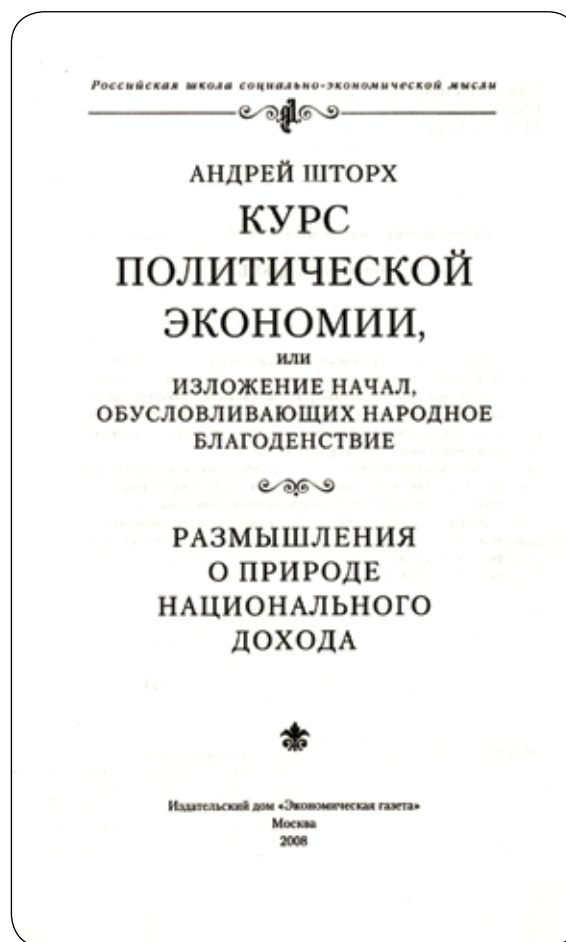
завершенным: «Искренне желаю видеть себе преемника, который решится продолжить труд мой, а, вероятно, и превзойдет меня в оном»¹⁵.

Функцию «Систематического обозрения...», прерванного по объективным причинам, вскоре приняли на себя почти все русские журналы универсального содержания. Начало же официальной государственной библиографии было положено «Журналом Министерства народного просвещения» (1834–1917), который стал вести регулярную и полную регистрацию выходящей в России печатной продукции.

* * *

Вершиной же научного творчества академика Шторха, его главным произведением явился «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие» (в двух частях — 6 томах), изданный на французском языке в Санкт-Петербурге (1815), а вскоре в Париже. Он содержал новые взгляды, которые существенно обесценивали господствовавшее тогда экономическое учение А. Смита, и вызвал настоящую сенсацию в Европе. На русском языке весь «Курс...»¹⁶ впервые вышел лишь в 2008 году. Можно сказать, что с этого времени появилось важнейшее условие для начавшегося обновления отечественной политической экономии¹⁷. На вопрос: почему у нас труд Шторха столь долго пребывал в забвении, ответ дал Всероссийский экономический форум (июнь 2015 года), посвященный 250-летию Вольного экономического общества¹⁸.

Носящий характер научного исследования и учебника «Курс политической экономии...» читался в 1813–1819 годах младшим сыновьям императора Павла I. В августейшей семье А.К. Шторх с 1799 по 1819 год исполнял должность наставника императорских детей и преподавал (сначала дочерям) литературу, историю и политические науки. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, очень высоко ценившая незаурядные способности, энциклопедические знания, преподавательский талант, человеческие качества Андрея Карловича, в 1809 году выразила желание, чтобы тот ознакомил с основами политической экономии ее и великих князей Михаила и Нико-

*Титульный лист книги
«Курс политической экономии...».
2008 год*

лая — будущего императора Николая I. С высочайшего соизволения за государственный счет лекции Шторха и были опубликованы. Подзаголовок «Курса...» гласил: «Сочинение, служившее руководством при воспитании Их императорских высочеств, великих князей Николая и Михаила Павловичей».

В чем же заключается выдающаяся роль этого произведения? В том, что здесь впервые в истории мировой экономической мысли подвергся рассмотрению не только материальный, но и нематериальный аспект жизнедеятельности человека. Автор разделил ценности на два вида: «внешние» блага, традиционно именуемые «богатством», и блага «внутренние», названные Шторхом «цивилизацией», или цивилизованностью, которую он часто именовал и просвещением, образованием, культурой народа. Соответственно озаглавлены обе части «Курса...» — «Теория народного богатства» и «Теория цивилизации»; все это вместе составило новую

политическую экономию — науку о «народном благоденствии»¹⁹.

Известная до Шторха категория «богатство» включает присваиваемые человеком в силу их полезности продукты природы и труда. Под «внутренними» же благами, недооценивавшимися прежними экономистами, Андрей Карлович понимал также имеющие полезность физические блага (здоровье, сила, ловкость, производственные навыки), умственные блага (разум, знание, вкус, науки, искусства), нравственные блага (собственность, свобода, общение, мораль, религиозные чувствования). «Все внутренние блага без исключения могут служить орудиями производства» — «нематериальным капиталом»²⁰. Тем самым было предвосхищено появление во второй половине XX века теорий «человеческого капитала».

А.К. Шторх с уважением относился к труду А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), но не мог согласиться с явной ограниченностью учения знаменитого английского экономиста. Последний, по мнению Шторха, не осознавал следующего факта: труд в нематериальных сферах (образование, здравоохранение, наука, культура, правосудие, национальная безопасность и так далее) является производительным, как и труд в сфере материальной, он тоже создает ценности. «Это произошло по причине того, что Смит не отделил нематериальные ценности от материальных богатств, <...> идея цивилизации осталась для него совершенно чуждою, и он как бы преднамеренно сократил горизонт, который обнял бы его гениальный взгляд»²¹. Со своей стороны, российский ученый не только начертал «абрис новой науки, для которой существуют только разбросанные там и сям материалы», но и разработал ее основное содержание, «объемлющее благосостояние вообще»²².

Принципиальная новизна шторховского «Курса политической экономии...», опередившего свое время на многие десятилетия, состоит в указании на то, что хотя «богатство» и «цивилизация» — разные аспекты и результаты социально-экономического развития, они друг без друга существовать не могут. А поскольку между ними существуют «внутренняя связь и постоянное взаимодействие»²³, поскольку и то, и другое имеет общий характер ценностей, Шторх и объединил их в по-

нятии «благоденствие», или «благосостояние». «Бедность и варварство, — пишет он, — это начало исторического развития народов, а богатство и цивилизация — завершение данного развития. Эти два явления — рост богатства и повышение цивилизованности — всегда идут рука об руку, и хотя они попеременно выступают причиной и следствием друг друга, богатство все-таки является первопричиной цивилизации, которая вначале не может идти впереди богатства»²⁴.

Таким образом, суть новой политэкономии Шторха заключается в следующем. Во-первых, он впервые раскрыл механизм воспроизводства народного благосостояния, проанализировав влияние богатства на цивилизацию и цивилизации — на богатство²⁵. Во-вторых, убедительно доказал непреходящую роль государства в обеспечении безопасности страны и регулировании социально-экономической жизни общества: «Сила власти государственной всегда измеряется народным благосостоянием, т.е. цивилизованностью и богатством граждан»²⁶. В-третьих, используя монодуалистический метод исследования, продемонстрировал зависимость процесса роста народного благосостояния от равновесия между двумя составляющими валового национального продукта — богатством и цивилизацией: как только начинает преобладать что-то одно в ущерб другому, гармония развития нации нарушается. «Таков великий принцип распределения совокупного продукта. <...> Этот принцип является краеугольным камнем в системе (новой, послесмитовской. —

В. П.) политической экономии»²⁷. Помимо образцового решения научно-теоретической задачи, А.К. Шторх ставил своей целью практическое «приложение этой науки к родине августейших слушателей, приучение их судить по верным и неизменным началам о явлениях, представляемых Россией в отношении богатства и просвещения»²⁸. В каждой из 122 глав «Курса...» он так или иначе выходит на социально-экономические проблемы настоящего и будущего России — в частности, высказывается о преимуществах рыночной экономики перед крепостным хозяйством, необходимости развития товарно-денежных отношений и кредита, принципах формирования оптимального баланса государственных расходов и доходов²⁹.

* * *

Рассмотренными работами круг произведений академика Шторха в разных областях научного знания далеко не исчерпывается. Его перу принадлежит немало и других книг и статей, в том числе художественно-поэтические «Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году»³⁰. Отдавая дань уважения ревностному полувековому служению ученого державе Российской, Санкт-Петербургская академия наук в отчете за 1835 год отмечала: «Имя А.К. Шторха будет во всякое время занимать одно из почетнейших мест в летописях науки, коей он посвятил свои дарования и досуги; оно особенно драгоценно для России, бывшей предметом совестливых трудов его, и для академии, которая обязана ему частию своей славы»³¹.

Андрей Карлович никогда не замыкался исключительно на собственных научных интересах. В числе прочего он был одним из организаторов первого русского кругосветного плавания И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806), экспедиций Ф.И. Шуберта в Китай (1805–1806) и Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1829), принимал

*Могила Генриха фон Шторха —
Андрея Карловича Шторха
на Смоленском кладбище
Санкт-Петербурга*

Павловск. Дворец. Открытка конца XIX века

участие в работе «Комитета устройства учебных заведений» и правительственной комиссии «по улучшению системы гражданских чинов». С 1830 года до конца жизни А.К. Шторх занимал должность первого вице-президента Академии наук, наложившую на него ряд дополнительных обязанностей — ведение переписки с научными учреждениями и частными лицами, заботу о Зоологическом музее, Ботаническом саде, Обсерватории, академической библиотеке... За свои труды он удостоился чина тайного советника, избрания почетным членом ряда российских университетов, а также Французской, Мюнхенской, Неапольской, Гарлемской (Нидерланды) академий, ор-

денов Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени, прусского ордена Красного орла.

С женой Вильгельминой Андрей Карлович воспитал пятерых сыновей и двух дочерей. В очерке о нем его сын, действительный статский советник Платон Андреевич Шторх писал: «Нравственные качества и мягкость в обращении, развитый ум и редкий талант передавать другим в самом ясном изложении свои познания и наблюдения делали его в обществе чрезвычайно приятным собеседником. К тому же он был услужлив, добр и безукоризненно честен. Всеми этими качествами снискал он себе общее уважение и дружбу многих»³².

¹Святловский В. К истории политической экономии и статистики в России. СПб., 1906. С. 168.

²Биографический очерк ученой и служебной деятельности Андрея Карловича Шторха (составлен по просьбе издателя сыном покойного П.А. Шторхом) // Шторх А.К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода. С. 1005.

³Герман К. Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства // Статистический журнал. 1806. Т. 1. С. 71–72.

⁴Биографический очерк... С. 1005.

⁵См.: Тарле Е.В. Сочинения в 12 тт. Т. 4. М., 1958. С. 458.

⁶Санкт-Петербургские ведомости. 1835. № 250. С. 1003–1004.

⁷Кеппен П.И. Материалы для истории просвещения в России. В 3-х частях. № 1. СПб., 1827. С. 46.

⁸Сухомятинов М.И. Речь в торжественном собрании Императорской академии наук по случаю столетнего юбилея Александра I. СПб., 1877. С. 31.

⁹Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX века. 2-е изд. М., 1951. С. 117, 122.

¹⁰Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 604.

¹¹Казанские известия. 1813. № 34. 23 августа. С. 6.

¹²Кеппен П.И. Указ. соч. № 3. С. 6.

¹³Гречихин А.А. Общая библиография. Учебник для вузов. М., 2000. С. 232.

¹⁴Шторх А., Аделунг Ф. Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1805 по 1806 год. Ч. 1. СПб., 1810. С. VIII–X.

¹⁵Там же. С. XXXIII.

¹⁶Первые полтора тома были переведены с французского на русский язык и опубликованы профессором И.В. Вернадским в 1881 г.

¹⁷См.: XXXV междисциплинарная дискуссия, посвященная 200-летию «Курса политической экономии» Андрея Шторха и 100-летию «Основ политической экономии» Михаила Туган-Барановского. М., 2015.

¹⁸См.: Якутин Ю.В. Значение работ А.К. Шторха — первого русского академика-политэконома // Труды Вольного экономического общества России. Т. 193. М., 2015. С. 103–104.

¹⁹Шторх А.К. Курс политической экономии... С. 35, 57–82.

²⁰Там же. С. 81, 646.

²¹Там же. С. 95.

²²Там же. С. 35, 56.

²³Там же. С. 56.

²⁴Там же. С. 753.

²⁵Там же. С. 762.

²⁶Там же. С. 43.

²⁷Там же. С. 764.

²⁸Там же. С. 36.

²⁹Там же. С. 527.

³⁰Шторх А.К. Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году. СПб. 2005.

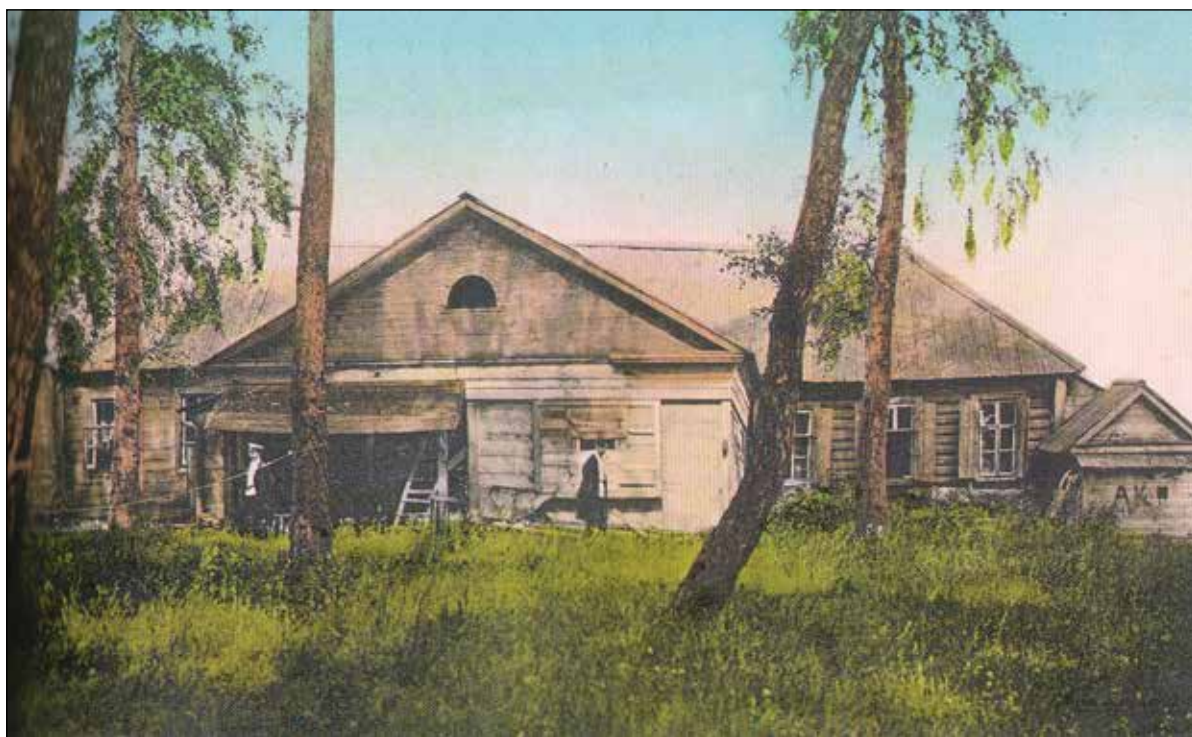
³¹Отчет Императорской Санкт-Петербургской академии наук за 1835 год, прочитанный 29 декабря 1835 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Ч. X. С. 44–45.

³²Биографический очерк... С. 1017.

Ирина Владимировна Маркина

Калужский «домик Гоголя»

Из серии «Памятные литературные места Калуги»

*Пушкинский сад. Домик Гоголя. Фотография конца XIX — начала XX века.
Из книги «Единственная и неповторимая. Калуга в старой открытке». М., 2006*

В «Описи движимого и недвижимого городского имущества» Калуги за 1860 год фигурирует располагавшийся в Загородном саду (ныне — парк имени К.Э. Циолковского) деревянный дом «Господина Начальника Губернии» «на каменном фундаменте» и «под железной крышей», с мезонином. Рядом стояли «деревянный на каменном фундаменте» флигель под

деревянной крышей, погреб и каретный сарай. Время их возведения не указано, говорится лишь, что они «перестраивались в 1822 году». Дом губернатора тоже пережил реконструкцию, но уже 27 лет спустя¹. По поводу обстоятельств и даты его появления в книге М.В. Фехнер «Калуга» сообщается следующее: в 1782 году при Калужском генерал-губернаторе

*Ф.А. Моллер. Николай Васильевич Гоголь.
Холст, масло. 1840 год. Областной художественный музей (Иваново)*

*Неизвестный художник.
Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий.
Репродукция из книги
«Русские портреты XVIII и XIX веков.
Издание Великого князя Николая Михайловича
Романова». 1905–1909 годы*

Михаиле Никитиче Кречетникове «был разбит “загородный” казенный сад и “построен летний деревянный дом в один этаж с деревянной крышей на каменном цоколе”, с “двумя оранжереями, с жилыми избами и птичьим двором”». Проект летней губернаторской резиденции разработал местный архитектор Иван Денисович Ясныгин. Со временем дом обветшал, но после реконструкции в значительно измененном виде простоял до 1922 года, когда был разобран². Флигеля сегодня тоже нет — в 1920-х годах он сгорел³. Но калужане продолжают его помнить, ибо в нем когда-то жили сначала поэт Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1751–1828), а затем Николай Васильевич Гоголь, имя которого флигель впоследствии носил («домик Гоголя»).

2 февраля 1825 года на должность Калужского губернатора назначается действительный статский советник князь Александр Петрович Оболенский⁴, женатый на дочери Ю.А. Нелединского-Мелецкого Аграфене Юрьевне⁵. В следующем году Юрий Александрович, получив «увольнение от всех должностей», перебирается в Калугу и поселяется «на покой

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВЫПИСКИ

*Дача
Смирновых*

*Магазин
М.А. Антипина
в Гостином
ряду*

*Дом
Калужского
губернатора
и Окружной суд*

*Фотографии
конца XIX –
начала XX века.
Из книги
«Единственная
и неповторимая...»*

П. Ф. Соколов. Портрет Александры Осиповны Смирновой-Россет.

*Картон, акварель. 1834–1835 годы.
Всероссийский музей А. С. Пушкина*

К. Бардо. Портрет Аграфены Юрьевны Оболенской. Холст, настель. 1812 год.

Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан

у нежно любимой им дочери». Для него-то и был возведен флигель. В одном из писем поэт сообщает: «Не могу довольно радоваться здешним пребыванием моим. <...> Хозяева мои в одну линию с своим домом построили мне в саду новые хоромы саженьях на 12-ти, в которых у меня прихожая, гостиная и спальня»⁶.

Калуга Нелединскому-Мелецкому понравилась: «Город очень красив, улицы камнем вымощенные, широкие; строения много каменного; два купеческие дома такие, что были бы хороши и в Петербурге. <...> Собор прекрасный. <...> Грушенька (дочь. — *И. М.*) возила меня в две лавки, а еще в третью не везет: боится, чтоб я не разорился в ней. <...> На главных улицах тротуары; аллея, обсаженная деревьями, для гулянья; мост каменный широкий, одним словом, все так хорошо, что едва ли есть другой столько же хороший губернский город»⁷. Об удобстве проживания во флигеле: «С одной стороны гляжу в сад, а с другой в поле. <...> Виды здесь вообще прекрасные, и воздух самый чистый»⁸.

С наступлением зимы Юрий Александрович переехал в «губернаторский дво-

рец», где ему отвели «прекрасную» комнату. Высшее общество Калуги умело поразвлечься; зимой 1827 года поэт не без иронии констатировал: «У нас веселье за весельем». А вот как он описывает новогодний маскарад: «Было персон 200, и танцы продолжались до трех часов с половиною. Разные костюмы дамские прекрасные, а мужских много смешных. <...> Один рыцарь в латах. Кадриль монахов. Портной, сидящий на столе. Кадриль болонских собак и пуделей, до половины остриженных, которые ходили на задних ногах. Один жид с ящиком с перстнями и кольцами. Кадриль зверей, представляющих Крылова квартет». Удивили «князь Александр и с ним Белкин, <...> одетые русскими бабами в кокошниках»⁹.

Здесь нельзя не сказать о добрейшей женщине — Аграфене Юрьевне Оболенской, вдохновившей Н. В. Гоголя на такие строки (письмо к другой калужской губернаторше А. О. Смирновой-Россет): «Перед вами два живые примера: предшественница ваша NN завела кучу благотворительных заведений, а с ними вместе и кучу бумажной переписки и возни,

*Калуга.
Памятник
Н.В. Гоголю
в парке
Циолковского.
Скульптор
А. Смирнов*

экономов, секретарей, кражу, бестолковщину, и прославилась благотворительностью в Петербурге, и наделала кутерьму в Калуге; княгиня же Оболенская, бывшая до нее губернаторшей, в том же вашем городе Калуге не завела никаких заведений, ни приютов, не прошумела нигде дальше своего города, не имела даже никакого влияния на своего мужа и не входила ни во что собственно правительственное и официальное; а между тем доньше никто в городе не может о ней вспомнить без слез, и всяк, начиная от купца до последнего бобыля, до сих пор еще повторяет: «нет, не будет другой никогда княгини Оболенской!»¹⁰

Отец и дочь скончались в феврале 1828 года почти в один день. Их похоронили недалеко от Калуги в некрополе Свято-Лаврентьева монастыря под общей плитой с надписью: «Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий и дочь его княгиня Аграфена Юрьевна добродетелями, упованием на Господа и любовью к ближним оставили по себе назидательный пример и признательную память в сердцах многих. Всеобщее сожаление о кончине их было нелицемерным изъявлением любви и уважения к ним. Горесть детей их и супруга может понимать только сердце — она невыразима. Усладительные обетования святой веры им утешение»¹¹.

3 июня 1845 года в должность Калужского губернатора вступил действительный

статский советник Николай Михайлович Смирнов¹². Осенью 1846-го года в Калугу приехала его жена Александра Осиповна Смирнова-Россет¹³, близко дружившая с Н.В. Гоголем, который в 1849 году по ее приглашению посетил Калугу. Александра Осиповна вспоминала: «Мы уже перебрались в загородный дом и назначили помещение Гоголю в домике, где жил Нелединский. Он был очень доволен устройством комнаты и говорил: “Вид прекрасный, под ногами прозрачная речка, а затем этот великолепный бор”. <...> В воскресенье он <...> приходил в полном параде, в светло-желтых нанковых панталонах, светло-голубом жилете с золотыми пуговками, в темном синем фраке с большими золотыми пуговицами и в белой пуховой шляпе. Он купил эту шляпу в рядах, <...> старую шляпу он оставил в лавке. Все рядовые один за другим пробовали эту шляпу, нашли, что его голова была более других, потому что он писал такие умные книги, и решили поставить ее под стеклянным колпаком на верхней полке счастливица, у которого великий писатель купил шляпу. Я чаю, она и теперь стоит на этом месте»¹⁴. Именно в Калуге, как известно, Н.В. Гоголь впервые читал начало второго тома «Мертвых душ» — А.О. Смирновой-Россет и ее гостям¹⁵.

В 1909 году писатель и драматург Иван Леонтьевич Леонтьев (1856–1911), публиковавшийся под псевдонимом «Иван

Щеглов», выпустил посвященную «новым материалам» о Н.В. Гоголе книгу «Подвижник слова». Заглянем туда. Автор приводит описание панорамы, предстающей взору с «крутого обрыва» левого берега Оки: «Стоит лишь, <...> перейдя каменный мост, направиться по прямой линии Загородной улицы в конец города к так называемой губернаторской даче, — и перед вами <...> откроется неожиданно-негаданно вид в полном смысле очаровательный <...> на далекий угрюмо темнеющий сосновый бор и раскинувшуюся вокруг мягким изумрудным ковром долину реки Яченки». Направо — «холмы, пашни, луга, <...> на горизонте — новая зеленая роща, из-за вершин которой задумчиво высматривают главы Лаврентьева монастыря», налево «в дымке тумана синее великолепный берег Оки, пленяя глаз своей неясной и широкой далью»¹⁶, а обернувшись назад, можно было увидеть «стоящий на круче одноэтажный серый дом с мезонином и узеньким открытым балконом, выходящим в сад». Именно на этом балконе в июне 1849 года и происходило чтение. Щеглов цитирует записки брата Александры Осиповны — Льва Арнольди — как «единственный документ, сохранивший потомству драгоценные намеки о гениальных страницах, преданных впоследствии сожжению» («Собрались <...> в одиннадцать часов утра на балконе, уставленном цветами. Сестра села за пядь, я спокойно поместился в кресле против Гоголя, и он начал читать»), и далее выражает уверенность в том, что «местом чтения, огласившего впервые в России второй том “Мертвых душ”, отнюдь не мог быть другой балкон, выходящий в загородный сад и прилежавший

тогда к губернаторской приемной», поскольку «он виден со стороны городской дороги, по которой подъезжали и приходили всякие служебные лица, имевшие отношения к Н.М. Смирнову»¹⁷. Не забыл Щеглов и «другой исторический памятник», находящийся «в двух шагах от знаменитого балкончика», — тот самый «невзрачный деревянный флигель с низеньким старинным крылечком», в котором Н.В. Гоголь жил летом 1849 года, «отдельная и дописывая означенную вторую часть “Мертвых душ”. Флигель «каким-то чудом <...> сохранился во всей своей ветхозаветной неприкосновенности (написано в начале XX века. — *И. М.*), лишь недавно подверглась поправке его крыша»¹⁸. Иван Леонтьевич вспомнил и калужского книготорговца Ивана Фомича Антипина («Фомича», как его называли в городе), в лавке которого хранилась знаменитая гоголевская шляпа, и комическую историю с калужским чиновничеством, питавшим «скрытую враждебность к писательской профессии»: «Однажды, когда в губернаторской приемной собралось особенно много чиновников, один из них, по привычному канцелярскому любопытству, заглянул тихонько в соседний зал и заметил сидящего там Гоголя. “Господа, будьте осторожнее... здесь Гоголь!” — сообщил он предупредительно сослуживцам, и все стали суетливо оправляться и чиститься перед зеркалом. “Надо подтянуться... того гляди, как бы еще не описал”, — тревожно промелькнуло в уме каждого»¹⁹.

...Домик Гоголя, о чем уже сказано, не сохранился. Зато на его месте сегодня стоит памятник автору «Мертвых душ» (2014, скульптор А.А. Смирнов).

¹Государственный архив Калужской области. Ф. 49. Оп. 1. Д. 210 а. Л. 50 об.—52.

²Фехнер М.В. Калуга. М., 1961. С. 49–53.

³Исторические памятники и городская скульптура Калуги. Калуга, 2014. С. 55.

⁴Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1917 год. С. XXIX.

⁵Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 98.

⁶Там же. С. 270.

⁷Там же. С. 271.

⁸Там же. С. 271–272.

⁹Там же. С. 276–280.

¹⁰Там же. С. 291.

¹¹Там же. С. 292–294.

¹²Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1917 год. С. XXIX.

¹³Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 40.

¹⁴Там же. С. 65–66.

¹⁵Там же.

¹⁶Щеглов Иван. Подвижник слова. Новые материалы о Н.В. Гоголе. СПб., 1909. С. 29–30.

¹⁷Там же. С. 30–31.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. С. 33–41.

Георгий Валентинович Куликов

«ДИТЯ ДУШИ»

По поводу одного семейного предания,
касающегося частной жизни мыслителя, писателя, публициста
Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891)

К. Леонтьев

Константин Николаевич Леонтьев

К заголовку своей повести «Дитя души» К.Н. Леонтьев сделал сноску: «Дитя души — на Востоке значит приемыш, воспитанник, дитя, не телом рожденное, а душой принятое»¹. Напомнил же я об этой «старинной восточной повести» (так писатель определил жанр) для того, чтобы сказать, что у Константина Николаевича было и живое — не выдуманное — «дитя души». Имею в виду дворовую девочку Варю, которую он приблизил к себе, а позже выдал замуж и продолжал о ней заботиться до самой своей смерти, не обойдя ее и в духовном завещании.

Знакомые, некогда знавшие Леонтьева как «великого волокиту» (Н.Н. Страхов²), не могли не заметить столь равнодушного, можно сказать, любовного отношения к девочке мужчины сорока с лишним лет. Ему приходилось даже оправдываться, пусть и в шутку: «<...> Отличный кофе, который подает мне фаворитка моя в сарафанчике и в красной рубашке (*honni soit, qui mal y pense*³) — ей всего 13 лет»⁴; «Варька — вот где искушение. Искушение в том смысле, что я боюсь слишком уж отечески и серьезно привязаться к ней»⁵. «Люблю свое родное Кудиново, — признавался он оптинскому старцу Амвросию. — Люблю литературу... Люблю вот даже эту девочку Варвару, которая у нас (по совести отеческим чувством)» — подчеркнул К.Н. Леонтьевым (Г. К.)⁶.

В 1990-х годах я несколько раз встречался с внучкой «фаворитки» — Лидией Николаевной Прониной, от которой узнал о семейном предании, что-де Варвара Лукьяновна была не только «дитем души» К.Н. Леонтьева, но и его незаконнорожденной дочерью. Я пообещал проверить эту версию, но «административная круговерть» в редакции журнала, где я тогда работал, не оставляла ни сил, ни времени для каких бы то ни было журналистских расследований. Позже оправдывал свое отлынивание тем, что еще не изданы полностью леонтьевские автобиографические заметки и переписка.

В 2000 году появился первый том полного собрания сочинений и писем К.Н. Леонтьева. Минуло 16 лет, а до выпуска томов с письмами дело так и не дошло. Конечно же, время от времени я возвращался к теме семейного предания Прониных. Делал выписки из газет, журналов, книг. А недавно, просматривая старые записные книжки, с грустью осознал: если отложу и на сей раз — отложу навсегда. Обязывала также и память о Лидии Николаевне, скончавшейся 7 апреля 2007 года...

*Николай Александрович
и Александра Алексеевна Пронины
с детьми Лидой и Колей.
18 июня 1929 года*

* * *

А начиналось все так. Прочитав мою заметку в «Литературной России» (1991. №42) о поисках могил К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова, Лидия Николаевна позвонила мне и рассказала о семейном предании насчет ее бабушки. Разумеется, я заинтересовался. Записал телефон. А в ноябре за несколько дней до конференции в ИМЛИ, посвященной 100-летию со дня кончины К.Н. Леонтьева, где мне предстояло выступить⁷, позвонил Лидии Николаевне и пригласил ее в надежде встретиться и поговорить. Однако в силу все той же «круговерти» поговорить нам тогда не удалось. Лишь через четыре с половиной года, 27 февраля 1996-го, мы с фотокорреспондентом Сергеем Старшиновым приехали к ней домой. Жила она одиноко в однокомнатной квартирке на Сеславинской улице.

Лидия Николаевна пригласила нас в комнату, усадила за круглый стол,

*Лидия Николаевна Пронина.
Фотография С.Н. Старшинова. 1996 год*

*Варвара Лукьяновна Пронина с внуком.
Вторая половина 1940-х годов*

приготовила чай. За чаем я стал расспрашивать. И, честно сказать, мало чего узнал нового, в частности, подтверждающего семейную легенду. Во-первых, ни сама Варвара Лукьяновна, ни ее сын — отец Лидии Николаевны, никогда не говорили о Леонтьеве:

— В те годы о прошлом помалкивали. Помню, учительница дала нам домашнее задание — написать, начиная с родителей, о наших предках. Так мама стояла за моей спиной и диктовала, боясь, как бы я не написала чего-нибудь лишнего.

— От кого же и когда Вы узнали о Леонтьеве?

— Наверное, во время войны или сразу же после нее... Мама сказала, что Нюра, родственница со стороны дедушки Александра (мужа Варвары Лукьяновны. — *Г. К.*), по великому секрету сообщила ей: у бабушки-то отец был писатель Леонтьев. А по-настоящему я заинтересовалась Леонтьевым, когда прочитала о нем в «Литературке» (от 5 апреля 1989 года. — *Г. К.*) статью Владимира Вениаминовича Бибикина. Не знаю, как решилась (вообще-то я человек стеснительный) написать автору. Он мне ответил,

и не раз. И еще! Помнится, смотрю на рисунок Юрия Селиверстова, помещенный в газете (портрет К.Н. Леонтьева работы Ю.И. Селиверстова. — *Г. К.*), и поражаюсь: до чего же Леонтьев похож на мою тетушку Марию!

— Расскажите, пожалуйста, о Варваре Лукьяновне. Какой она Вам запомнилась?

— Она немного сутулилась, у нее был крупный нос с небольшой горбинкой... Бабушку мы все любили за ласковое обращение. Когда мы переселились в свой дом, она приходила к нам сидеть со мной и братом. А жила она в семье младшего своего сына Георгия.

— Сколько же у Варвары Лукьяновны было детей?

— Родилось тринадцать, а выжило только семеро. Вот они у меня записаны: «Дети Александра и Варвары: старший сын Сергей (даты рождения и смерти мне неизвестны), Мария (1886–1979), Николай (1891–1961), Александра (1899–1979), Анна (1902–1989), Пелагея (1905–1979), Георгий (1909–1969)». Все мазилковские! (Мазилово — бывшая подмосковная деревня, вошедшая со временем в состав Москвы. — *Г. К.*). У художника Саврасо-

ва картина есть «Вид на Москву от Мазилова». Мы жили на Овражной улице. Дом прадеда Тимофея стоял рядом с нашим. Теперь там многоэтажки... Когда-то я даже стихи об этом сочинила:

*Кирпичные, панельные
Дома стоят вокруг,
От прежней дачной местности
Остался только пруд.
Исчезло и название,
Пропало без следа...
Мазилово, Мазилово —
Да было ли когда?*

— А где похоронили Варвару Лукьяновну? В Мазилове?

— Да, но потом ее перезахоронили на Химкинском кладбище. Там и родители мои, и брат мой тоже — все в одной оградке⁸.

— Кто же позаботился о переносе останков бабушки?

Константин Николаевич Леонтьев.
*Портрет работы художника
Ю. И. Селиверстова.
Из цикла «...Из русской думы»*

Козьма Терентьевич Солдатёнков

— Ее дочь, а моя тетя Александра Александровна. Забыла еще сказать: когда дедушкин дом в Мазилове сгорел, деньги на новый дом дал известный промышленник Солдатёнков, усадьба которого находилась неподалеку. Бабушка и дедушка, видимо, через Леонтьева были с ним знакомы.

— Ну, а дедушку Александра Тимофеевича Вы помните?

— Совсем не помню! Я родилась 18 мая 1926 года, уже после его смерти. А умер он в начале 1920-х годов. Знаю, что дедушка был старостой в нашей церкви. Погодите, я вам ее покажу.

Лидия Николаевна взяла с этажерки газету «Московский запад» от 29 января — 4 февраля 1996 года со снимком церкви иконы Божией Матери «Знамение» в Кунцеве.

Позже я прочитал об этой церкви следующее. Она строилась в начале XX века (освящена в 1913 году) на фундаменте храма 1744 года иждивением Надежды Григорьевны Солдатёнковой — вдовы промышленника. Богослужения прекратились в 1932 году (сейчас возобновлены). Колокольню снесли, главки сбили, мраморный иконостас уничтожили. Разрушили и склеп Солдатёнковых, устроив здесь военно-спортивный клуб.

Ознакомившись с историей церкви после 1913 года, имени Александра Прони на я не встретил. Может быть, он являлся старостой церкви предыдущей, где его впервые увидели Константин Николаевич и Варя (см. ниже)?

*Знаменская
церковь
в Кунцево.
Фотография
2015 года*

Лидию Николаевну мы с Сергеем навестили еще 10 октября. Я начал было вновь расспрашивать ее, но быстро понял: ничего существенного уже не услышу.

Последний раз я встречался с Лидией Николаевной 10 декабря. Она позвонила и сказала, что сделала для меня ксерокопии писем к ней В.В. Биbihина и свидетельства о смерти Варвары Лукьяновны. Я тотчас же поехал. Грустная была встреча... Я не мог не заметить, насколько Лидия Николаевна, увы, сдала.

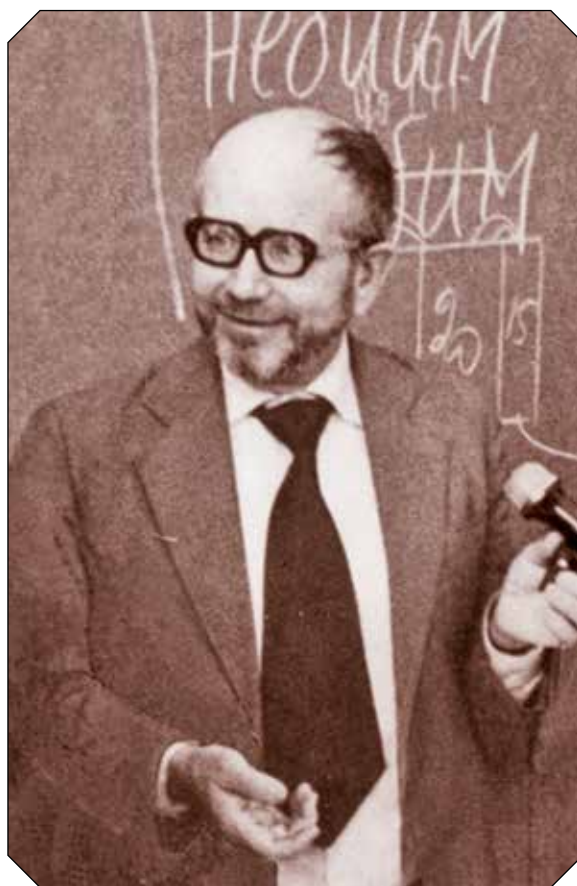
— Как Вы себя чувствуете?

— Что-то неважно... Едва дошла от церкви до дома. Устала! Иной раз иду в церковь и думаю: дойду ли? А иногда допозду до метро — и возвращаюсь.

Потом я ей несколько раз звонил. Помнится, порадовал вестью о том, что начали издавать «академического» Леонтьева: жду-де томов с письмами, чтобы проверить «Нюрину» версию. Где-то году в 2003-м Лидия Николаевна, взяв трубку, вспомнила меня с трудом — только после того, как я рассказал подробности моих предыдущих посещений. Но что нас с нею связывает, понять уже не могла...

* * *

Прежде чем продолжить разговор о семейном предании Прониных, приведу упомянутые выше письма философа, филолога,

Владимир Вениаминович Биbihин (1938–2004)

переводчика Владимира Вениаминовича Биbihина. (письма публикуются с незначительными сокращениями. — *Ред.*).

«22.8.1989.

Уважаемая Лидия Николаевна!

Спасибо Вам за письмо о Леонтьеве. Извините за поздний ответ.

Личная жизнь Константина Николаевича Леонтьева мне известна только в самых общих чертах, да и вообще она не так уж хорошо известна.

Он был военным доктором в Крыму и познакомился там с Елизаветой Павловной Политовой, красавицей, необразованной дочерью торговца-грека. В 1858 году Леонтьев уехал из Крыма, но после трехлетней разлуки вернулся туда и 19 июля 1861 года женился законным браком на Елизавете Павловне, с которой почти не расставался потом всю жизнь. Она его, кстати, пережила и умерла уже после революции. Детей у Константина Николаевича и Елизаветы Павловны не было. Константин Николаевич легко позволял себе сердечные привязанности — он считал, что полной человеческой жизни нет без воли для чувств, — и это терзало Елизавету Павловну. Некоторые считают даже, что здесь одна из причин того, что она помешалась в уме. Во всяком случае, уже с середины 1860-х годов у нее были большие странности в поведении. Константин Николаевич не сделал ни малейшей попытки развестись и обращался с ней самым душевным образом до самой своей смерти.

Девочку Варвару привели к Леонтьеву маленькой полечить больные глаза, ведь он был по образованию доктор. Это было, когда он уже вернулся в Россию после дипломатической службы в Греции и Турции (он там был с 1863 по 1872 год с наездами в Россию). Варвара родилась примерно в 1865-м. Ее мать Агафья стала прислугой в кудиновском родовом имении Константина Николаевича. Варвару Леонтьев тоже взял для работы по дому и так привязался к ней, что она стала ему как дочь. Он называл ее «фаворитка», «дитя души». Этим выражением — «Дитя души» — называется одно из его художественных произведений; там объясняется, что «дитя души» — это неродной, приемный ребенок, который оказывается по духу даже ближе любого родного. Отношения с Варей у Леонтьева были таковы, что он ходил с ней по грибы, пел вместе песни. Он хвалил ее в одном из писем другу от 20 декабря 1880 года: она «такая прекрасная, верная, серьезная дочь» (выделено К.Н. Леонтьевым. — Г. К.), что поискать таких <...> оптинские старцы ее уважают». Леонтьев часто приезжал в Оптину пустынь с женой и слугами.

В 1882 году Леонтьев продал Кудиново одному крестьянину и переселился в Москву, жил в Малом Песковском переулке, но летом переселился на дачу в Мазилово. В 1883-м или в 1884-м, помолвившись в Москве у Иверской, Константин Николаевич на другой день — это была Троица — пошел с Варей к обедне уже в Кунцеве, по соседству с Мазиловым. На паперти храма стоял молодой крестьянин Александр, и его красота поразила обоих — Варю и Константина Николаевича. Началось сватовство, Константин Николаевич устроил молодым свадьбу⁹, после которой Александр, молодой муж Вари, остался у Леонтьева на положении слуги, но летом иногда уезжал в свою деревню на полевые работы. Константин Николаевич ими любовался, читал обоим вслух русских классиков (Льва Толстого) и обучал хорошим манерам. А в начале 1885 года у Вари родился мальчик, который умер. Потом, однако, родилось еще несколько детей. <...>

Позднее отношения между Варей и Александром стали сложными, они часто ссорились, Константин Николаевич пробовал наставлять их. Варе пришлось одно время отъехать в монастырь помолиться. Александр то ревновал ее, то сам увлекался кем-то. Между 1887 и 1891 годами они ра-

зошлись. Варя была при Константине Николаевиче, когда он умирал в конце 1891 года в гостинице при Троице-Сергиевой лавре под Москвой. Его могила в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры <...> теперь сравнена с землей и на ней нет креста, хотя по дневниковым записям писателя Пришвина можно с точностью установить место могилы¹⁰. Как сложилась судьба Вари после смерти Леонтьева, я не знаю. <...> Бумагами Леонтьева после его смерти ведала его племянница, преданная ему Марья Владимировна, дочь его старшего брата. Нет сомнения, что в завещании своем (от 1890 года; оно хранится в Центральном гос. литературном архиве) он позаботился, как мог, о Варе, которую считал все равно что своей родной дочерью — «дитя души».

Как замечательно, что Вы откликнулись на публикацию о Леонтьеве в «Литературной газете»! Мне было бы очень интересно, если бы Вы сообщили мне сведения о Варе, т. е. о Вашей бабушке. В издательстве «Книга» теперь хотят повторно напечатать вышедший в 1911 году сборник «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» с его биографией. В примечаниях можно было бы написать подробнее о Варваре, таком близком ему человеке, упомянув при этом и Вас — разумеется, с Вашего согласия.

С уважением и благодарностью —
В. Бибихин».

«11.2.1990.

Уважаемая Лидия Николаевна,

огромное Вам спасибо за письмо, где Вы подробно рассказали о Варваре Лукьяновне и о Вашей семье. <...> Написав Вам то, что знал, об отношениях Леонтьева с его «Варей», я вовсе не думал, что все вопросы разрешены. О жизни Константина Николаевича все-таки многое неизвестно. Сергей Георгиевич Бочаров, замечательный литературовед, и Пиама Павловна Гайденко, философ, изучали его жизнь и творчество; я советовался с ними. Они тоже, как и я, не думают, что Леонтьев был связан с Варварой Лукьяновной чем-то большим, чем дружбой. <...> Но ведь что-то должно стоять и за преданием, существующим в Вашей семье. Вот и сведения об Александре Пронине, имеющиеся в исследованиях о Леонтьеве, что Александр якобы развелся с женой, оказываются, как Вы пишете, неверными. Заставляет задуматься и внешнее сходство, о котором Вы упоминаете, — Марии Александровны, дочери Варвары Лукьяновны, с Леонтьевым на портрете в «Литературной газете». Жизнь неожиданнее и причудливее, чем мы можем думать.

С одной стороны, в вопросах нравственности Леонтьев был очень широк, для него главной ценностью было богатство жизни, личной и общественной, духовной и физической. С другой стороны, он был очень откровенен и гнушался ложью. Правду, какая бы она ни была, он не затруднился бы сказать. А лукавить его ничто бы не заставило. Специально скрывать что-то в своей биографии он не стал бы. И вот мы имеем в его письмах совершенно ясное заявление, что его отношения с Варварой Лукьяновной были чисты, что подозревать тут его не надо: «Стыдно тому, кто подумает об этом дурно», прибавляет он по-французски после рассказа другу о том, как он живет у себя в Кудинове и как ему там все нравится, в том числе и то, что «красивая Варька подает кофе на подносе». Не верить ему нет оснований.

Но: письмо это написано много раньше замужества Варвары Лукьяновны и рождения Марии Александровны (в 1886 г., когда Леонтьеву было

55 лет). Надо вчитаться в более поздние его письма; может быть, там удастся найти что-то совершенно определенное; но не все они опубликованы. Если бы у Варвары Лукьяновны остались какие-то записи, воспоминания о Леонтьеве или книги, им подаренные! Вы упоминаете, что одна из дочерей Варвары Лукьяновны поминала в храме монаха Климентия (так у автора, нужно: Климента. — *Ред.*). Неужели Константина Николаевича, который за несколько месяцев до смерти принял тайный постриг в Оптиной пустыни под именем Климентия? Между прочим, даже этот тайный постриг некоторые оспаривают, так что Ваше сообщение как будто говорит о том, что Варвара Лукьяновна — если это именно она просила свою дочь помянуть монаха Климентия, — не сомневалась в факте этого пострига¹¹.

Ясно одно, что в совсем недавнее от нас время жил человек, как никто знавший Леонтьева и хранивший о нем память. Возможно, по разным причинам Варвара Лукьяновна предпочитала рассказывать о нем не всем. В какие-то годы заявить: «Я воспитывалась в помещичьем доме и моим старшим другом был потомственный дворянин» — было, наверное, просто опасно. Духовное наследство ушло поэтому как бы под воду, выразилось в характере, в общении. Ее старшие дети, однако, должны были много слышать от матери о Константине Николаевиче.

Если мне что-то еще удастся узнать об их отношениях, я напишу Вам. А с Вашей стороны всякие воспоминания, всякие сведения, особенно такие, как письма и дневники, относящиеся к Варваре Лукьяновне и Леонтьеву, имеют ценность для истории русской литературы. Сергей Георгиевич Бочаров, о котором я упоминал, считает, что в примечаниях к будущему изданию Леонтьева нужно написать то, что Вы сообщаете.

С пожеланиями здоровья и бодрости духа —
В. Бибихин».

«17.3.1990.

Уважаемая Лидия Николаевна,

после всего многого, что Вы написали о Варваре Лукьяновне и о Вашей семье, загадки остаются. Я теперь понимаю, что историки литературы чего-то главного о «Варе», как ее называют в книгах по Леонтьеву, может быть, не знают, и она унесла много тайн с собой. И все-таки требуются обязательно какие-то документы, чтобы наука включила что-то новое в свое хозяйство. <...>

Я буду рад передать Вам сборник со статьями о Леонтьеве и его письмами (готовится в издательстве «Книга»), если и когда он выйдет. Сергей Георгиевич Бочаров, как я Вам, наверное, писал, готовит литературно-критические и эстетические сочинения Леонтьева в издательстве «Искусство», и мы у него тоже попросим экземпляр. Дальние планы издательств, насколько я знаю, — большое издание, целых три тома главных сочинений Леонтьева. Но где и когда это будет, я не знаю. Не занимаетесь ли Вы или кто-нибудь в Вашей семье литературной работой, не хотите ли принять участие в этом будущем издании — подготавливать, перепечатывать, считывать, комментировать тексты? (От этого предложения Лидия Николаевна отказалась: «Нет, не справлюсь. Такая большая уже...» — Г. К.)

По ТВ передавали турецкий фильм, и я вспоминал Леонтьева: он так любил Константинополь, турецкий быт, старинные нравы этого народа.

С уважением и благодарностью —
В. Бибихин».

* * *

Поразмыслим теперь над некоторыми датами биографий «дочери» и «отца».

В письме В.В. Библихина от 22 августа 1989 года читаем: «Варвара родилась примерно в 1865-м». В полном же собрании сочинений и писем К.Н. Леонтьева дата ее рождения указана так: «Ок. 1866»¹². На этот же год указывает и запись племянницы мыслителя Марии Владимировны Леонтьевой: «Мне нужен был мальчик-подросток, который бы мог до заморозков пасти несколько коров на этой отаве. Работница наша <...> предложила мне взять ее самую младшую дочь, лет девяти»¹³. Речь идет о работнице Агафье и осени 1875 года. Отнять 9 лет — получим 1866 год.

Чтобы подтвердилась версия Л.Н. Проиной, годом рождения ее бабушки должен быть 1863-й. И вот почему. Только в 1862 году во время гостевания Константина Николаевича у матери в Кудиново могло случиться то, о чем гласит семейное предание. Новый 1863 год Леонтьев встретит уже в Петербурге, а после сдачи «дипломатического экзамена» осенью получит назначение на работу секретарем и драгоманом (переводчиком) на остров Крит. В 1868 году он придет в Россию в отпуск, но Кудиново не посетит. Окончательно вернется из Турции весной 1874-го¹⁴, а в Кудиново окажется лишь «в начале июля месяца»¹⁵. К осени 1875-го предполагаемой его дочери исполнилось бы 12 лет. Мария Владимировна, правда, обмолвилась: «Девочка эта была довольно рослая для своих лет», что вроде бы дает право набавить возраст: ведь назван-то он предположительно!

Есть, впрочем, еще один источник — свидетельство о смерти Варвары Лукьяновны. По нему (умерла 16 января 1950 года в возрасте 87 лет) легко подсчитать: родилась она в 1862 году. Можно, конечно, и здесь допустить, что возраст записан

приблизительно, и «переместить» рождение на 1863 год.

Предположение, что «дитя души» Леонтьева могло оказаться его незаконнорожденной дочерью, несомненно, подкрепляется установившейся за Константином Николаевичем славой «великого волокиты». В те годы он действительно был падок на хорошеньких женщин, чего никогда не скрывал. Подобных примеров, кстати, «крепостническая» эпоха знает множество. Достаточно вспомнить Ольгу Калашникову, дочь управляющего имением Михайловское, которая родила от Пушкина мальчика, умершего в младенчестве¹⁶. Или, ближе по времени к нашему случаю, «мимолетную» любовную связь молодого писателя Ивана Тургенева с крепостной девушкой белошвейкой Авдотьей Ивановой. Она родила от него дочь Пелагею, о чем отец узнал лишь через восемь лет. «Глядя на это бедное маленькое создание, — писал он Полине Виардо в июле 1850 года, — я почувствовал свои обязанности к ней. И я их выполняю — она никогда не узнает нищеты. Я устрою ее жизнь как можно лучше». Тургенев удочерил Пелагею, дав ей новое имя — Полинет — и отправил во Францию к Виардо, устроившей девочку в пансион¹⁷.

Наверняка удочерил бы и Леонтьев Варю, будь она действительно его дочерью. И здесь я целиком на стороне В.В. Библихина: «Правду, какая бы она ни была, он не затруднился бы сказать».

Не исключен, правда, еще и такой вариант: предполагаемая любовница Агафья просто-напросто скрыла от Леонтьева, что Варя — его дочь. Это, да еще портретное сходство Константина Николаевича с «тетушкой Марией» оставляет за версией Лидии Николаевны определенное (весьма условное) право на существование, и она вполне способна вдохновить какого-нибудь дотошного исследователя на дальнейшие поиски «неопровержимых доказательств».

¹²Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 тт. Т. 3. СПб., 2001. С. 399.

¹³Он же. Избранные письма. СПб., 1993. С. 42.

¹⁴Позор тому, кто дурно об этом подумает (фр.).

¹⁵Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 211.

¹⁶Там же. С. 154.

¹⁷Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений... Т. 6. Кн.1. СПб., 2004. С. 250.

¹⁸28 ноября 1991 г.

¹⁹Здесь же нашла последний приют и сама рассказчица.

²⁰Венчание состоялось 1 июня 1884 г. (Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений... Т. 6. Кн. 2. СПб., 2004. С. 35).

ВЕРСИИ

¹⁰В.В. Бибихин, как видим, знал об этой дневниковой записи М.М. Пришвина еще до ее первой публикации в научном ежегоднике «Контекст-1990». Именно ею я и воспользовался в своих изысканиях.

¹¹«При кончине Константина Николаевича, — пишет 22 ноября 1891 г. будущий митрополит Трифон (Туркестанов) священнику Иосифу Фуделю, — присутствовали: о. Сергей Веригин, г. Чуфрин, г. Александров с умной воспитанницей, Варя и я. <...> Я его омыл, по чину монашескому надел параман, подрясник и пояс, в которых его и хоронили, ибо он был

тайно (в Оптиной) пострижен и наречен Климентом. Царство ему Небесное!» (*Митрополит Трифон (Туркестанов)*. Храм Божий — это земное Небо. Сборник писем, молитв, поучений и слов. М., 2006). Так что Варвара Лукьяновна знала о постриге Леонтьева.

¹²*Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений... Т. 6. Кн. 2. С. 310.

¹³Там же. С. 127.

¹⁴Там же. С. 30–34.

¹⁵Там же. С. 116.

¹⁶*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 178–179.

¹⁷<http://www.rodovoderevo.ru>

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://www.mosjour.ru>

127015, Москва, Бумажный проезд, дом 14, строение 2.
Телефон: (499) 557-04-27 доб. 414
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Отдел распространения: (499) 557-04-07

Владимир Александрович Бессонов

Библиограф и его жилище

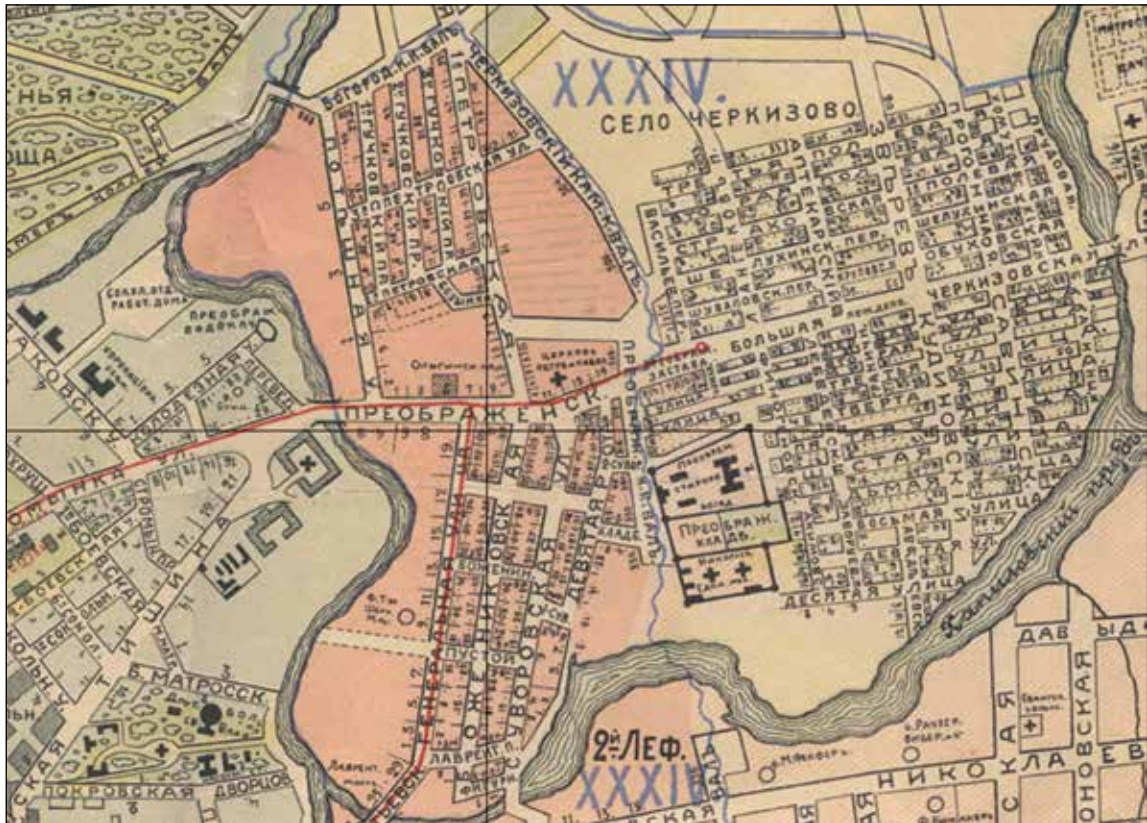
О ныне исчезнувшем московском доме № 10 по Гоголевской улице
(также уже не существующей)
и его обитателе — выдающемся труженике на ниве книговедения
Иване Филипповиче Масанове (1874–1945)

*Иван Филиппович Масанов.
Фотография 1920 года. РГАЛИ*

Предлагаемый очерк — пятый документальный рассказ о старинных деревянных домах Москвы и их владельцах¹. Хотя и располагались эти дома на окраинах Первопрестольной, культурная жизнь в них была ключом. Там частенько собира-

лись гости — то на Новоселенской улице, 24, у гласного Московской городской думы и председателя мемориальной комиссии общества «Старая Москва» Николая Андреевича Шамина, то на Малой Серпуховской, 6, у торговца москательными то-

*Черкизово. План города Москвы с пригородами 1904 года.
Издание Н.Е. Кудрявцева и Д.П. Мелик-Каспарова*

варами и «по совместительству» писателя и издателя Владимира Павловича Ютанова (навещающая также его постояльца — поэта и литературоведа Николая Сергеевича Ашукина), то на Соколиной, 10, у портного, а в душе стихотворца Ивана Алексеевича Белоусова... Сегодня речь пойдет о доме №10 по Гоголевской улице, где долгие годы обитал историк и библиограф И.Ф. Масанов.

Николай Дмитриевич Телешов (1867–1957) — поэт, прозаик, один из основателей знаменитого литературного кружка «Среда» (1899–1916) — вспоминал: «Иногда он (Масанов. — **В. Б.**) приезжал ко мне <...> вместе с И.А. Белоусовым, а то и я бывал у него в Черкизове, в маленьком его домике с крошечным садиком, где росли овощи и цветы. У стен маленьких невысоких комнаток — спальни и кабинета — до потолка поднимались папки с надписями и ящики с десятками тысяч карточек. Все у него в порядке. Иногда я заставал у него библиографов с известными именами, профессоров, искусствоведов, ученых исследователей по литературе, писателей — все они были обычными посетителями этого скромного уголка, таившего в себе ценные

научные материалы, собранные в течение целой жизни. <...> Когда во время спешной работы кому-нибудь требовалось для статьи немедленно найти дату рождения или смерти кого-либо из писателей, художников, ученых или узнать настоящее имя человека, известного лишь под псевдонимом, то, не роаясь в архивах и не доверяя случайно чьей-то памяти, нужно было обратиться в Черкизово, на улицу Гоголя (Гоголевскую; это — «стандартная» описка. — **В. Б.**), дом 10, <...> и там через несколько минут получить самые подробные и самые точные справки. Бывая у Ивана Филипповича Масанова, я почти всегда встречал у него кого-нибудь из знакомых, получающих от него сведения для спешных работ. Да и сам я <...> зачастую обращался за помощью к Ивану Филипповичу, чтоб не ошибиться в указателе дат рождения и смерти упоминаемых лиц. Профессор С.Д. Балухатый, известный литературовед и исследователь творчества Горького и Чехова, особенно чеховских пьес, — многими сведениями обязан был ему, скромнейшему из скромнейших хранителей точных дат и справок — трудов целой жизни его»².

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

* * *

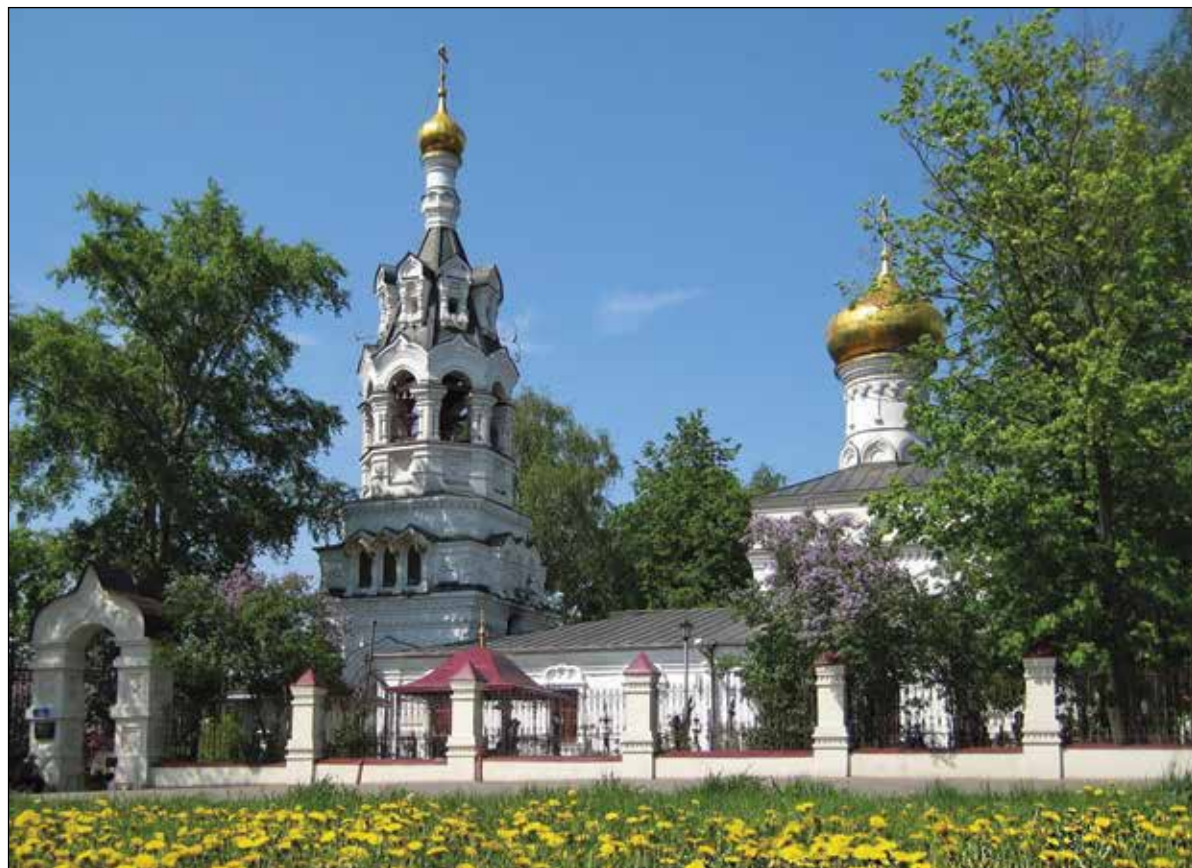
О последних минутах жизни И.Ф. Масанова в доме на Гоголевской улице рассказала его дочь Вера Ивановна Добро-нравова: «25 февраля 1945 года, сидя за чайным столом, папа вдруг побледнел и откинулся на спинку кресла. <...> Моя дочь, его внучка Вера, медичка 3-го курса, впрыснула ему кофеин, но он был неподвижен. И мы сложили на груди его неумимые, теперь уже навсегда успокоившиеся руки. Похоронили его на кладбище у церкви Ильи Пророка, где он так любил навещать могилу Ивана Корейши, «студента хладных вод», юродивого, из-

вестного всей Москве»³. При прощании сотрудник Книжной палаты Иван Васильевич Федоров произнес траурную речь: «Иван Филиппович был чуток, отзывчив, готов каждому прийти на помощь. Думаю, не ошибусь, если скажу, что он не имел врагов, этот чудный добрый старик»⁴. В 1955 году рядом с Иваном Филипповичем обрела вечный приют его жена Александра Васильевна. Сегодня их могилы потеряны. Кстати, авторитетная «Московская энциклопедия» указала место погребения И.Ф. Масанова (а также сына последнего — Юрия) ошибочно: Богородское кладбище⁵.

*Церковь Ильи Пророка
в Черкизове. 1950-е годы (справа)
и в наши дни (внизу)*

*Под красным навесом —
могила
Ивана Яковлевича
Корейши*

План расположения домов на Гоголевской улице

Нашему герою посвящено множество статей и книг⁶. Однако в них ничего нет о доме, в котором И.Ф. Масанов прожил тридцать три года — революция, Первая мировая, Гражданская, Великая Отечественная войны... В данном отношении мы можем рассчитывать только на мемуарные и эпистолярные свидетельства современников.

Итак, неподалеку от Преображенской заставы, там, где начиналось старинное село Черкизово, на Гоголевской улице (спускалась от Большой Богородской до Архиерейского пруда), в доме №10 проживал с 1912 по 1945 год Иван Филиппович Масанов — член Русского библиографического общества при Московском университете, обществ «Старая Москва», А.П. Чехова и его эпохи, содействия Государственному литературному музею, член ученого совета Всесоюзной Книжной палаты (в конце жизни — почетный библиограф ВКП)... Его имя впервые упомянуто в «Адресной книге русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати», составленной и изданной книгопродавцем-антикваром Михаилом Яковлевичем

Параделовым (1868—1913) в Москве (первое издание без даты, второе — 1904). На странице 70 читаем: «И.Ф. Масанов — собрание книг, рисунков, портретов, достигает 3000 экз.» Между прочим, этот справочник с автографом — «Многоуважаемому Ивану Филипповичу Масанову на добрую память от составителя. Москва, 6 ноября 1904 г. М.Я. Параделов» — имелся в масановской библиотеке⁷. Именно Параделов в 1904 году начал печатать в типолитографии Г.И. Простакова, находившейся на Балчуге в доме Симонова монастыря, первый вариант подготовленного Иваном Филипповичем совместно с А.В. Смирновым «Словаря псевдонимов» (то издание в итоге не состоялось). К работе над «Словарем» Масанов приступил под началом Александра Васильевича Смирнова, видного общественного деятеля Владимирской губернии, историка русской литературы, археолога, археографа; ему позднее он посвятил труд всей своей жизни: «Памяти Александра Васильевича Смирнова (1854—1918), первого указавшего мне пути к библиографии». В масановский «Словарь» вошли все 63 псевдонима, под которыми он печатался.

*Глебовский (бывший Черкизовский) переулок.
Фотография 1954 года. Из архива Л.Ф. Казаковой*

* * *

И.Ф. Масанов вошел в анналы российской науки в первую очередь как автор-составитель авторитетного четырехтомного «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» (Тома 1–4. М., издательство Всесоюзной Книжной палаты, 1956–1960). «Я всегда интересовался письмовниками, — сказал как-то Иван Филиппович на заседании литературного кружка “Среда”. — Обо всех литераторах собираю сведения — и о молодых, и о старых — обо всех». Кто-то попытался его «срезать»: «А о Боборыкине? О Златовратском?» На что дан молниеносный ответ: «У Златовратского был псевдоним в семидесятых годах — “Золотой человек”, когда он писал сатирические рассказы. А позже под критическими заметками подписывается только своими инициалами»⁸. Зафиксированы даже случаи, когда Иван Филиппович напоминал тому или иному автору, под каким псевдонимом, где и в каком издании тот впервые выступил в печати.

Грандиозный «Словарь», включивший более 80000 псевдонимов деятелей русской культуры, большей частью создавался в черкизовском деревянном домике на Гоголевской улице. Путь к читателю оказался долгим и тернистым⁹. В 1929 году появилась слабая надежда на публикацию первого варианта. Издатель — библио-

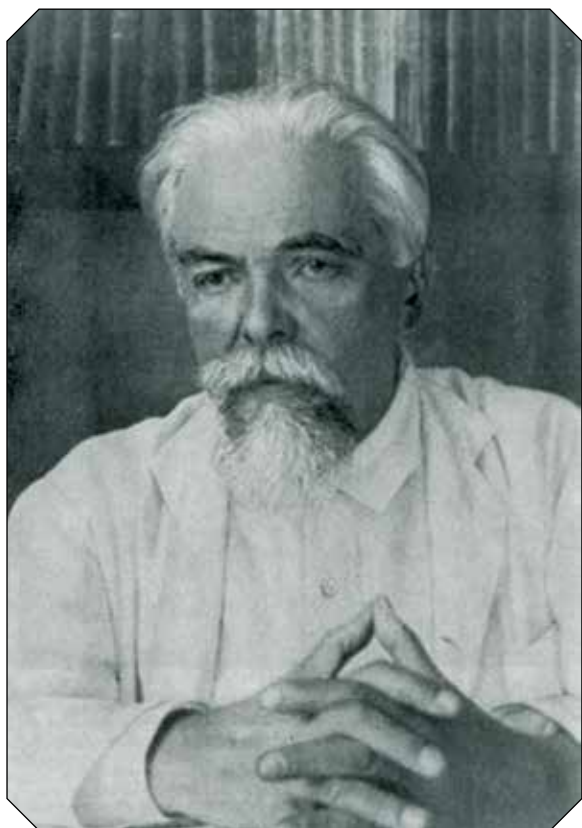
граф Ферапонт Иванович Витязев (настоящая фамилия Седенко. 1886–1938) — писал Ивану Филипповичу 16 мая 1929 года: «Имейте в виду, что я выступаю от Вашего имени как редактор. В успехе уверен. У коммунистов мне дали подписи: Л.Б. Каменев. В.И. Невский, В.В. Полонский. Из марксистов — В.Ф. Переверзев, Л.И. Аксельрод (Ортодокс). Я соскучился за Вами и скоро буду у Вас на Гоголевской. <...> Собирался я много раз, да все как-то не было времени выполнить намерение. А оно было всегда особо дружеским. Я ведь очень люблю бывать у Вас»¹⁰.

Ф.И. Витязев, осознавая значение масановского труда, делился с ленинградским библиографом Д.М. Пинесом (письмо от 29 октября 1929 года): «Есть надежда, что начнется печатание “Словаря” Масанова, где я выступаю в роли редактора. Сейчас веду переговоры. Это будет вклад, да еще какой! И радость огромная, всех охватывающая! Мезьер и Масанов — да здравствуют! Вот два вклада, два луча на полсотни лет будут светить и радовать»¹¹.

Однако в декабре 1931 года Ф.И. Витязева неожиданно отправили «отдыхать» в Нижний Новгород, затем в Ульяновск, откуда он сообщал И.Ф. Масанову 16 марта 1933 года: «Вот уже 4 дня, как я в Ульяновске. Впечатление безотрадное — серо, грязно, запущенно. Приехал <...>

*Ферапонт Иванович Витязев (Седенко).
Фотография из следственного дела.
1937 год*

*Николай Александрович Рубакин.
1940-е годы*

и чуть-чуть не очутился буквально на улице. И номеров в гостинице (а она здесь одна!) свободных не оказалось. Знакомые же мои выехали. Положение с первого дня получалось безвыходное. К счастью, мне дали ночлег совершенно чужие люди. С комнатами очень трудно. Здесь тоже жилищный кризис. <...> Не можете ли Вы взаимобразно перевести мне рублей 40 денег? Верну очень скоро. Мне сейчас не к кому обратиться, кроме Вас»¹². Иван Филиппович тотчас выслал требуемую сумму, на что его друг откликнулся коротким посланием от 29 марта 1933 года: «Сегодня я получил от Вас перевод на 40 рублей. “Московно” кланяюсь земным поклоном и от сердца благодарю за дружескую поддержку в трудную для меня минуту»¹³.

Между тем русский книговед Николай Александрович Рубакин, живший с 1907 года в Швейцарии, забеспокоился и стал бомбардировать Масанова письмами: куда это вдруг исчез небезразличный ему Витязев? Масанов отвечал 30 марта 1932-го: «Витязев в настоящее время проживает в Н.-Новгороде и мне еще не ответил на заданные Вами через меня ему вопросы»¹⁴. По поводу судьбы подготовленного Ф.И. Витязевым «Словаря» (письмо от 30 октября 1932-го): «Словарь принят к изданию. В связи с этим событием в «Вечерней Москве» от 21/X была помещена сочувственная статья, правда, с ироническим заголовком: “Коллекционер-библиограф из Черкизово”»¹⁵.

Но дело внезапно застопорилось, а вскоре совсем заглохло. И тут вмешалось издательство «Academia», которое в 1936 году напечатало первый (из предполагавшихся трех) том под редакцией А.А. Боровского и Н.П. Киселева. Тираж назначили 3300 экземпляров. Вдруг поступает команда: оставить 300, остальное — под нож; распространять только по научным библиотекам. 29 июня 1937 года автор сообщал историку литературы А.Б. Дерману: «Первый том моего “Словаря” вышел всего в количестве 300 экземпляров и распределялся Главлитом (а 3000 экз. было уничтожено)»¹⁶. Причина по тем временам обычная: в «Словаре» оказались десятки фамилий, неугодных властям, — один из них Л.Б. Каменев (Розенфельд), бывший директор издательства «Academia» (1932—1934), «одаривший» Масанова своим псевдонимом, которым «верный ленинец» пользовался в Тифлисе еще в 1900 году.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

*Иван Филиппович и Александра Васильевна Масановы с внучкой Верой Добронравовой.
1928 год. НИОР РГБ*

*Титульный лист книги И.Ф. Масанова
«Русские сатирико-юмористические журналы
(Библиографическое описание)».
Владимир, 1913 год*

* * *

Ленинградский историк литературы Дмитрий Михайлович Пинес (1891–1937) писал И.Ф. Масанову из архангельской ссылки 25 февраля 1935 года: «Вспомнил Ваше гостеприимное Черкизово, Ваш трудовой кабинет, Ваши цветы в садике. Конечно, и в истекшие два года не раз вспоминал Вас и Ваш дом, с волнением думал о судьбе труда всей Вашей жизни — «Словаря псевдонимов»¹⁷. Случалось, останавливался у Масанова, приезжая в Москву, живший в Одессе, а впоследствии ставший ссыльнопоселенцем (Можайск, Завидово) литературовед и библиограф Сергей Петрович Шестериков (1903–1941). В поисках Гоголевской улицы Шестерикова сопровождал книговед Николай Николаевич Аблов (1888–1942), сообщавший ему 27 июля 1928 года: «Масанова давно не видел. Ко мне он редко заезжает, а к нему так просто не соберешься (он живет в пригороде). Кстати, когда приедете, обязательно <...> съездим к любопытнейшему «библиографическому отшельнику»¹⁸. Аблов не скупился на ласковые прозвища для Ивана Филипповича — были еще и такие: «муравей русской научной библиографии», «замечательный библиографический крот»...

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

*Николай Николаевич Орлов.
16 июня 1932 года. НИОР РГБ*

*Дмитрий Михайлович Пинес. Фотография
из следственного дела. Архангельск. 1937 год*

Из письма Н.Н. Аблова к И.Ф. Масанову от 15 июля 1940 года: «Мы втроем (Ф.Ф. Максименко, Н.Н. Аблов и Н.А. Королев) хотели бы нагрнуть к Вам в четверг 18-го июля вечерком. Можно ли?»¹⁹ Вместе с упомянутым здесь Н.А. Королевым Аблов «поднимал» с 1918 года библиотеку Иваново-Вознесенского политехнического института (ИВПИ). Ее фонды в дальнейшем вошли в Центральную универсальную научную библиотеку Ивановской области, существующую и поныне.

И Н.Н. Аблов, и С.П. Шестериков были репрессированы. Вообще в 1920–1930-х годах в доме №10 по Гоголевской улице дневали, а иногда ночевали многие посаженные в разное время на «казенные хлеба» отечественные библиографы-библиофилы-библиотекари — А.В.Белинков, Л.Э. Бухгейм, Е.И. Вашков, Ф.И. Витязев, В.Я. Закс, Н.В. Здобнов, П.К. Казаринов, И.М. Картавцов, Н.П. Киселев, А.М. Кожебаткин, К.Д. Корсаков, А.И. Милютин, Н.Н. Орлов, Д.М. Пинес, А.Н. Попов, Г.И. Поршнева, А.А. Сейдиев, С.А. Сильванский, И.П. Сотников, Г.И. Цшауль, М.И. Чуванов, С.П. Шестериков²⁰. И не каждому из них довелось снова оказаться под этим гостеприимным кровом...

* * *

В феврале 1934 года в только что организованном журнале «Советская библиография», редактором которого был директор Книжной палаты Василий Иванович Соловьев (1890–1939), появилась статья «К истории русского литературного псевдонима», подписанная отцом и сыном Масановыми. Сын Юрий (1911–1965) книжной наукой особенно не интересовался, и соавторство с отцом означало стремление последнего приобщить отпрыска к своему делу. Что и удалось, судя по публикации в январском номере журнала за 1940 год статьи «Библиографирование псевдонимов, анонимов, мистификаций и плагиатов» за той же двойной подписью. Это означало, что Иван Филиппович доверил Юрию непростую судьбу «Словаря псевдонимов», печатанье которого (после закрытия в 1937 году издательства «Academia») возобновилось во Всесоюзной книжной палате под редакцией М.А. Годкевича и Б.П. Козьмина. Изданию, впрочем, помешала война — опять успел выйти только первый том; сдвоенный же второй-третий появился лишь в 1949 году. Всю огромную работу по завершению труда отца взвалил на себя Юрий, добавив

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

Василий Иванович Соловьев — директор Книжной палаты. 1920-е годы

и результаты собственных изысканий. А ведь краевед, архивист Яков Николаевич Жданович (1885—1953) запомнил с горечью сказанное Иваном Филипповичем в годы войны: «Сын не станет заниматься этим»²¹. Но вскоре после кончины отца Юрий Ива-

нович в письме от 12 января 1946 года библиографу Н.П. Рогожину сообщает, что «подал рапорт на увольнение с армейской службы» и ждет не дождется минуты, когда сможет «заняться любимой работой — библиографией»²². И это «прозрение» на него снизошло в родном доме на Гоголевской улице, где все дышало книгой. В выходных данных опубликованного наконец в полном объеме (четыре тома, 1956—1960) «Словаря» указано: «Подготовил к печати Ю.И. Масанов».

Еще до войны Юрий Иванович окончил Московский автодорожный институт. Служил военным инженером на Щелковском аэродроме. А «переродившись» в библиографа, стал ведущим научным сотрудником Всесоюзной Книжной палаты. В доме на Гоголевской улице прожил до середины 1950-х годов, потом сменил адрес; новые его «координаты» помечены в записной книжке тогдашнего главного библиографа страны — профессора Московского библиотечного института Богдана Степановича Боднарского: «Улица Чкалова, 44, квартира 2»²³.

Скажем несколько слов о другом сыне Ивана Филипповича — Николае, тоже ассистировавшем родителю в его работе. Весной 1946 года Николай уведомлял находившегося в командировке Юрия: «Половина цветов в нашем садике уже распустилась, а георгины выросли чуть в рост среднего человека, вероятно, скоро

Сотрудники Книжной палаты за работой. 1930-е годы

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

Юрий Иванович Масанов. 1950-е годы

распустятся. <...> Занимаюсь разборкой архива отца и, конечно, писанием своих книг»²⁴. Чего-либо из сочиненного им, а тем более напечатанного обнаружить не удалось.

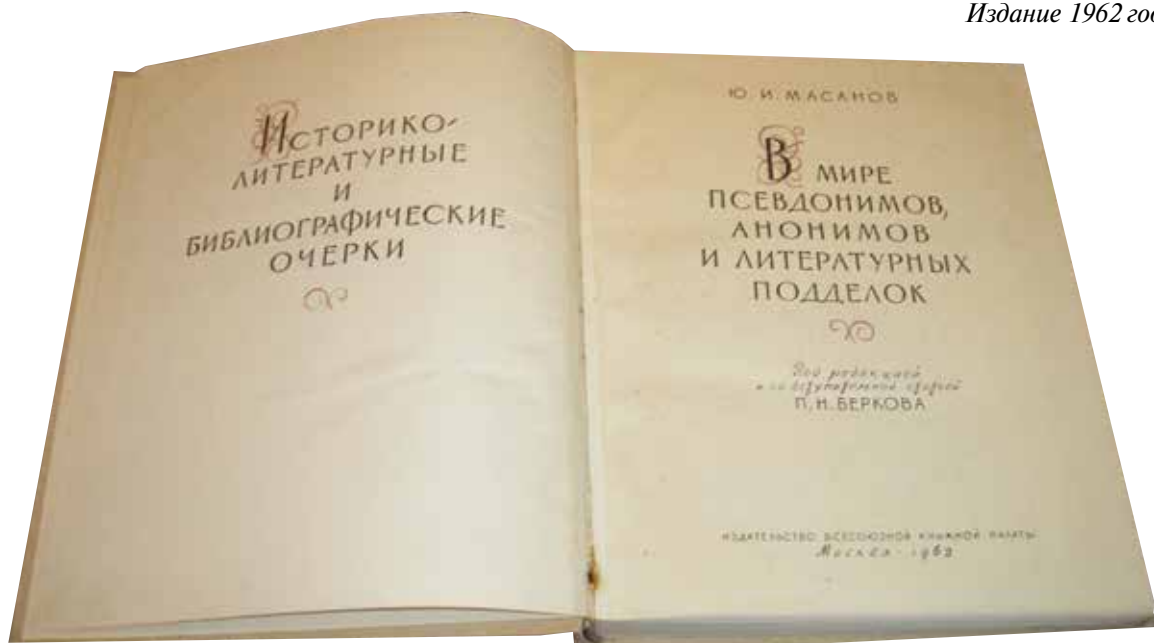
* * *

А зачинался «Словарь» на заре XX века в двухэтажном доме миллионера-благотворителя Альберта Людвиговича Беренштама (1825—около 1896) на Мясницкой, 51. В 1896 году его супруга Анна Вильгельмовна Беренштам (урожденная Тугенхольд) стала директором Торгового дома «А. Гензель и К^о» (тюлевый, гардинный и другие мануфактурные товары). Иван Филиппович служил в этой фирме с 1893 (по другим источникам, с 1892) по 1919 год — на

*Титульный лист
«Словаря псевдонимов...»
И.Ф. Масанова.
Издание 1941 года*

*Титульный лист
книги Ю.И. Масанова
«В мире псевдонимов,
анонимов
и литературных подделок».
Издание 1962 года*

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

первых порах упаковщиком с оплатой 14 рублей в месяц плюс хозяйские харчи. По словам московского коллеги и друга Ивана Филипповича — Я.Н. Ждановича (см. выше), Масанов «вспоминал не единожды о работе своей в фирме “Гензель и К^о” <...> и даже о формах карточек и книгах учета, которые он вел»²⁵.

В 1896 году, проживая на Мясницкой, Иван Филиппович взял в жены девушку-крестьянку — Александру Васильевну Никишину (родом из села Добрынинское Владимирской губернии), которая в письме ему бесхитростно признавалась: «Зачто я благодарю Бога что онь паслалъ мне такога умнаго мужа»²⁶ (орфография подлинника сохранена). Безграмотная крестьянская дочь стала Масанову верной помощницей во всех начинаниях.

Дочь Вера вспоминала, что Ивану Филипповичу с рождением первого сына Владимира «за исправную и честную» службу предоставили в дворовой пристройке освободившуюся комнату, где недавно держали кур: «Когда хозяин умер, ее разрешили занять моему отцу. <...> Комната была вымыта, оклеена дешевыми обоями, засияли протертые стекла окон. У одного окна была прикреплена откидная широкая доска, выкрашенная черным лаком, — письменный стол. <...> Также руками отца сделаны два шкафа: для книг и для посуды; куплены диванчик и стулья. <...> Все последующие годы в семье бытовала присказка: “А это было давно, когда еще мы жили в курятнике”²⁷. И довольно скоро сюда потянулись первые еще редкие гости, чтобы пообщаться с хозяином, получить от него научную справку... Еще из записок Веры Ивановны Добронравовой: «Библиограф, врач, краевед и общественный деятель Владимирской губернии Александр Васильевич Смирнов посещал отца, когда мы жили на Мясницкой, и я хорошо помню его тучную фигуру, невысокий рост и великолепную шевелюру. Он носил небольшую бороду, и его умные пронизательные глаза всегда улыбались нам — детям. <...> Посещал наше убогое жилище издатель «Русского архива» Петр Иванович Бартенева, который бывал у нас чаще летом. Помню, папа вытащил из нашей комнаты два стула в маленький дворик, не рискуя принимать гостя в темной и душной комнате. У Бартенева был очень барственный вид, одет он был прекрасно — в очень коротеньком по моде того времени коричне-

Мясницкая улица. Здание Госторга РСФСР, построенное в 1925–1927 годах на месте дома А.Л. и А.В. Беренштамов

вом пальто и коричневой мягкой шляпе. Он сидел на вынесенном папой стуле, тяжело опираясь на маленькую палку с серебряным набалдашником. И поразил мое детское воображение тем, что, вынув из кармана блестящую табакерку, брал пальцами рук табак и начинал его запихивать в ноздри. Бартенева долго о чем-то говорил с папой. Он приходил к нам еще несколько раз»²⁸. Результатом визитов историка стали две публикации И.Ф. Масанова в «Русском архиве», посвященных библиографии сочинений А.П. Чехова и А.И. Левитова. У поэта В.Я. Брюсова почему-то возникли подозрения, будто «Чехова Бартенева, кажется, не читал вовсе»²⁹. Но приходил Петр Иванович к начинающему библиографу, видимо, не с целью откушать чаю, а за сведениями о творчестве Антоши Чехонте... Между тем их дружба с каждым годом росла и крепла. В 1908 году Иван Филиппович выпустил справочник «Русский архив», издаваемый Петром Бартеневым. 1863–1908. Содержание его книжек и предметная роспись с азбучным указателем» (М., Синодальная типография, 1908).

Наконец, именно здесь, в «курятнике», в глубине дома №51 по Мясницкой улице, которого давным-давно нет³⁰, Масанов приступил к работе над главным своим трудом — «Словарем псевдонимов».

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

* * *

Жизнеописание И.Ф. Масанова сильно подправлено в сторону «рабочести». Он появился на свет в селе Новое Владимирской губернии в семье крестьянина-каменщика. Окончил сельскую школу и десяти лет от роду был отправлен «в люди». Однако перечисленное в его биографии («разнорабочий, маляр, каменщик, кровельщик») как-то не вяжется с тем, каким был в действительности Иван Филиппович Масанов, и не объясняет, что, к примеру, помогло ему выучить немецкий язык и эсперанто. На самом деле масановский «послужной список» выглядит вполне буржуазно: конторщик Торгового дома «А. Гензель и К^о» (1893–1919), кассир, заведующий складом, конторщик Государственной Семеновской ткацко-белильной фабрики на Благуше (1919–1924; об этом периоде см. далее), литературная деятельность на дому (1924–1929), ВСНХ, библиограф (1929), Государственная Книжная палата (1929–1934; с 1931 — главный библиограф)³¹.

Со временем И.Ф. Масанову удалось скопить немного денег, и он решил «снять квартиру из трех комнат за Крестовской заставой», потому что детей в семье все прибавлялось («было пять, а “вдруг” появилась

настоящая орава — семь»). Затем по мере роста достатка перебрался на Большую Переяславскую, а в декабре 1910 года — на Ирнинскую улицу, 41, квартира 4. Одно время с ним квартировали по последнему адресу его закадычный друг — упомянутый в начале очерка Иван Алексеевич Белоусов (1863–1930) и историк русской литературы, библиограф Владимир Владимирович Каллаш (1866–1918). Зимой 1911 года Масанова занесло — ненадолго — в Екатерининский парк (Семинарский тупик, 8, кв. 11³²). А.В. Смирнов, будучи проездом в Москве, искал этот адрес по месту работы Ивана Филипповича в конторе «Гензель и К^о», но ему ответили, «что такую московскую улицу не знаем и как сыскать ее — тоже».

Весной 1911 года сестра И.Ф. Масанова Мария Филипповна с мужем Иваном Васильевичем Костиным приобрели дом № 3 по Гоголевской улице. На новоселье Иван Филиппович произнес слова, врезавшиеся в память его дочери Вере: «У вас тут настоящий рай, да еще и соловьи поют». Мария тут же присмотрела Ивану как раз продававшийся дом по соседству.

Маленькое отступление. В мае 1957 года внук Костиных Саша отдыхал у деда и бабушки в Черкизове, о чем позже вспоминал:

Почтовая открытка, отправленная И.А. Белоусовым к И.Ф. Масанову.
Июнь 1928 года. РГАЛИ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

«Яркий солнечный день. Ветви сирени душистыми букетами в открытых окнах террасы. На столе самовар, пирожки, конфеты. Мне беззаботно и весело. Я не вникаю в разговоры взрослых и смотрю через открытую дверь на клумбу с уже увядшими нарциссами, на бабочек, мелькающих в солнечных лучах.

— Хочешь, пойдем в гости к тете Вере (Вера Ивановна Добронравова. — **В. Б.**)? — вдруг говорит мне мама. Я с радостью соглашаюсь, и вот мы выходим за ворота.

В то время Гоголевская улица, на которой жили бабушка и тетя Вера, была еще не вся заасфальтирована и кое-где оставалась вымощенной булыжником. Все дома на ней были деревянные, с печным отоплением, в большинстве одноэтажные. Воду носили из колонок, одна на восемь-десять домов. Огромные тополя и липы росли вдоль заборов; в палисадниках — золотые шары, ромашки, мальвы. Движения по улице почти не было, изредка проедет грузовик или извозчик на владимирском тяжеловозе с бочкой керосина в скобяную лавку, отчаянно гроыхая по мостовой...

Мы перешли улицу, подошли к небольшому дому, крашенному голубой краской. Перед окнами была клумба с какими-то цветами, из которых я знал только анютины глазки. Позже, где-то в августе, мне снова пришлось побывать там, и я был удивлен обилием и разнообразием цветов не только на клумбе, но и во всем саду. Вера Ивановна, моя двоюродная тетка, говорила, что любовь к цветам у нее от отца — он был большим любителем-цветоводом.

Так я впервые попал в дом моего двоюродного деда Ивана Филипповича Масанова.

В доме меня поразило обилие книг. Они были и в огромных, до потолка, массивных шкафах под стеклом, на полках и даже в сундуках. Остальная обстановка мало чем отличалась от бабушкиного дома: те же венские стулья, те же диваны с высокой деревянной спинкой, украшенной незамысловатой резьбой»³³.

* * *

В 1910 году умер отец И.Ф. Масанова Филипп Владимирович — трудившийся на строительстве домов в Москве рабочий-артельщик и страстный книголюб. Его товарищи говорили: «У Масановых в доме добра нет, но в сундуках одни книги». Отсюда многое становится понятным.

И.А. Белоусов: «Любовь к литературе... <...> Этому способствовала семейная, наследственная любовь к печатному слову, которую Иван Филиппович развил и продолжил»³⁴. Отец оставил небольшое наследство, поделенное между детьми. Однако Масанову на приобретение «недвижимости» все равно не хватало. Пришлось заниматься.

Въехали в новообретенный дом в начале лета 1912 года. 10 июня А.В. Смирнов поздравил Ивана Филипповича «с покупкой и с новосельем»³⁵. С тех пор и до февраля 1918-го на конвертах писем, присланных по адресу: Гоголевская улица, 10, имелась согревавшая душу Ивана Филипповича помета — «соб. дом».

* * *

Краевед К.А. Смирнова полагает, что в Черкизово «среди ушедших названий встречаются такие, о возникновении которых сведений в литературе не обнаружено, так что по сему поводу пока можно лишь строить догадки. Речь идет об улицах Пушкинской, Лермонтовской, Гоголевской и Некрасовской»³⁶.

Сопоставляя полузабытые и неизвестные ранее данные, скажем, что Гоголевская улица получила свое название в 1909 году, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Н.В. Гоголя. В справочнике «Вся Москва на 1910 год» впервые она фигурирует под этим именем. На плане города Москвы 1904 года, составленном И.С. Яцкевичем, изданном Н.Е. Кудрявцевым, ее еще нет — значит, деревянные дома на ней, видимо, строились в 1905–1909 годах.

Когда же улица исчезла? В справочнике 1980 года она еще значится³⁷, а дальше «слетает» с карты града (странно, что о ней нет даже мимолетного упоминания в вышедшей не так давно книге компетентнейшего Ю.К. Ефремова «Московских улиц имени»). Гоголевской улицы не стало примерно в конце 1970-х — самом начале 1980-х годов, когда погибающая ее часть (участок с трамвайным движением) вошла в состав Халтуринского проезда.

Была, кстати, в Москве еще одна Гоголевская улица, возникшая одновременно с черкизовской в 1909 году, — возле Петровского парка. В 1922-м ее переименовали в Травяную, однако и она быстро «испарилась» (о судьбе этой улицы у Ефремова — тоже ни слова).

*Трамвай № 36 при повороте с Халтуринской на Гоголевскую улицу.
1950-е годы*

* * *

Укажем на различные «трактовки» адреса И.Ф. Масанова на конвертах получаемых им писем: 1912 год (октябрь): «Преображенская застава, Гоголевская ул., 10, собств. дом»³⁸; 1928-й: «Москва, у Преображенской заставы, за Черкизовским валом, Гоголевская ул. (против «Радио»), дом № 10, кв. 1»³⁹. (Насчет «Радио». Существовал в 1920-х годах в этом районе аппаратный завод «Радио» — Черкизовский вал, 5, превратившийся позднее в Научно-исследовательский институт дальней радиосвязи — НИИДАР. Только находилось предприятие вовсе не «против» дома библиографа.) На личном масановском штампе значилось: «Москва, Преображенская застава. Гоголевская улица, д. 10, кв. 1». Но рукописно Иван Филиппович почти везде упоминал «Черкизово за Богородским валом». Многие корреспонденты «черкизовского пустынного» (так он сам себя нарек), особенно из иногородних, писали «улица Гоголя» вместо «Гоголевская» — ошибка вполне понятная.

Сохранилось удостоверение от января 1926 года, выданное ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых

при СНК РСФСР): «На основании Постановления Президиума [Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов] научный работник И.Ф. Масанов имеет безусловное право на занимаемые им комнаты №№ 1, 2, 3, 4, 5»⁴⁰. Пять комнат да еще и собственный садик по тем временам — почти «буржуиство»!

* * *

В.И. Добронравова пишет о жизни Масановых послереволюционной поры: «Дом состоял из двух трехкомнатных квартир. В нашей квартире были пристроены две комнаты и большая кухня. У папы наконец-то появился кабинет — комната с двумя книжными шкафами, письменным столом, диваном и бесчисленными полками с книжками и картинками. <...> Около дома папа устроил цветник, собственноручно с дальнего участка таскал торф и перегной, аккуратно по веревочке разбил клумбы, провел к ним ровно подстриженные дорожки. Он радовался расцветавшим розам, выписанным из Риги, красивым левкоям, которые произрастали из семян, купленных у Иммера»⁴¹

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

(здесь вплетаются более ранние воспоминания. — **В. Б.**). Они были посеяны в ящики с землей и вышли наружу махровыми, с чудесной окраской — от белых до темно-лиловых. Это приносило настоящие отдых и радость от соприкосновения с настоящей красотой»⁴².

Н.Д. Телешову тоже бросилось в глаза обилие цветов: «Когда приходилось посещать его (И.Ф. Масанова. — **В. Б.**) в Черкизове, чего я не видел в его крошечном садике! Помимо овощей, необходимых для жизни, сколько и каких цветов, лишь по два-три экземпляра, не бывало на грядках у Ивана Филипповича»⁴³.

Вера Ивановна повествует, что их семье тогда уже принадлежала лишь половина дома. Действительно, после революции владельцы потеснили, дом поделили пополам (кто обитал во второй половине — неизвестно). В 1920-х годах в нем было прописано 19 человек. Масановы: библиограф с супругой, дочери Вера и Серафима, сыновья Владимир, Николай и Юрий. Вскоре пошли внуки.

В августе 1926 года умер от туберкулеза старший 26-летний сын Владимир. Никаких сведений о нем найти пока не удалось. «Это несчастье не только принесло моей семье большую скорбь, но и очень изменило всю нашу домашнюю обстановку, весь уклад нашей жизни», — делился Иван Филиппович постигшим его горем с историком литературы А.Д. Эйхенгольцем (письмо от 26 августа 1926 года)⁴⁴.

* * *

Несколько слов о Вере Ивановне. Она окончила Ольгинское училище на Домниковской улице, затем курсы бухгалтеров со знанием немецкого языка, позже — библиотечный институт. Виктор Александрович Добронравов, муж, писал ей 7 октября 1932 года: «Папа надеется увидеть в тебе библиографа-краеведа»⁴⁵. Что ж, Иван Филиппович в дочке не ошибся — она помогла ему во всем, и в работе над «Словарем» тоже.

В начале 1930-х годов В.А. Добронравова, врача по профессии, арестовали по 58-й статье и отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала. Вера последовала за ним. 18 октября 1932 года из села Сорока на берегу Белого моря (сейчас — город Беломорск) она сообщала отцу, что ей посчастливилось найти ра-

боту в местной школе библиотекарем: «В ноябре кончается строительство, большинство едет на Москва—Волгу. В ноябре выяснится, будет ли Витя амнистирован. Если нет, то необходимо в Москве хлопотать. Он так работает, что на пять лет его не хватит. Он остался таким же порядочным и добросовестным в работе, каким и был»⁴⁶. И в следующем письме: «Суровая чужая природа, суровые чужие люди. Только одна мысль, одно желание, чтобы скорее шло время, чтобы оно бежало, но ведь это уходит жизнь, остатки нашей молодости. <...> Унылая тундра заглядывает в окно, дождь, холод... И Москва все еще далеко, далеко, далеко»⁴⁷.

Виктора Александровича Добронравова за хорошую работу на канале, как и многих других «ударников», амнистировали, но лишили права жить в крупных городах, в том числе в Москве. Он устроился неподалеку — в Малоярославце, затем мыкался по другим адресам, пока не удалось с превеликим трудом вновь прописаться в доме на Гоголевской улице.

После смерти Ивана Филипповича друг-соратник библиографа Борис Дмитриевич Удинцев (1891—1973) взял Веру под свою опеку. Между ними завязалась большая настоящая дружба. Сохранилась их обширная переписка 1947—1969 годов, где речь идет о масановском доме, о прочитанных книгах... Неоднократно всплывает фамилия Д.Н. Мамина-Сибиряка, ведь отец Б.Д. Удинцева — Дмитрий Аристархович Удинцев (1862—1915), журналист и земский деятель — являлся зятем писателя, а сам Борис Дмитриевич много лет занимался изучением жизни и творчества знаменитого родственника.

Из письма от 2 февраля 1947 года: «В Вашей семье я чувствовал всегда хорошую русскую традицию — семейственность настоящего очага. <...> Для меня в Вашем домике светился ореол милого доброго Ивана Филипповича, этого редкого труженика, настоящего ученого, прочного хорошего русского человека»⁴⁸.

Борис Дмитриевич навещался к Преображенской заставе, хотя путь сюда от Соломенной сторожки в Петровско-Разумовском, где он жил, не близкий. «На Соломенной у нас очень хорошо, тихо, спокойно, не то, что в Москве. Впрочем, о чем я говорю? И у Вас, на деревенской Гоголевской улице, тоже благодать», — писал он 2 декабря 1955 года⁴⁹.

*Борис Дмитриевич Удинцев с сыновьями перед арестом.
Февраль 1931 года*

* * *

Поговаривать о переезде с Гоголевской улицы обитатели дома стали в начале 1960-х годов. Б.Д. Удинцев — В.И. Добронравовой (июль 1963 года): «Самое приятное для меня — описание Вашего сада. Самое тяжелое — Ваши мысли о необходимости, может быть, скорой, покинуть этот прекрасный уголок, связанный со всей жизнью Вашей семьи»⁵⁰. Вера Ивановна все тонко подмечала, но как мать семейства понимала и то, что жить в благоустроенных многоэтажках, которые одна за другой поднимались на неуклонно сокращающейся Гоголевской улице, несравнимо легче, чем в «частном секторе». Однако лишь дождавшись момента, когда дом был уже обречен, семья Масановых-Добронравовых навсегда покинула его.

Расставание символично совпало с передачей остатков архива И.Ф. Масанова на государственное хранение (большая часть была передана в ЦГАЛИ еще при жизни Ивана Филипповича, прочее попало в отдел рукописей Ленинской библиотеки)⁵¹.

* * *

В разные годы многие отечественные книжники почитали за честь посещать дом на Гоголевской улице. В.И. Добронравова: «Приезжал из Ленинграда молодой, но совершенно седой профессор Балухатый;

часто бывали библиографы: Боднарский, Аблов, Синебрюхов, Ферапонт Витязев, Ник. Ник. Орлов, чеховист А. Дерман и большой друг отца, добрейший души человек Иван Васильевич Федоров, трудящийся библиотекарем Московского университета»⁵².

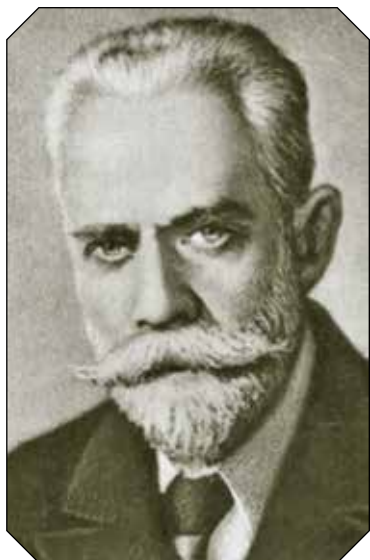
Поэт, критик, литературовед Николай Сергеевич Ашукин (1890—1972) занимался в числе прочего блоковской библиографией, поэтому обратился к И.Ф. Масанову за помощью. Летом 1922 года Иван Филиппович преподнес ему «подарок», напомнив, что однажды он, Ашукин, опубликовал свои стихи под псевдонимом «М. Серпуховской», о чем сам совершенно забыл⁵³.

Удалось «вычислить» одно посещение дома — весной 1929 года — ленинградским писателем, историком, пушкинистом Павлом Елисеевичем Щеголевым (1877—1931)⁵⁴.

И.А. Белоусов — И.Ф. Масанову (2 октября 1928 года): «А с Н.Д. Телешовым, если разрешите, я приеду к Вам на будущей неделе. <...> Ему хотелось бы посмотреть Ваши работы по составлению псевдонимов, и в особенности карикатуры»⁵⁵. На Гоголевскую улицу не один основатель «Сред» стремился, чтобы «утонуть» в богатейшей масановской коллекции дореволюционных сатирических рисунков.

2 марта 1920 года ушел из жизни председатель Русского библиографического

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

*Богдан Степанович
Боднарский.
1940-е годы*

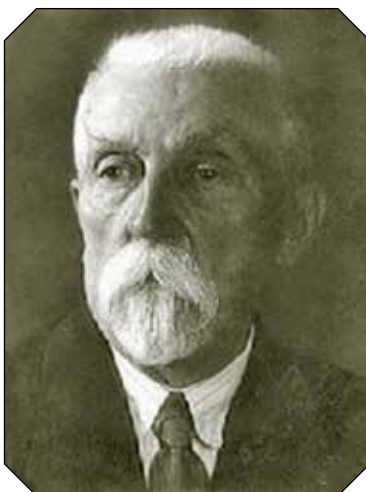
*Александр Романович
Эйгес.
1944 год*

*Сергей Дмитриевич
Балухатый.
1940-е годы*

*Павел Елисеевич
Щеголев.
1929 год*

*Николай Дмитриевич
Телешов.
1940-е годы*

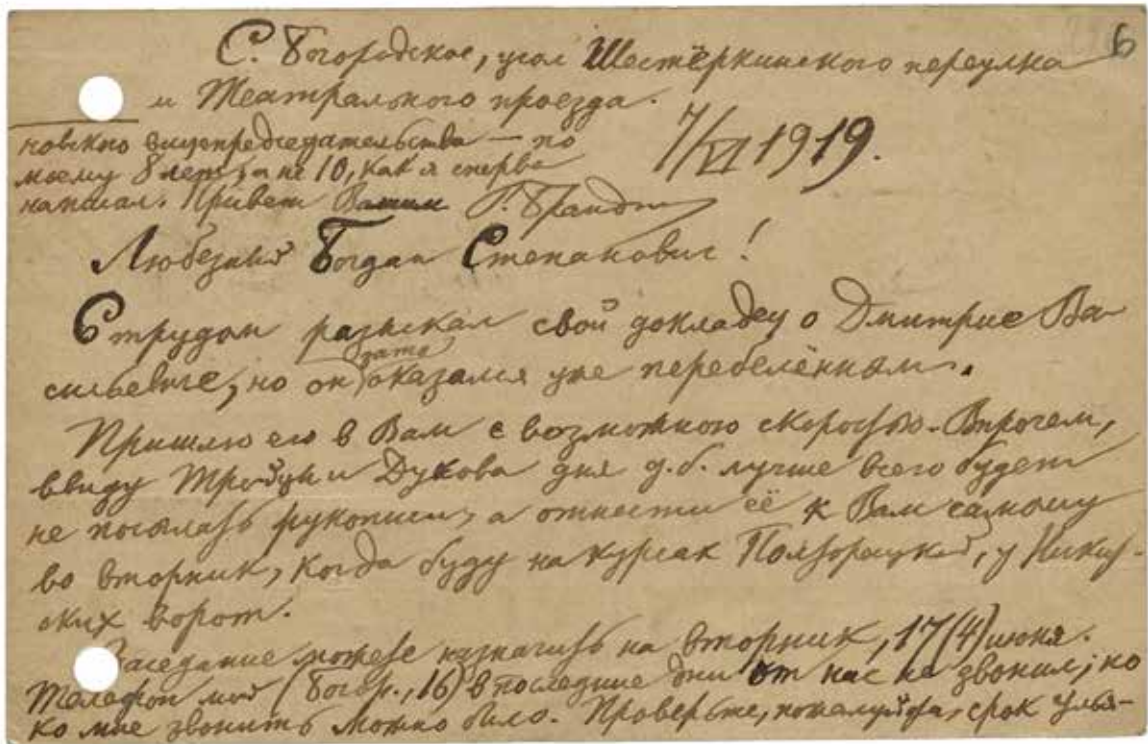

*Роман Федорович
Брандт.
1900-е годы*

общества Роман Федорович Брандт (1853–1920). При нем И.Ф. Масанов стал членом Общества, то есть получил признание в среде книговедов. Р.Ф. Брандт — поэт, филолог-славист, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1902), заслуженный профессор Московского университета (1911) — владел двадцатью языками, слагал стихи и басни, писал о поэтах, боролся за сохранение буквы «ё», активно пропагандировал эсперанто. Увлечение последним особенно сблизило Ивана Филипповича и Романа Федоровича. В архиве И.Ф. Масанова сохранились переписка с японским эсперантистом К. Такаази за 1914–1917 годы, и материалы московского журнала эсперанто, который редак-

тировал председатель РБО⁵⁶. С 1913 года Р.Ф. Брандт жил в соседнем селе Богородском (угол Шестеркинского переулка и Театрального проезда, собственный дом А.С. Акимова, №4), и они с Масановым частенько хаживали друг к другу в гости.

Сменивший Р.Ф. Брандта на посту председателя РБО Богдан Степанович Боднарский (1874–1968), первый директор Московской Книжной палаты (1920–1921), тоже с удовольствием навещал И.Ф. Масанова. Вот характерные строки от 4 марта 1923 года: «Лично я всегда рад побывать у Вас, и давно собираюсь к Вам. <...> Думаю, однако, что в скором времени, когда будет теплее, соберусь, вероятно, в одно из воскресений»⁵⁷.

Почтовая открытка, отправленная Р.Ф. Грандом к Б.С. Боднарскому.
1919 год. РГАЛИ

Совет Русского Библиографического Общества
при Московском университете.
1924 год. НИОР РГБ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

Иван Филиппович с большой охотой участвовал в «вечеринках» РБО, проводившихся регулярно по пятницам на Моховой улице, 11, в старом здании Московского университета. Его выступления слушались с неослабевающим интересом.

* * *

16 ноября 1929 года И.Ф. Масанов общался И.А. Белоусову: «Начинаю служить в Книжной палате»⁵⁸. В его трудовой книжке находим запись (знамение времени): «Чистку прошел в августе 1930, считается проверенным. Председатель по чистке И. Семенов»⁵⁹. В этом учреждении Иван Филиппович проработал пять лет и после выхода на пенсию продолжал с ним сотрудничать. Палате он обязан публикацией своего «Словаря» (хотя и не дожидаясь этого дня), да и другие масановские книги тоже выходили под маркой ВКП. К сожалению, мало что известно о том, чем Масанов там конкретно занимался, с кем наиболее тесно общался. Странно, но его деятельность не нашла отражения в серии «Московские книжники и книжное дело: по архивам Книжной палаты».

Первым непосредственным начальником И.Ф. Масанова был заведующий отделом библиографии Евгений Иванович Шамурин (1889–1962), впоследствии занявший пост заместителя директора по научной части и покинувший его в 1937 году «как не обеспечивший научно-методического руководства». Литературовед, книговед, доктор педагогических наук, Шамурин менее известен как москвовед, хотя издал в 1926 году путеводитель «Как провести отпуск в Москве: более 100 прогулок по окрестностям столицы». В масановском «Словаре» есть ряд его псевдонимов.

* * *

Частенько гостевал у И.Ф. Масанова прозаик, поэт, журналист Александр Семенович Лазарев-Грузинский (1861–1927) — иногда приезжал вдвоем с супругой. Он лично знал А.П. Чехова, и с Иваном Филипповичем, немало сил и времени отдавшим чеховедению, им было о чем поговорить.

Занимаясь Чеховым, Масанов, как губка, впитывал информацию, предоставляемую женой писателя Ольгой Леонардовной Книппер, сестрой Марией Павловной,

друзьями Антона Павловича — Владимиром Алексеевичем Гиляровским, Иваном Алексеевичем Белоусовым, Викентием Викентьевичем Вересаевым, Николаем Дмитриевичем Телешовым... После смерти библиографа М.П. Чехова писала сотруднику Книжной палаты Ивану Васильевичу Федорову: «Я получила <...> приглашение почтить память И. Ф. Масанова и мне хочется как-то ответить на приглашение. Вы передайте Палате мою благодарность за приглашение, а мое соболезнование я выскажу Вам. Мне очень, очень грустно, что нет на свете этого замечательного труженика — чеховиста Масанова. Он в моей работе по Чехову всегда был моим усердным помощником. Вечная память ему!»

Скрупулезно собранный материал позволил Ивану Филипповичу выпустить первый том своего труда «Чеховиана. Систематический указатель литературы о Чехове и его творчестве» (издательство Государственной центральной книжной палаты РСФСР, 1929), где автор, в частности, открыл широкой общественности еще один чеховский псевдоним — «Улисс». В издании собраны практически все сведения о жизни и творчестве Антона Павловича, приведена исчерпывающая библиография его произведений и посвященных ему публикаций.

Книга разошлась в считанные дни, вызвав восторженные отклики. «Чеховиана» обладает всеми качествами классической библиографической работы, <...> и издание ее — событие, радость на нашей библиографической улице», — писал 24 декабря 1929 года научный сотрудник Пушкинского Дома Сергей Петрович Шестериков⁶⁰.

Интересно, что в это самое время параллельно с Масановым готовил свою «Чеховиану» ревельский библиограф Александр Александрович Жуков (1905–?). Знакомство с масановским «Указателем...», «возможно, стало для [Жукова] психологическим ударом, и его интерес к собиранию «Чеховианы» постепенно угас»⁶¹.

Занимаясь чеховской темой, Иван Филиппович общался с известным чеховедом ленинградцем Сергеем Дмитриевичем Блухатым (1893–1945), знавшим А.П. Чехова литератором Николаем Михайловичем Ежовым (1862–1942), театроведом и литературоведом Юрием Васильевичем Соболевым (1887–1940); много помогал ему поэт и переводчик Иван Алексеевич Белоусов (1863–1930), в свое время друживший с Антоном Павловичем.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

Вклад И.Ф. Масанова в чеховедение огромен и в полной мере пока что не оценен. Еще в 1906 году в «Русском архиве» (Кн. 6) появилась его первая «чеховская» работа «Библиография сочинений А.П. Чехова». В 1932-м он подготовил второй том «Чеховианы», так и оставшийся неизданным⁶². До сих пор не опубликован другой труд Ивана Филипповича — «Антон Чехонте в пародиях, шутках, стихах и эпиграммах» (рукопись хранится в ИМЛИ).

* * *

И.Ф. Масанов поддерживал переписку с многими корреспондентами из других городов страны. Почти все они «отметились» в гостеприимном домике на Гоголевской улице. Одним из них был суздальский поэт и библиограф Иван Абрамович Назаров (1878–1962), который в 1935 году шибко подсоблял Масанову в работе над «Словарем» — сообщал неизвестные псевдонимы, считывал гранки, живя иногда неделями «в черкизовской библиографической командировке». Масанов же делился с ним сведениями о суздальских литераторах (Назаров составлял «Биографический словарь писателей и поэтов из народа», так пока и не увидевший света).

В 1926 году Иван Филиппович помог перебраться из Твери в столицу своему другу — краеведу, библиографу Николаю Петровичу Рогожину (1890–1967), тоже частому гостю в его доме. Из письма Н.П. Рогожина от 6 января 1935 года: «Проведенное сегодня у Вас время доставило мне истинное наслаждение. Сын мой также очень доволен. Спасибо! <...> Побывав у Вас на Гоголевской улице, заразился Вашей энергией. <...> Возвращались через Сокольники на метро»⁶³. (На этой станции висит памятная доска, извещающая, что поезда начали официально курсировать здесь с 15 мая 1935 года. Следовательно, Николай Петрович и его сын оказались в числе первых пассажиров еще пробных поездов.) Около тридцати рогожинских псевдонимов вошли в масановский «Словарь».

В начале 1940 года профессору математики, а «по совместительству» исследователю творчества А.П. Чехова Александру Романовичу Эйгесу (1880–1944) срочно понадобилась какая-то научная справка. Он обратился к И.Ф. Масанову, очень скоро получил просимое и в письме 17 марта не

смог скрыть восхищения: «Какой Вы знаток эпохи! <...> Вы маг и волшебник. Все верно... Я, в самом деле, удивлен, как Вы могли достать заметку в “России” за 1901 г.? Где Вы все это храните, как помните? Просто чудеса какие-то! Очень, очень благодарен, и очень, очень люблю Вас за знания и точность (ведь я математик!)»⁶⁴.

* * *

Перед войной, по воспоминаниям В.И. Добронравовой, «мест в квартире на Гоголевской для карточек уже не хватало. И тогда они “переехали” частями в пристроенную столовую, где под большим обеденным столом были устроены полки для каталогов в три ряда»⁶⁵. Когда немцы подошли к столице, Ивану Филипповичу предложили эвакуироваться вместе с Книжной палатой в город Чкалов (Оренбург), но он остался дома — куда девать архив? Хотя часть документов к тому времени уже была пристроена в Государственный литературный музей, а материалы «Словаря» сданы в Книжную палату, Иван Филиппович у себя дома хранил дубликаты. Берег, как оказалось, не напрасно. В июле 1941 года в здание ВКП угодили несколько вражеских авиабомб. В результате погибли материалы 2-го и 3-го томов «Словаря». Благодаря наличию дубликатов все удалось восстановить — правда, на «реставрацию» потребовался не один год кропотливой работы.

В октябре Иван Филиппович запаковал рукописи, карточки и прочее в мешки и закопал их в глубине своего садика (читаем в воспоминаниях Я.Н. Ждановича⁶⁶). Когда же достал обратно, оказалось, что значительная часть материалов повреждена грунтовыми водами. Пришлось воссоздавать утраченное — благо память хозяин имел почти фотографическую.

«Началась Великая Отечественная война, а с нею холод, карточки, недоедание, — продолжает Вера Ивановна. — Все слабели телом, но духом не падали. <...> Одетый в старое пальто и серую вязаную шапку, папа чаще сидел, прислонившись к печке, грел руки»⁶⁷.

В первые дни войны вышло постановление: снести заборы перед домами. Убрали, хотя смысла этого мероприятия никто так и не понял. «По нашему саду стали ходить прохожие» (В.И. Добронравова). Потом это постановление или было отменено, или забылось, и ограды возвратились на свое место.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

«Вспоминается последнее наше свидание с Иваном Филипповичем в день его семидесятилетия (в 1944 году. — **В. Б.**), — писал в мемуарах Н.Д. Телешов. — Он был уже серьезно болен и лежал на диване в своем кабинете, накрытый одеялом. Странно было видеть этого неустанного труженика, чей день обычно начинался с шести часов утра и кончался не ранее полуночи, все время занятого работой, теперь лежащего и бессильного. В этот день перебивало у него немало друзей, немало литераторов, научных работников и библиографов, ценивших его деятельность».

* * *

Забавный и трогательный бытовой эпизод довоенной поры. Из письма И.Ф. Масанова к Б.С. Боднарскому от 11 февраля 1926 года: «У меня заболела жена, и я был принужден взять на себя все хлопоты как по хозяйству, так и по делам фабрикации чулочных изделий (чем моя семья и существует). Вот что было причиною, что я не мог попасть на заседание Библиографического общества, где должен был делать сообщение»⁶⁸. Суть в следующем: Иван Филиппович с супругой, дабы как-то прокормиться, наладили у себя дома... чулочное производство, беря на фабрике заказы (вспомним приведенный выше масановский «послужной список»). Их продукция пользовалась популярностью не только у жителей соседних домов, но и у знакомых московских книжников. И.А. Белосусов — И.Ф. Масанову (письмо от 12 апреля 1928 года): «Кстати, когда я рассказал своей жене, что был у Вас, она мне сказала: “Вот ты попросил бы мне теплые шерстяные чулки”. Чудны эти люди — я ей рассказываю о Ваших литературных работах, а она — чулки! На свете все бывает так:

Поэзия, а рядом проза.

Поэт ведь носит же пиджак,

Чтоб не погибнуть от мороза...»⁶⁹.

Еще одно подобное обращение — от А.С. Лазарева-Грузинского (19 ноября 1925-го): «А жена моя просит, если Вас не затруднит, привезите ей 4 пары черных чулок, естественно, не бесплатно. Чулки у Вас отличные, № 9 ½. Только, пожалуйста, самые плотные, какие у Вас есть. Пожалуйста, для зимы»⁷⁰.

* * *

В селе Новом Владимирской области сохранился двухэтажный дом, где родился И.Ф. Масанов. Сейчас в нем проживает семья, не имеющая отношения к библиографу. На здании нет пока мемориальной доски. Нынешние владельцы Свиридовы категорически против, полагая (возможно, не без оснований), что установка памятного знака доставит им определенные проблемы. Корреспондент владимирской областной газеты «Молва» Василий Чумаров задается вопросом: «А, может, стоит <...> купить Свиридовым другое равнозначное жилье, а этот красивый особняк сделать все-таки мемориальным домом-музеем Ивана Филипповича Масанова, великого русского библиографа, самородка, прославившего наш край на весь мир?»

Дом же в Черкизово, несмотря на то, что он гораздо моложе владимирского, не дожил до наших дней. На его месте ныне находится многоэтажное здание фирмы «Мосрентсервис». От прошлых времен в этом районе осталась лишь возведенная в конце 1930-х годов школа (улица Знаменская, 6), в которую ходила внучка И.Ф. Масанова Вера Добронравова.

¹Бессонов В.А. Радетель живой старины // Московский журнал. 2013. № 1; *Он же*. Дом с мезонином в Замоскворечье // Там же. 2013. № 10–11; *Он же*. Дом на Соколиной улице // Там же. 2015. № 3; *Он же*. Московская семья Ураноссовых // *Он же*. Московские беседы. М., 2009. С. 50–70.

²Телешов Н.Д. Записки писателя. Рассказы. М., 1987. С. 294.

³НИОР РГБ. Ф. 616. К. 7. Ед. хр. 47. Л. 50.

⁴Там же. Ед. хр. 43. Л. 6.

⁵Беленький И.Л. Масанов Иван Филиппович // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 2. М., 2008. С. 565.

⁶Иван Филиппович Масанов. 1874–1945. Сборник статей. М., 1946; *Старущенко Г.П.* «Энтузиаст своего дела» И.Ф. Масанов (1874–1945) // Историко-библиографические исследования. СПб., 1996. Вып. 6. С. 45–71; *Стручева М.А., Шапошников К.А.* Иван Филиппович Масанов. Библиография // Библиография. 2005. № 5. С. 63–68;

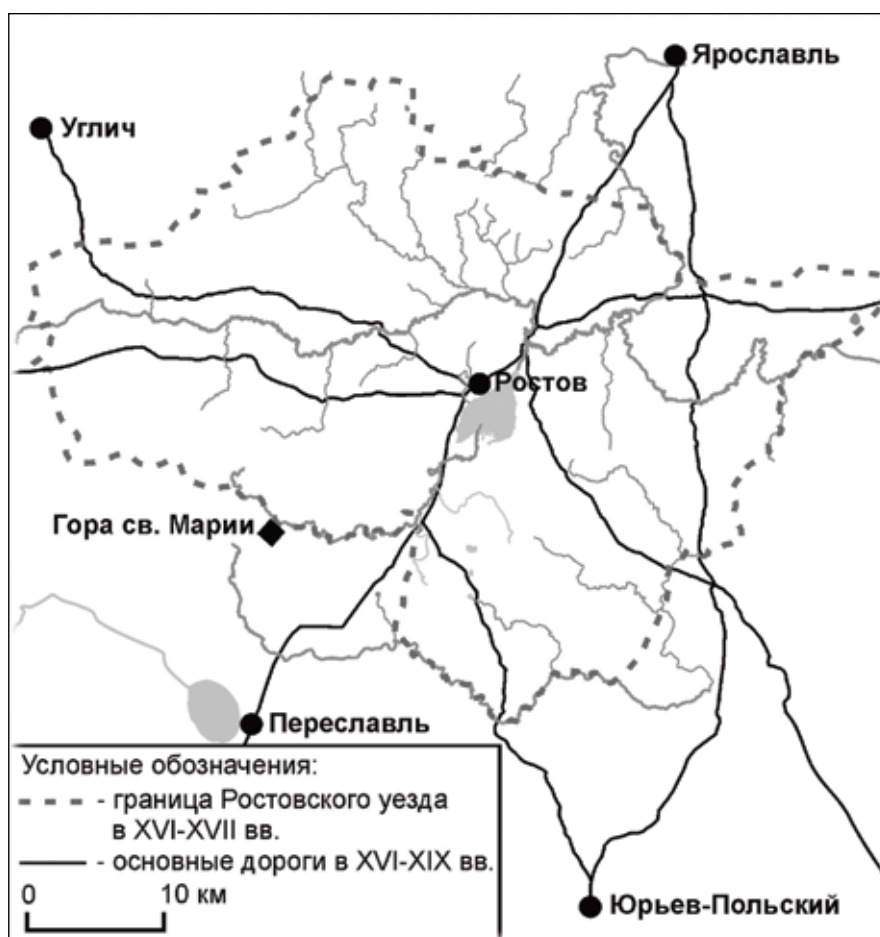
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

- Авдони́на Н.А., Масловская Н.С.* Верность своему делу // Там же. 2014. № 2. С. 19–22 и др.
- ⁷*Смирнов-Сокольский Н.П.* Моя библиотека. Т. 1. М., 1969. С. 466. № 4763.
- ⁸*Телешов Н.Д.* Указ. соч. С. 293.
- ⁹*Никитин Е.Н.* К истории создания «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова // Книга. Исследования и материалы. М., 1992. Вып. 64. С. 90–98.
- ¹⁰РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 7, 14.
- ¹¹Там же. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 11 об. Мезьер Августа Владимировна (1869–1935) – библиограф, переводчица, писательница.
- ¹²Там же. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 44.
- ¹³Там же. Л. 45.
- ¹⁴НИОР РГБ. Ф. 358. К. 252. Ед. хр. 68. Л. 4.
- ¹⁵Там же. Л. 11 об.
- ¹⁶Там же. Ф. 356. К. 3. Ед. хр. 2. Л. 23.
- ¹⁷РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 284. Л. 43.
- ¹⁸Там же. Ф. 1633. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 17.
- ¹⁹НИОР РГБ. Ф. 616. К. 6. Ед. хр. 18. Л. 1.
- ²⁰*Бессонов В.А.* Секретарь русского библиографического общества Н.Н. Орлов // Про книги. 2014. № 1. С. 31–47.
- ²¹РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 9.
- ²²НИОР РГБ. Ф. 683. К. 7. Ед. хр. 46. Л. 2.
- ²³Там же. Ф. 573. К. 22. Ед. хр. 22. Л. 16.
- ²⁴Там же. Ф. 616. К. 6. Ед. хр. 56. Л. 11.
- ²⁵Там же. К. 7. Ед. хр. 42. Л. 6 об.
- ²⁶Там же. К. 6. Ед. хр. 92. Л. 1.
- ²⁷Там же. К. 7. Ед. хр. 46. Л. 5.
- ²⁸Там же. Ед. хр. 46. Л. 19.
- ²⁹*Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М., 2001. С. 44.
- ³⁰На этом месте возвышается бывшее здание Госторга — ныне Ростуризм (Мясницкая, 47), возведенное в 1927 г. в стиле конструктивизма по проекту архитектора Б.М. Великовского при участии М.О. Барща, Г.Г. Вегмана, М.В. Гакена, А.Я. Лангмана и др.; это здание упоминает В.В. Маяковский в стихотворении «Автобусом по Москве» (1927) (см.: *Морозов А.* «Солнцами окон сияет Госторг...» // Московский журнал. 2002. № 7. С. 60).
- ³¹НИОР РГБ. Ф. 616. К. 7. Ед. хр. 39. Л. 1.
- ³²Там же. Ед. хр. 46. Л. 23.
- ³³Опубликовано на сайте литературного клуба «Остров Андерс» 4 апреля 2005 г.
- ³⁴*Белоусов И.А.* Ушедшая Москва. М., 1998. С. 245.
- ³⁵РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 231.
- ³⁶*Смирнова К.А.* Преображенское. История этого района Москвы в названиях улиц и переулков // Московский журнал. 2013. № 12. С. 84–85.
- ³⁷Улицы Москвы. М., 1980. С. 72.
- ³⁸РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 1.
- ³⁹Там же. Ед. хр. 103. Л. 6.
- ⁴⁰НИОР РГБ. Ф. 616. К. 7. Ед. хр. 40. Л. 2.
- ⁴¹Существовавший до революции во флигеле усадьбы Салтыковых-Чертковых (Мясницкая, 7) магазин семян «Иммер Эрнест и сын».
- ⁴²НИОР РГБ. Ф. 616. К. 7. Ед. хр. 47. Л. 37.
- ⁴³*Боднарский Б.С., Телешов Н.Д., Федоров И.В.* Иван Филиппович Масанов. М., 1946. С. 13.
- ⁴⁴НИОР РГБ. Ф. 750. К. 1. Ед. хр. 21. Л. 3.
- ⁴⁵Там же. Ф. 616. К. 6. Ед. хр. 56. Л. 1.
- ⁴⁶Там же. Л. 9 об.
- ⁴⁷Там же. Л. 10 об.
- ⁴⁸Там же. К. 8. Ед. хр. 1. Л. 1.
- ⁴⁹Там же. Ед. хр. 2. Л. 4 об.
- ⁵⁰Там же. Ед. хр. 1. Л. 18.
- ⁵¹*Трофимов И.Т.* Архив И.Ф. Масанова // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1988. Вып. 47. С. 59.
- ⁵²НИОР РГБ. Ф. 616. К. 7. Ед. хр. 47. Л. 43.
- ⁵³РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 1038. Л. 2.
- ⁵⁴НИОР РГБ. Ф. 616. К. 8. Ед. хр. 4. Л. 1.
- ⁵⁵Там же. К. 4. Ед. хр. 59. Л. 40.
- ⁵⁶РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 356. Л. 13.
- ⁵⁷Там же. Ед. хр. 75. Л. 2.
- ⁵⁸Там же. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 783. Л. 31. 12 сентября 1929 г. Иван Филиппович сообщил этому же адресату, что ищет «места на службе, но пока безрезультатно» (Там же. Л. 28).
- ⁵⁹НИОР РГБ. Ф. 616. К. 7. Ед. хр. 39. Л. 1.
- ⁶⁰РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 36.
- ⁶¹*Фокин П.Е.* «Чеховиана» А. Жукова // Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 262–265.
- ⁶²НИОР РГБ. Ф. 358. К. 252. Ед. хр. 68. Л. 11 об.
- ⁶³РГАЛИ. Ф. 317. Оп. 1. Ед. хр. 306. Л. 2.
- ⁶⁴НИОР РГБ. Ф. 616. К. 7. Ед. хр. 31. Л. 7.
- ⁶⁵Там же. Ед. хр. 27. Л. 41.
- ⁶⁶Там же. Ед. хр. 42. Л. 9 об.
- ⁶⁷Там же. Ед. хр. 47. Л. 47.
- ⁶⁸Там же. Ф. 573. К. 42. Ед. хр. 5. Л. 5.
- ⁶⁹Там же. Ф. 616. К. 7. Ед. хр. 59. Л. 2.
- ⁷⁰РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 213. Л. 19.

Священник Александр Парфенов

Гора Святой Марии

**К 800-летию первого упоминания
достопримечательного места**

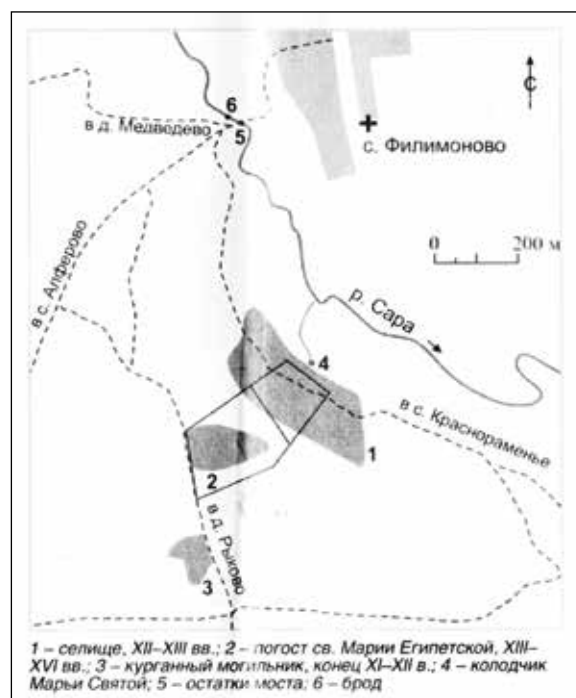
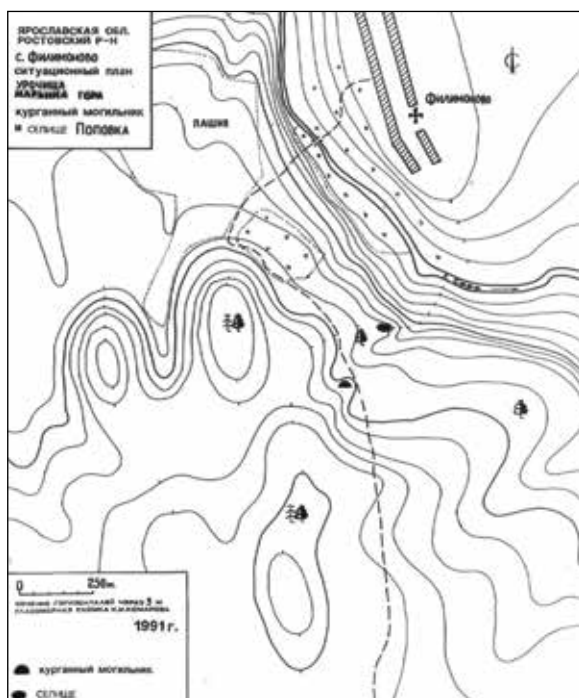

Ростовский уезд

Одним из известных очагов русской культуры является Ростовская земля, которую и сегодня можно воспеть прозвучавшими в XIII веке словами: «О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена

ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами!» Населенная более тысячелетия назад, Ростовская земля

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Дороги и селища на горе Святой Марии. Схемы К.А. Комарова и А.Л. Каретникова

богата исторической памятью. Настоящей жемчужиной духовной архитектуры стал Ростовский кремль, задуманный его создателями как образ Горнего Иерусалима. Поречская колокольня возвышается на берегу озера Неро и поражает своей живописностью. Чудодейственный Годеновский крест известен паломникам со всего мира. Удивительным примером возвращения из небытия стала усадьба Воронино — памятник русской воинской славы.

Но сегодня главным объектом нашего внимания станет малоизвестный уголок Ростовской земли — гора святой Марии, которую нанесли на карту в начале 1990-х годов, хотя местные жители давно знали это урочище, называя его «Марья Святая». Удобное расположение, хороший подъезд и далее настоящая народная тропа сделали эту гору активным объектом паломничества.

Пение птиц, журчащие воды реки Сары, редкий лиственный лес, целебные воды родника — все это радует человека. К тому же здесь растут удивительные для нашего края деревья: дубы, клены, черная ольха, вязы, ясени. Редкие представители местной флоры и фауны занесены в Красную книгу. Вокруг — незаметно для глаз, но достоверно для археологов — места селищ и дорог. Известные по картам XVIII века пути логически следуют по тропам средневековья.

Предание гласит, что наверху на горе стоял монастырь. Звон его колоколов освещал все вокруг. Но враги напали на монастырь и сожгли его. Тогда с вершины упало «колоколо» и пробило источник, а сам колокол ушел в глубину. Легенда говорит нам, почему урочище опустело, а местность хорошо сохранилась. Очевидно, до XVI—XVII веков здесь была жизнь. На самой горе Святой Марии находился погост. А вот после вражеского нашествия местность обезлюдилась и в таком виде дошла до наших дней.

От источника к вершине горы поднимается тропа, местами отмеченная валунами и вязами. Высота от уровня реки — не менее шестидесяти метров. Отсюда открывается незабываемый вид на близлежащие церкви: внизу — села Филимоново, а вдали — Спас-Смердина. В прошлом здесь был хорошо защищенный «городок» со рвом и валом для обороны. По свидетельству археологов, оборонительные сооружения относятся к первому тысячелетию нашей эры.

Большой интерес представляет следующая запись в летописи XIII века: «Когда же они были у Городища на реке Саре у церкви Святой Марии на Пасху 9 апреля, тут приехал к ним князь Константин с ростовцами. И обрадовались встрече, и целовали крест». В нынешнем году исполняется 800 лет, как урочище стало известным.

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Боголюбская церковь в селе Филимонове

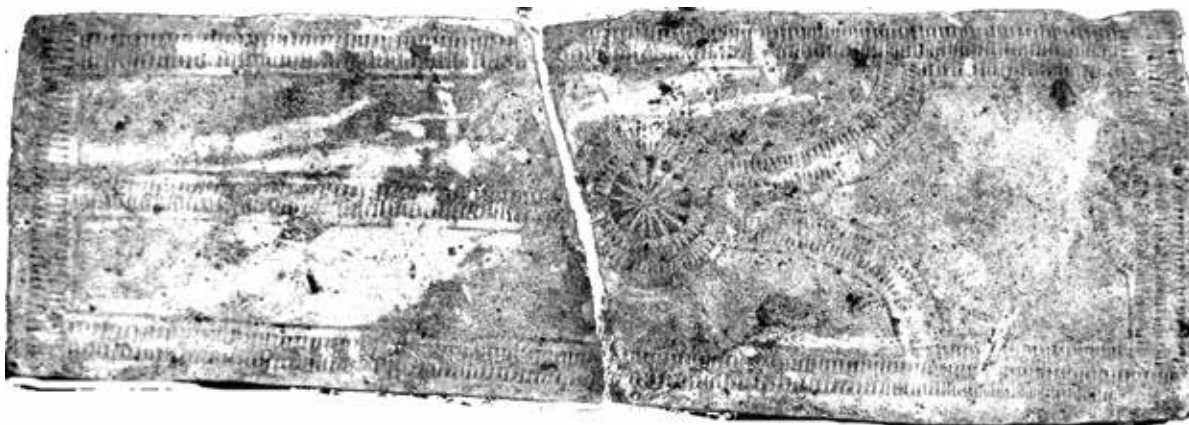

Колодец «Марья Святая»

Гора Святой Марии

*Фотографии А.Л. Каретникова.
2014–2015 годы*

*Надгробная плита XVI века на вершине горы Святой Марии.
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»*

Гора Святой Марии связана и с великим князем Константином Всеволодовичем, основателем Ростовского княжества. Летописец повествует нам о встрече князя на святом урочище с дружинами союзников накануне битвы на р. Липице в 1216 году. Интересно, что в летописи урочище обозначено как перекресток путей, ведущих из Ростова к Переславлю. Неподалеку — истоки легендарной Нерли Клязьминской.

Следующее упоминание урочища относится к 1685 году. Это свидетельство связывает древность с нашим временем. Даже сегодня жители деревни Калистово сверяют погоду с горой Святой Марии: «Тучи идут от Марьи Святой — быть дождю».

Первым печатным упоминанием о горе Святой Марии была заметка 1789 года в «Новом и полном географическом словаре Российского государства». Об этой достопримечательности упоминает и энциклопедия Брокгауза и Ефрона. В распоряжении историков есть этнографические записи XIX–XX веков. Большинство опытных ростовских ученых и археологов — А.А. Титов, Д.А. Ушаков, А.Е. Лонтъев, К.И. Комаров — проводили исследования в урочище, составляли планы раскопок. Благодаря этой работе памятники археологии были поставлены на охрану.

В наше время были проведены более глубокие и подробные исследования. На их основании сотрудники музея Ростовского кремля А.В. Киселев, И.В. Купцов и А.Л. Каретников подготовили целый ряд научных работ.

Интересно, что городище железного века было поставлено на треугольном мысу между крутым береговым склоном и оврагом. Археологи обнаружили в истоке

оврага дамбу. Она запрудила небольшой водоем. Этот пруд является памятником средневековья. Совсем недавно был обнаружен спрямленный отрог берегового склона. Он, как пандус, помогал запряженным повозкам без затруднения подниматься и спускаться с горы. Чуть в стороне по направлению к Переславлю находится самый крупный в Ярославской области курганный могильник XI–XIII веков. Скромные погребения древних русичей ориентированы по-христиански, но обозначены невысокими, языческими по внешнему виду, курганами.

Уже в наши дни Ярославская епархия обратилась в соответствующие инстанции с прошением о включении в реестр достопримечательных мест, обладающих признаками объекта культурного наследия, урочища «гора Святой Марии». Департамент охраны культурного наследия Ярославской области подтвердил выявление памятника археологии и истории. Мы надеемся, что в год своего 800-летия гора Святой Марии получит статус охраняемого объекта, что поможет сохранить заповедный ландшафт, а Ярославская область получит еще один привлекательный уголок для рекреации. Радостно, что уже сейчас гору посещают и школьники с экскурсиями, и паломники.

13–14 августа 2016 года на горе и в ее окрестностях пройдут юбилейные мероприятия: фестиваль исторической реконструкции, концерты, богослужения. Мы приглашаем всех читателей «Московского журнала» в незабываемое путешествие на гору Святой Марии, где они прикоснутся к живому памятнику Руси изначальной и почувствуют его непреходящую ценность.

Елена Викторовна Офицерова

«Пролетели Вы метеором...»

Об известной в прошлом оперной певице
Марии Николаевне Климентовой-Муромцевой
(1857–1946)

*Мария Николаевна Климентова.
Фотография 1880-х годов*

Сегодня ее имя не то чтобы забыто, но вспоминается нечасто — в лучшем случае любители музыки припомнят, что она была первой исполнительницей партии Татьяны в «Евгении Онегине». И это представляется глубоко несправедливым.

После окончания киевской гимназии Мария Климентова, девушка незаурядная и решительная, в 1875 году смело отправилась покорять Москву. Исключительные вокальные данные позволили ей поступить в консерваторию, в класс Джакомо Гальвани, известного итальянского педагога. Марию вскоре заметили, и она начала участвовать в ученических спектаклях, вызывавших серьезный интерес в музыкальном мире. Спектакли проходили на сцене Императорского Малого театра, дирижировал Н.Г. Рубинштейн. В 1877 году Климентова спела партию Берты в опере Россини «Севильский цирюльник» и одну из партий в опере Буальдьё «Белая дама». Исполняла и драматические роли¹. В консерватории имелись драматические классы, и их руководитель — режиссер и актер Малого театра И.Ю. Самарин — усердно прививал молодым певцам культуру сценической речи. От Марии Климентовой он требовал устранения украинского акцента, чего ей в результате года интенсивных занятий удалось добиться.

Свою новую оперу «Евгений Онегин» П.И. Чайковский задумал поставить именно в консерватории. Он сообщал другу — виолончелисту К.К. Альбрехту: «Я никогда не отдам этой оперы в дирекцию императорских театров, прежде чем она не пойдет в консерватории. Я ее писал для консерватории, потому что здесь мне нужна не большая сцена с ее рутиной, условностью, с ее бездарными режиссерами, с бессмысленной, хотя и роскошной декорацией, с ее махальными машинами вместо капельмейстера»². Особые требования предъявлялись к певцам. На роль Татьяны композитор избрал Марию Климентову.

Премьера состоялась на сцене Малого театра 19 марта 1879 года. Мнения критиков разделились. Восхищались оперой далеко не все. Многие не приняли ее новаторского реалистического — по сравнению с «искусственностью» итальянских опер — характера; слишком вольным выглядело переложение пушкинских стихов для либретто. Бурю возмущения вызвал финал: во время объяснения Татьяна, не

*М.Н. Климентова в партии Татьяны.
Фотография 1880-х годов*

*Афиша спектакля «Евгений Онегин».
1879 год. РГИА*

в силах бороться с собственными чувствами, бросалась на шею Онегину (в таком варианте опера прошла всего один раз — Чайковский «очень скоро сам почувствовал кощунственность этой переделки и перед представлением оперы на императорской сцене восстановил сцену по Пушкину»³). Знатоки единодушно расхваливали музыку, а также хор и оркестр. Певцы понравились значительно меньше. Однако Климентову превозносили. Авторитетный критик Г.А. Ларош писал: «Не могу умолчать о тех богатых превосходных задатках, которые обнаружила юная исполнительница партии Татьяны. <...> Красивый тембр голоса, пение одушевленное и глубоко прочувствованное, непринужденная грация и естественность игры — все это делает начинающую певицу такую Татьяною, которая весьма близко подходит к осуществлению композиторского идеала. <...> Нельзя не видеть в Климентовой одну из самых светлых надежд русской лирической сцены»⁴.

Сам композитор тоже был в целом доволен спектаклем, хотя и отмечал «недостаток у молодых исполнителей сценического опыта. <...> Татьяна — Климентова — более приближается к моему идеалу, особенно благодаря тому обстоятельству, что у ней, несмотря на большую сценическую неумелость, есть теплота и искренность»⁵.

В 1880 году М.Н. Климентова окончила консерваторию с Большой серебряной медалью и была принята в оперную труппу Императорских московских театров, успешно дебютировав в «Фаусте» (Маргарита). Дирекция заключила с ней двухгодичный контракт. Вот один из пунктов: «Обязуюсь посвящать все мои дарования и способности ко благу и пользе Дирекции ИМТ и играть роли в дни и часы по назначению оной, как при Высочайшем Дворе, так и на городских театрах, где будет приказано, даже и на двух театрах в один день, если сие окажется нужным, не отговариваясь от того ни под каким предлогом»⁶. Звучит как клятва или присяга.

Вернемся, однако, немного назад. 31 августа 1877 года Мария, возвращаясь в Москву с каникул, познакомилась в поезде с Василием Дмитриевичем Поленовым. Эта случайная встреча оказала значительное влияние на жизнь худож-

*И.Е. Репин. Портрет
Василия Дмитриевича Поленова.
Холст, масло. 1877 год*

ника. Он влюбился в попутчицу с первого взгляда. Сразу после знакомства пригласил Марию в галерею П.М. Третьякова, где уже были его работы. Вскоре, однако, ему пришлось отправиться на русско-турецкую войну в качестве художника-репортера. Поленов писал Марии часто, а ответы получал гораздо реже. Очевидно, влюблена в него она не была, но и общения не прекращала, стремясь свести все к дружбе. Его же чувство к ней возрастало и в марте 1879 года прорвалось страстным признанием: «Я довольно-таки увлекался в моей тридцатичетырехлетней жизни <...> и с успехом. Но любить — говорю прямо — я никогда не любил. <...> Да, я Вас беззаветно люблю, Мария Николаевна, — да что я говорю! Я не Вас люблю, а я тебя люблю, люблю тебя всей силой моей души, всей страстью моего сердца, — ты мое горе, ты моя радость, моя жизнь, мой свет... Я часто искал в памяти ту минуту, когда я полюбил тебя, и пришел к тому, что полюбил я тебя в день нашей странной случайной встречи»⁷.

Из поленовских писем известно, что они встречались в Москве, посещали общих знакомых⁸. Кроме того, Климентова

позировала Поленову. В цитированном выше его послании читаем: «Вы смело приезжайте ко мне как к художнику, <...> я уговорю Рафаила быть все время в мастерской <...> так, чтобы не вышло неприятного для Вас *tete a tete*». Кстати, из окна именно этой мастерской открывался вид, запечатленный В.Д. Поленовым на знаменитой картине «Московский дворик».

Поленов пристально следил за выступлениями Климентовой. 12 января 1878 года он писал ей из Болгарии: «Очень рад Вашему сценическому успеху, с каким я удовольствием очутился бы теперь в Москве и с каким бы наслаждением послушал бы Вас»⁹. 27 апреля 1880-го поздравил ее с «блистательным дебютом» в Большом театре. Судя по всему, Василий Дмитриевич уже не надеялся на ответное чувство и соглашался с ролью доброго друга.

Надо заметить, что не одному Поленову Мария Николаевна вскружила голову. К ее красоте и таланту не остался равнодушен молодой, но уже известный биолог, профессор Петровской академии, страстный меломан Климент Аркадьевич Тимирязев. В 1878 году вышел знаменитый труд ученого «Жизнь растений», имевший успех не только у специалистов, но и среди широкой публики. Для Климентовой Тимирязев подготовил переплетенный в темно-зеленый сафьян подарочный экземпляр¹⁰ с шутливым стихотворным посвящением:

*Искусства силою всевластной
Кипучей жизни молодой
То огненно, то нежно страстно
Звучит Ваш голос золотой...
В мир звуков дивных погружен,
Когда в восторге Вам внимаю,
Я с жизнью будто примирен,
Ее невзгоды забываю,
И кажется мне все кругом
Каким-то чудным светлым сном...
За те чарующие звуки
Я б не хотел быть должником,
Сухой безжизненной науки
Вам посвящаю этот том,
Перешагнуть не волен в нем
Я строгой логики границы
И тешусь мыслью лишь о том,
Что, на снотворные страницы
Склонив головку вечером,
Задремлете Вы сладким сном.*

*Климент Аркадьевич Тимирязев.
Фотография 1877 года*

По воспоминаниям современников, Марию Николаевну отличал веселый импульсивный нрав, она любила посмеяться, при случае рассказать забавную историю и даже небылицу, с удовольствием посещала самые разные кружки, собрания, балы, танцевальные вечера, имела множество поклонников. Поленов, случалось, приходил от всего этого в отчаяние, но быстро менял гнев на милость: «Я ясно увидел, что Вы не кокетка, не ветреница, как я Вас называл за последние дни, а просто еще дитя. Умное, интересное, милое дитя с огромным запасом жизни, веселья, чистоты; что в Вас и тени не может быть чего-нибудь намеренно лживого»¹¹.

Внешностью она обладала довольно необычной. Актриса Малого театра Н.А. Смирнова, познакомившаяся с Климентовой в 1890-х годах, писала: «Помню женщину с лицом не то японки, не то кореянки, с широкими скулами, с небольшими черными приподнятыми в углах глазами. Цвет лица у нее был очень смуглый, волосы очень черные, глянцевитые, причесанные кверху, что увеличивало сходство с японкой»¹².

И.Е. Репин. Портрет певицы М.Н. Климентовой.

Холст, масло. 1883 год.

Национальная галерея Армении (Ереван)

Удивительно, но с этим описанием мало согласуется графический портрет М.Н. Климентовой, выполненный И.Е. Репиным в 1878 году¹³. Восточные черты модели не бросаются в глаза. Здесь мы видим скорее скромную интеллигентную курсистку, чем эффектную оперную диву. Впрочем, возможно, она перед Репиным хотела предстать именно в таком образе.

Поленов надолго уехал в Палестину, а когда вернулся, оказалось, что Мария вышла замуж — за профессора-юриста Сергея Андреевича Муромцева. Брак этот казался странным. В самом деле: он — представитель древнего дворянского рода, она — из провинциальной купеческой семьи; он — интеллеktуал, склонный к кабинетным занятиям (общественно-политической деятельностью занялся поз-

*Сергей Андреевич Муромцев.
Фотография 1890-х годов*

*М.Н. Климентова в партии Оксаны
(опера «Черевички»).*
Фотография 1887 года

же), она — артистка, богема... Так или иначе, в 1882 году Муромцев и Климентова обвенчались. В 1883-м у них родилась дочь Ольга, в 1884-м — Мария.

Между тем карьера певицы складывалась удачно. В Большом театре талант Климентовой окреп и развился. Она быстро завоевала статус солистки. Диапазон ее голоса позволял исполнять произведения как для сопрано, так и для меццо-сопрано. Обладала Мария Николаевна и немалым драматическим даром, хотя, как отмечали критики, иногда «переигрывала».

В 1881 году «Евгения Онегина» поставили на сцене Большого театра. В новой редакции с привычным для нас финалом партию Татьяны исполняла Елена Верни. Однако, по мнению критиков, она «не сумела вникнуть в образ», да и сам Чайковский писал: «Климентова для меня, да и для всех, бесспорно, лучше Верни»¹⁴. В итоге уже с осени 1883 года партия Татьяны стала принадлежать Марии Николаевне безраздельно. Другая любимая ее роль — Маргарита в «Фаусте». Помимо этого, Климентова пела ведущие партии в «Жизни за царя», «Руслане и Людмиле», «Мазепе», «Демоне», «Маккавеех», «Волшебной флейте», «Дон Жуане», «Вольном стрелке», «Жидовке», «Гугенотах», «Севильском цирюльнике», «Вильгельме Телле», «Аиде».

В январе 1887 года в Большом состоялась премьера оперы «Черевички». По предложению автора — П.И. Чайковского — роль Оксаны поручили М.Н. Климентовой. Интересно, что именно с этой премьеры началась дирижерская деятельность композитора.

Климентова также впервые исполнила партии Марии Мнишек в «Борисе Годунове»¹⁵, Памины в «Волшебной флейте», а также Жанны в «Марии Бургундской» П. Бларамберга (в октябре 1888 года). С последней, правда, получилось неудачно. Почти каждое представление оперы совпадало с каким-либо несчастьем: смерть суфлера, разрыв главного занавеса, обвал дома по соседству с театром... Все это стало возбуждать в публике суеверный страх, и «Марию Бургундскую» вскоре сняли с репертуара¹⁶.

Статус примы Большого театра отнюдь не предоставлял Климентовой каких-то особых привилегий. Разве что жалованье ее год от года росло. Однако и требова-

ПОЮЩАЯ РОССИЯ

*Ипполит Карлович Альтани —
главный дирижер Большого театра
(1882–1906)*

*Павел Акинфиевич Хохлов —
партнер М.Н. Климентовой по сцене —
неизменный исполнитель партии Онегина
до 1909 года.*

*Фотография 1880-х годов.
Государственный дом-музей П.И. Чайковского*

*Национальный театр в Праге.
Здесь в 1889 году состоялись триумфальные гастроли М.Н. Климентовой и П.А. Хохлова*

ния выдвигались жесткие. Например, она не имела права «отлучаться за город даже на один день без письменного разрешения Дирекции». Уходя из дому, обязана была оставлять записку с указанием, куда именно направляется. Не могла петь «где-то в другом месте публично». И еще множество подобных пунктов. Существовала поистине драконовская система штрафов за малейшие нарушения, даже за пропуск спектакля по болезни. Ко всему этому добавился конфликт с дирижером И.К. Альтани. В конце концов весной 1889 года Мария Николаевна контракт с дирекцией не подписала. Музыкальный критик Н.Д. Кашкин сетовал: «Уход Климентовой, певицы, находящейся в полном расцвете артистических сил, создавшей столько первостепенных оперных ролей, как, например, Татьяна в «Онегине», Оксана в «Черевичках» и другие, державшей на своих плечах значительную долю всего репертуара, — прискорбное недоразумение»¹⁷.

Конечно, уйдя из театра, Климентова не собиралась завершать творческую карьеру — ведь ей исполнилось всего 33 года, и ее к тому времени знали далеко не только в Москве. В 1885 году она

*Французская оперная певица
Дезире Арто*

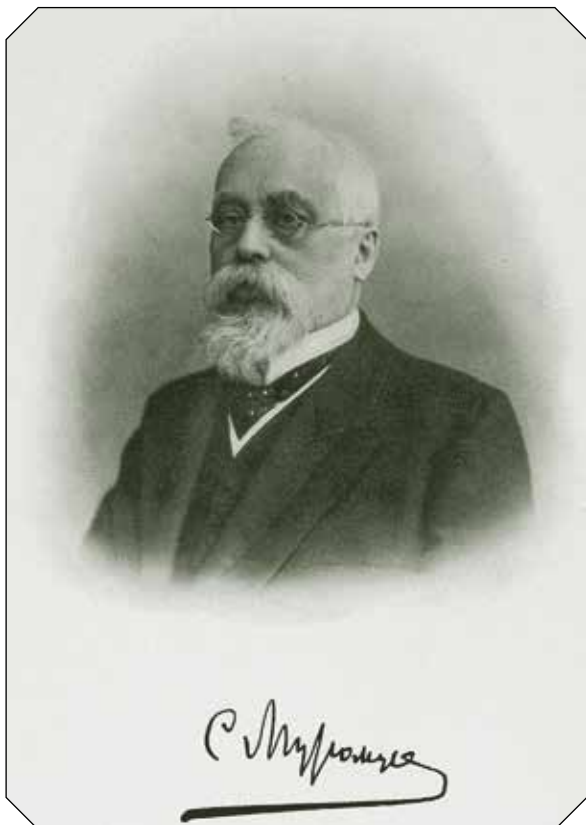
успешно гастролировала в Петербурге. Да и в Европе успела «отметиться»: весной 1889 года, когда на время Великого поста театры в России закрылись, Мария Николаевна по рекомендации П.И. Чайковского с триумфом выступила в Праге, о чем писала композитору: «Я была благодарна Вам в Праге и пожалала такие лавры, что даже и поверить трудно»¹⁸.

Теперь же, свободная от контроля и давления Дирекции, она отправилась во Францию — совершенствоваться в своем искусстве у великой Дезире Арто. Рекомендательным письмом ее снабдил все тот же Чайковский, давно знавший Арто и в молодости даже чуть было на ней не женившийся. Очевидно, Климентова (с 1885 года все чаще использовавшая двойную фамилию — Климентова-Муромцева) мечтала об успехе на парижских сценах. Однако «пробиться» туда ей не удалось, хотя Арто и пыталась помочь. Впечатления, на какое рассчитывала Мария Николаевна, она в Париже не произвела. Возможно, здесь имелись объективные причины. По словам Чайковского, незадолго до того Климентова «перенесла тяжелую болезнь, после которой ее голос много сдал»¹⁹.

По приезде в Россию Мария Николаевна всю свою энергию направила на преподавательскую деятельность. Она вернулась в консерваторию — теперь уже в качестве профессора²⁰. Совместно с Н.О. Коргановой²¹, тоже певицей, в 1891 году открыла в Москве женские вокальные курсы, чуть позже — частную школу с «полным курсом вспомогательных предметов». Для школьных постановок приглашались известные режиссеры — например, К.С. Станиславский

Покинув большую сцену, Климентова продолжала много выступать — в любительских спектаклях у С.И. Мамонтова в Абрамцево, на ежегодных благотворительных концертах в пользу нуждающихся студентов²², в собраниях Кружка любителей русской музыки, исполняя в основном камерные произведения. Н.А. Смирнова вспоминала: «У рояля при первых аккордах аккомпанемента к романсам Шуберта, которые особенно памятли мне, лицо ее преображалось. Она пела необыкновенно выразительно, с большой теплотой и темпераментом. Из романсов Чайковского, которые она пела совсем в другой манере, чем Шу-

ПОЮЩАЯ РОССИЯ

*С.А. Муромцев.
Фотография 1910 года*

берта, пела поэтично и нежно, пела русскую весну, русскую любовь, — особенно памятны романсы «Уж гасли в комнатах огни» (после я никогда ни от кого не слыхала такого исполнения) или «То было раннею весной» — уж никогда больше этот романс не производил на меня такого впечатления»²³.

В 1884 году «за политическую неблагонадежность» С.А. Муромцева уволили из Московского университета. Это был сильный удар, но Сергей Андреевич от него быстро оправился. Вступил в Московскую коллегию адвокатов, вел крупные дела, в том числе в Сенате; с конца 1890-х годов с головой ушел в земскую работу, позже увлекся политикой, стоял у истоков создания кадетской партии. В 1906 году его избрали председателем Первой Государственной думы.

По словам знакомых, семейная жизнь Марии Николаевны не особенно складывалась. Из переписки узнаем, что супруги часто и подолгу проживали раздельно, родственники С.А. Муромцева с его женой практически не общались. Известная оперная певица Н.В. Салина свидетель-

*Гулянье в Царицыне. Поляна перед Большим дворцом.
Фотография конца 1890-х годов. Из архива В.Ю. и М.В. Кончаловских*

ствовала: «Климентова производила впечатление человека травмированного, со странностями: она пила, курила и со страстью играла в карты тайно от мужа, <...> с которым не была счастлива»²⁴.

Внешне, однако, все выглядело вполне благополучно. В 1892 году у Муромцевых родился сын Владимир. На следующий год решили строить дачу (дань тогдашней моде). Выбор пал на Царицыно — в том числе из-за близости его к Москве и удобства железнодорожного сообщения: Муромцев любил комфорт, он и в Царицыно-то ездил всегда только первым классом²⁵. На престижной Покровской стороне по левому берегу Верхнего Царицынского пруда арендовали несколько земельных участков общей площадью около трех гектаров. Строительство шло быстро — всего за несколько недель здесь вырос солидный двухэтажный дом с мезонином: 13 комнат, прихожая, буфетная, просторная двусветная концертная зала с цветными витражами, ванная, «наливные ватерклозеты» (редкость по тем временам). Соседями по даче оказались люди известные, состоятельные — куп-

*Т.В. Муромцева-Саарбекова,
внучка М.Н. Климентовой-Муромцевой.
Фотография 2012 года*

*Дача Муромцевых в Царицыне.
Фотография начала XX века.
Из архива А.А. Лашина*

цы и предприниматели Крестовниковы, Морозовы, Листы, присяжные поверенные Н.А. Вокач, П.М. Вышеславцев, М.С. Гольденвейзер. С ними общались часто. Н.А. Смирнова: «Помню летний вечер на даче в Царицыне. Игра в карты кончена, и Марию Николаевну просят петь. Она редко отказывалась. <...> За эти минуты художественных радостей была я благодарна Марии Николаевне, преклоняясь перед ее талантом. Я шла на другой день к ней на дачу, чтобы поговорить об ее искусстве, но дома она была какая-то неуютная, словно чужая в громадных комнатах, к которым так подходила величественная фигура ее красавца-мужа Сергея Андреевича Муромцева. Она в его присутствии была какая-то неестественная, как будто робела перед ним»²⁶.

В Москве Мария Николаевна устраивала артистические вечера с участием крупных музыкантов — Танеева, Скрябина, Глиэра, Рахманинова, Чайковского. Последний посвятил хозяйке фортепианное произведение (op. 9). Многолетние теплые отношения сложились у Климентовой с Л.Н. Толстым. По приглашению писателя она навещала Ясную Поляну и дом в Хамовниках. Толстой ценил не

только вокальный дар Климентовой, но и считал ее талантливой рассказчицей. Тесное знакомство связывало Марию Николаевну с И.С. Тургеневым и Полиной Виардо. Поклонником «золотого голоса» являлся И.Е. Репин. В 1883 году он закончил второй портрет певицы — на сей раз большой парадный²⁷. В письмах Илья Ефимович обращался к ней: «Дорогая, вещая, могучая». А в 1912 году после ее краткого визита в Пенаты написал: «Пролетели Вы метеором в этой тишине, внесли огонь, и жизнь, и чувства, и красоту».

В октябре 1910 года С.А. Муромцев скоропостижно скончался от сердечного приступа. После его смерти многое изменилось. Дачу в Царицыне стали сдавать, а впоследствии и вовсе продали²⁸.

С началом Первой мировой войны Мария Николаевна занялась благотворительной деятельностью: жертвовала средства на содержание детского дома во Владимирской области, работала в Обще-

стве трудовой помощи инвалидам войны, писала статьи и очерки в газеты и журналы, стремясь привлечь внимание читателей к судьбам людей, потерявших на фронте зрение. Революцию она не приняла и в 1922 году вместе с младшей дочерью эмигрировала в Париж: «Из Москвы приехала мадам Муромцева, вдова председателя Первой думы. Приехала без труда. Ей удалось выехать благодаря тому, что она давала уроки пения племяннице Красина»²⁹.

В эмиграции она продолжила активную жизнь — руководила вокальной студией, преподавала, выступала с воспоминаниями об И.С. Тургеневе и Ф.И. Шаляпине. Скончалась в Париже и была похоронена на кладбище Нейи. В некрологе говорилось: «С именем Муромцевой связаны едва ли не все крупнейшие события русской музыкальной жизни за несколько десятков лет»³⁰. В архиве Пушкинского дома сохранились записи ее голоса.

¹В частности, в комедиях Мольера «Хоть тресни, а женись», «Ученые барыни».

²Чайковский П.И. О музыке, о жизни, о себе. Л., 1976. С. 64.

³Ларош Г.А. Избранные статьи. Вып. 2. Л., 1975. С. 348.

⁴Там же. С. 106.

⁵Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1963. С. 155.

⁶РГАЛИ. Ф 659. Оп.3. Д. 1698. Л.1.

⁷Сахарова Е.В. В.Д. Поленов и Е.Д. Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 276.

⁸Письма М.Н. Климентовой не дошли до нас — В.Д. Поленов уничтожил их, когда собрался жениться на Наталье Васильевне Якунчиковой.

⁹Сахарова Е.В. Указ. соч. С. 260.

¹⁰Ныне хранится в Мемориальном музее-квартире К.А. Тимирязева.

¹¹Сахарова Е.В. Указ. соч. С. 275.

¹²Там же. С. 739.

¹³И.Е. Репин. Портрет М.Н. Климентовой. Бумага, карандаш. 1878. Кировский художественный музей.

¹⁴Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 201.

¹⁵Во второй редакции оперы.

¹⁶Зарубин В.И. Большой театр. Первые постановки опер на русской сцене. 1825—1993. М., 1994.

¹⁷Артист. 1889. Кн. 2. С. 70.

¹⁸Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Т. 15 а. М., 1976. С. 136.

¹⁹Там же. Т. 15 б. М., 1977.

²⁰Московская консерватория от истоков до наших дней. 1866—2006. Биографический энциклопедический словарь. М., 2007.

²¹В литературе встречается также название «Карганова».

²²Например, на одном из таких концертов она исполнила «Молитву» из «Моцартианы» П.И. Чайковского и один из его романсов (Московские ведомости. 1890. 14 ноября).

²³Сахарова Е.В. Указ. соч. С. 739.

²⁴Там же. С. 740.

²⁵Муромцева-Бунина В.Н. С.А. Муромцев // Последние новости. 1931. 9 мая.

²⁶Сахарова Е.В. Указ. соч. С. 740.

²⁷И.Е. Репин. Портрет певицы М.Н. Муромцевой. Холст, масло. 1883. Национальная галерея Армении.

²⁸ЦИАМ. Ф.11. Оп.3. Д. 622. Л. 101.

²⁹Mouromzeff T. À la recherche de ma Russie. Lille, 2006. P. 31. Внучка певицы Т.В. Муромцева-Саарбекова приводит в этой своей книге запись из дневника аббата Мунье от 6 мая 1922 года.

³⁰Русские ведомости. 1946. № 38. 1 февраля. С. 6.

Екатерина Адольфовна Берг

Храм святителя Мартина исповедника в Москве

Страницы прошлого и настоящего

Вид Большой Алексеевской улицы от Таганки.

Фотография из альбома Н.А. Найденова «Виды некоторых городских местностей, храмов, примечательных зданий и других сооружений». М., 1888

Издавна храмы в России стремились воздвигать на возвышенных местах. Так и храм Мартина исповедника, папы Римского, возник на одном из холмов Москвы — Таганском в Алексеевской слободе (современный адрес: улица Александра Солженицына, 15. Улица до недавнего времени называлась Большой Ком-

мунистической, а еще раньше — Большой Алексеевской). Точное время строительства неизвестно. По преданию, храм возводился в ознаменование начала великого княжения Василия III Иоанновича. Поскольку это событие совпало с днем памяти Мартина, папы Римского (14/27 апреля), храм посвятили этому

*Фреска на фронтоне храма
с изображением святого Мартина исповедника*

святому, сыгравшему в VII веке выдающуюся роль в борьбе с монофелитством (отрицание у Христа человеческой воли) и почитаемому как католиками, так и православными.

Изначальный облик храма неизвестен — письменные свидетельства на сей счет, а также изображения отсутствуют. Вот позднейшее его описание: «На углу двух улиц (Большой и Малой Алексеевских. — *Е. Б.*) возвышается один из самых красивых московских храмов — святого Мартина исповедника, величественное сооружение, в котором выделяются прекрасно прорисованные колонные портики, крупная ротонда, увенчанная куполом и бельведером, и стройный силуэт высокой изящной колокольни. Колонны — основная декоративная форма, применяемая архитектором: они то распределяются равномерно, то стягиваются в пучки, группируясь в компактные группы» (*Романюк С.К. По землям московских сел и слобод. Ч. 1. Между Садовым кольцом и Камер-Коллежским валом. М., 2001*).

Историю возникновения нового храма находим во многих источниках. Рассказывается, в частности, что в 1780 году Москву посетил император Священной Римской империи и правитель Габсбургских (Австрийских) земель Иосиф II. Принимал и сопровождал его митрополит Московский Платон (Левшин). Импера-

тор посетил два московских храма в честь святых, равно почитаемых в православной России и в католической Западной Европе — священномученика Климента и Мартина исповедника, пап Римских. Первый храм высокого гостя весьма впечатлил, второй же, к тому времени обветшавший, оставил равнодушным. Это привело митрополита Платона к мысли о сносе существующего храма и постройке на его месте другого, более объемного и внушительного. Финансировать строительство взялся Василий Яковлевич Жигарев — московский купец 1-й гильдии, прихожанин Мартиновской церкви, живший неподалеку. Работы велись с 1792 по 1806 год. Проект выполнил архитектор Родион Родионович Казаков. Внутренние стены были «расписаны живописным письмом. В холодной церкви стенная живопись писана на итальянский стиль итальянским живописцем Антонио Клауда в 1800–1801 годах. <...> Иконы в иконостасе в холодной церкви итальянского письма, писаны <...> в одно время с расписанием церкви; все они без окладов. В теплой церкви вообще все иконы письма живописного. Кем писаны, неизвестно. Местночтимая икона Грузинская Божия Матери (см. ниже — *Е. Б.*) находится в левом приделе, устроенном в честь ея» (Храм свт. Мартина исповедника... Сост. *Мусорина Е.А., Выстрелков С.И.* См. на сайте taganka-pravoslav.narod.ru).

Роспись барабана

Храм имел два придела — во имя Грузинской иконы Божией Матери и Мартина исповедника, освященные в 1800 году. Освящение главного престола во имя Вознесения Господня (отчего храм называется также Вознесенским) состоялось в 1806-м; совершил его митрополит Московский Платон (Левшин).

Монументальный архитектурный ансамбль включал в себя пятиглавый храм, колокольню почти 60-метровой высоты и соединяющий их переход-трапезную. Журналист, литературовед, москвовед А.А. Шамаро в статье «Святой Мартин на Большой Коммунистической» (Наука и религия. 1991. № 9) писал: «Центральная

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

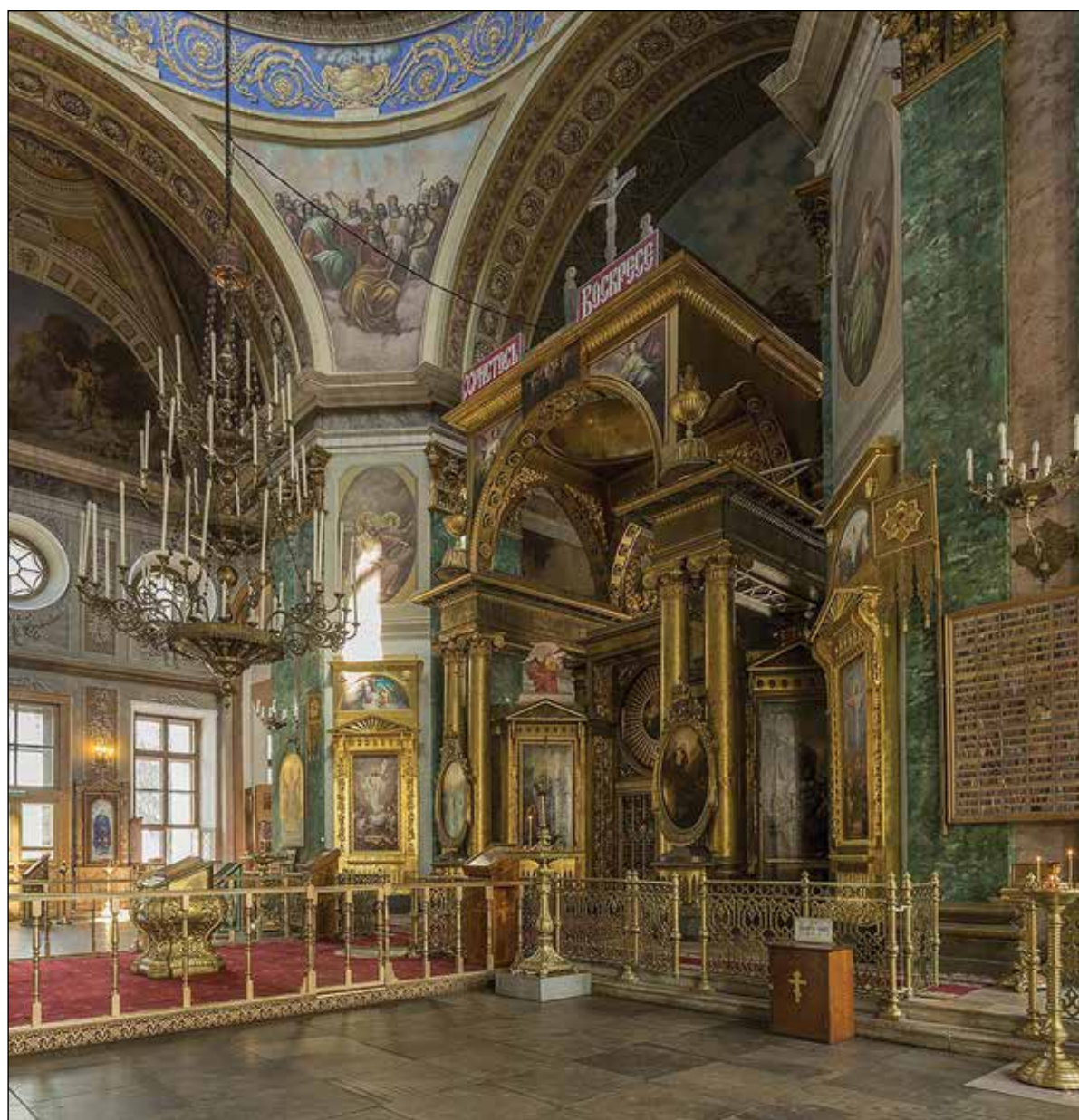
глава так велика (диаметр купола около 17 метров), что если «снять» ее с храма и «перенести» на какое-то незастроенное пространство, она вполне могла бы стать самостоятельной и достаточно вместительной ротондальной церковью. <...> Четыре главы по углам как бы напоминают о четырех лицах, связанных с историей храма» (автор имеет в виду митрополита Московского Платона (Левшина), императора Иосифа II, зодчего Р.Р. Казакова и купца В.Я. Жигарева).

В 1812 году храм пострадал относительно мало. Е.А. Мусорина и С.И. Выстрелков (см. выше) цитируют:

«Французы основные святыни из храма не похитили, так как священник Феодор

Алексеев все ценное скрыл в колокольне. Хоры были после уничтожены, и место, где они были (в холодной церкви, против алтаря), было заложено кирпичом и сравнено со стеною, так что признаков хорей не осталось.

В документе Московской духовной консистории от ноября 1813 года говорилось: «Ивановского сорока церкви Вознесения Господня с приделами Пресвятыя Богородицы Грузинския и святого Мартина Исповедника, что в Большой Алексеевской, каменная, после неприятеля внутри цела, а приделы сгорели, и снаружи весь храм обгорел. Церковной утвари часть немалая разграблена, а частью погорела, но и за тем еще священных одежд к священ-

Царские врата

Фотография 1920-х годов

нослужению довольно. А при том спасено низкой пробы серебра со старых образцов весом 13 фунтов 81 золотник, трое сосудов серебряных вызолоченных с принадлежащими к ним приборами, весу в них 24 ф[унта] 10 з[олотников], ковшичек серебряный позлащенный, блюдо серебряное, четыре лампы серебряные, два ковчега серебряных позлащенных, дароносица серебряная, три кадила серебряные, чаша водосвятная с крышками и сосудами серебряная для благословения хлебов и с малою чашею водосвятною серебряною. <...> Приходских дворов было 32, все неприятелем сожжены, церковнослужительских 4 двора тоже сожжены».

В мае 1813 года был вновь освящен Вознесенский придел. Согласно широко распространенному преданию, в мартиновском храме состоялось первое благодарственное богослужение после ухода французов из Первопрестольной. Восстановление храма продолжалось до 1820-х годов.

Изначально, как мы помним, храм был холодным. Только в 1904 году на средства тогдашнего старосты — купца Сергея Андреевича Александра — здесь появилось калориферное отопление.

В разное время при храме существовали народные училища, богадельни, приход-

ское попечительство для вспомоществования бедным.

После революции храм разделил печальную судьбу многих московских церквей. Его не разрушили, но по Декрету 1922 года об изъятии церковных ценностей он лишился значительной части своей ризницы. П.Г. Паламарчук в книге «Сорок сороков» (Т. 3. М., 1995) со ссылкой на парижское издание «Черная книга («Штурм небес»)» (1925) приводит следующие данные: «С 21 марта по 5 апреля 1922 г. в храме изъято 14 пудов 4 фунта 91 золотник серебра». Уникальные Царские ворота, выполненные в форме триумфальных ворот по случаю победы над Наполеоном, разобрали и передали на хранение Музею архитектуры в Донской монастырь.

Тот же П.Г. Паламарчук цитирует газету «Известия» от 23 марта 1923 года: «Беспартийные рабочие Рогожско-Симоновского района постановили: просить Моссовет предоставить помещение ц[еркви] Мартина исповедника на Б. Коммунистической ул. под общее собрание трудящихся и для других культурно-просветительских целей. Исполком райсовета возбудил об этом ходатайство». В результате через четыре года храм закрыли и передали его

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

киноорганизации «Востоккино». Позже здесь разместились фонды Всесоюзной Книжной палаты.

На сайте храма Мартина исповедника (st-martin.ru) читаем:

«Идея возвращения храма верующим родилась в 1989 году среди прихожан церкви Успения Божией Матери в Гончарах. На протяжении многих лет эта небольшая церковь была единственным действующим православным храмом в районе Таганки. В конце 1980-х годов в связи с увеличением количества молящихся встал вопрос об открытии одного из близлежащих храмов. Выбор пал на величественную церковь святителя Мартина исповедника. В 1990 году ее возвратили Русской Православной Церкви. 19 апреля 1991 года состоялось освящение престола в честь преподобного Серафима Саровского. Возобновились богослужения.

В 1992 году настоятелем храма назначается протоиерей Александр Абрамов.

К 1996 году храм был полностью освобожден от фондов Книжной палаты. Произведена разборка шести этажей

устроенных ранее железобетонных перекрытий, полностью заменены система отопления, кровля, полы, оконные рамы. Воссоздана настенная живопись, установлен иконостас центрального алтаря, перевезенный из Донского монастыря. Активное участие в реставрации принимали священники Сергей Точеный, Михаил Федин, Андрей Бондаренко, диакон Дионисий Пряхин.

28 мая 1998 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II совершил Великое освящение храма, передав на молитвенную память настоятелю и приходу Феодоровскую икону Божией Матери со своей дарственной надписью.

В 1999 году в левом преддверии благочинный храмов Центрального округа Москвы, заведующий канцелярией Московской Патриархии протоиерей Владимир Диваков освятил придел в честь преподобного Александра, первоначальника обители «Неусыпающих». В следующем году в крипте устроена крестильная церковь, освященная в честь преподобного Михаила Клопского».

*Большая Коммунистическая улица.
Фотография 1990 года*

*Всенощное бдение совершает Высокопреосвященнейший Арсений
в приделе во имя Грузинской иконы Божией Матери. 26 апреля 2014 года*

Каждый год 27 апреля в престольный праздник литургию в храме совершает Высокопреосвященнейший Арсений (Епифанов), митрополит Истринский, первый викарий Московской епархии по городу Москве.

Так восстанавливается связь времен, непрерывность «истории наших предков, <...> какой нам Бог ее дал» (А.С. Пушкин).

* * *

Завершает этот краткий очерк беседа с клириком храма Мартина исповедника иереем Валерием Степановым (родился в 1971 году, окончил Московскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, кандидат философских наук, специалист по русской религиозной философии XIX века):

— Отец Валерий, возвращение молящихся в храмы началось на Ваших глазах. Как происходит этот процесс сегодня?

— В России на протяжении десятилетий христианские традиции уничтожались. Это дает себя знать и поныне. До сих пор еще иной раз слышишь: «Завтра Пасха, пойду на кладбище». Почему на кладбище, а не в храм?! Храмов-то

раньше было мало, и попасть в них на Пасху было трудно. А люди как-то хотели этот день отметить. Они сердцем чувствовали, что это великий праздник. Вот и шли на кладбище, где похоронены их предки...

В данной связи особенно важно воспитание детей — своих и чужих. Ведь они смотрят на нас, взрослых, и все время учатся. Надо помнить об этом, ибо мы в ответе за их первый — во многом решающий! — духовный опыт. Дети должны знать, что как христиане они не одиноки в этом мире. Каждого человека надо с малых лет приучать к умению чем-то жертвовать, поступаться собственными интересами ради блага других, не отторгать от себя чужую боль.

— Вместе с прихожанами храма Вы оказываете помощь бездомным у Курского вокзала. Расскажите, пожалуйста, поподробнее об этой стороне Вашей деятельности.

— Вот уже 10 лет с благословения настоятеля нашего храма протоиерея Александра Абрамова по воскресеньям, начиная с Рождественского поста и заканчивая праздником Святой Троицы, мы приезжаем в сквер у Курского вокзала кормить

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Храм Мартина Исповедника

бездомных. Раздаем горячую пищу, одежду, необходимые медикаменты, молитвословы, крестики и иконы. Волонтеры помогают людям восстановить утерянные документы, связаться с родственниками, уехать домой. Проект так и называется: «Бедные люди — Курский вокзал».

С 2014 года заметно изменился качественный состав этих людей. Раньше были в основном «классические» бездомные — потерявшие квартиры, освободившиеся из мест заключения и приехавшие в Москву в поисках лучшей доли провинциалы. Теперь же мы все чаще видим тех, кто просто приходит подкормиться. У них есть какая-то работа, какое-то жилье, но денег не хватает даже на еду. С другой стороны, что отраднее, уменьшилось количество детей и подростков на улице. Если в прошлом году мы даже специально проводили встречи для подростков и детей, пытались куда-то их отправлять, то сейчас они практически исчезли.

— *Какие особо чтимые святыни находятся в храме?*

— Назову прежде всего чудотворную Грузинскую икону Божией Матери. С ее появлением у нас связана целая история. В XVII веке икона неоднократно посе-

Пасха в детском доме № 1

*Поздравление ветеранов
Великой Отечественной войны
с 65-й годовщиной Победы*

Помощь страждущим у Курского вокзала

шала Москву. Многочисленность чудес и исцелений от нее подвигла благочестивых москвичей сделать с иконы списки, три из которых также впоследствии прославились чудотворениями. Один из них находился в храме Покрова Божией Матери на Воронцовом поле. Чудеса от этого образа снискали ему благочестивое почитание не только среди простого народа, но и в кругу высочайших особ. Так, императрица Анна Иоанновна вызвала икону в Санкт-Петербург, где святыню украсили дорогим окладом с драгоценными камнями. Почитал икону и император Александр I, который, посещая Москву, неоднократно молился перед ней и, однажды узнав, что икона была ограблена, приказал поставить для ее охраны солдата-ветерана. Во время гонений в XX веке храм Покрова Божией Матери на Воронцовом поле разрушили, с иконы сняли все драгоценности, сам образ верующие спасли и перенесли в храм святых апостолов Петра и Павла на Яузе. После того, как в начале 1990-х храмы и монастыри стали возвращаться Русской Православной Церкви, 1 сентября 1991 года, ко дню празднования Грузинской иконы Божией Матери, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II сей чудотворный образ торжественным крестным ходом был перенесен в храм Мартина исповедника. Местонахождение собственной храмовой Грузинской иконы Божией Матери, утраченной после революции, до сих пор неизвестно.

Святынями нашего храма также являются частицы мощей Мартина исповедника, святителей Филиппа и Иннокентия, митрополитов Московских, преподобных Серафима Саровского и Саввы Сторожевского, святого праведного Алексия Мечёва, святой равноапостольной Нины, некоторых Киево-Печерских подвижников. Особо почитается также погребальная рубашка (срачица) блаженной Матроны Московской.

— До революции прихожанами храма являлись многие купцы и фабриканты. Ими делались богатые вклады, заказывались молебны. Ходит ли сейчас в храм кто-то из их потомков?

— О потомках нам пока ничего не известно, но есть идея в ближайшем особнячке устроить музей истории храма и его благодетелей...

Павел Александрович Гнилорыбов

«Просящему у тебя дай...»

О поездке Великого князя Михаила Павловича
по России в 1817 году

*О. А. Кипренский. Портрет Великого Князя Михаила Павловича.
1815 год*

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Казань

*Воскресенская улица.
Вид от крепости*

*Часовня-памятник
убиенным воинам*

Вплоть до 1860-х годов жители Российской империи не очень-то активно перемещались по своей стране. Путешествовали в основном чиновники, исследователи, дворяне да богомольцы. Хотя дорожная инфраструктура в целом присутствовала на основных трактах, пресловутая сломанная ось экипажа могла задержать поездку на два-три дня, а сами тракты часто обходили стороной даже значительные города, не говоря уже о более мелких населенных пунктах. «Нет, инженерная цивилизация наша, проводя дороги по всем концам любезного отечества, не признает, по обыкновению своему, ни города губернского, ни уездного, ни села, ни деревни, она признает только болото, ров и гору», — иронично сетовал С.П. Шевырев¹. Русские люди, за исключением «отходников», еще не отличались социальной мобильностью, десятки лет обитая на одном месте. И.А. Гончаров писал в «Обломове» о жителях «медвежьих углов» Симбирской губернии: «Они знали, что в восьмидесяти верстах от них была “губерния”, то есть губернский город, но редкие езжали туда; потом знали, что подалее там Саратов или Нижний; слышали, что есть Москва и Питер, что за Питером живут французы или немцы, а далее уже начинался для них, как для древних, темный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак — и наконец все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю». Провинциалы мыслили масштабами уезда, редко — губернии или исторической области.

В самом начале XIX столетия даже сановные особы пускались в путь по родным просторам достаточно редко, и потому многие такие поездки подробно протоколировались. Обратимся в данной связи к любопытнейшему документу — финансовому отчету о путешествии по России в 1817 году Великого князя Михаила Павловича (младшего брата Александра I), опубликованному журналом «Русский архив» шесть десятилетий спустя². Главный интерес здесь представляет характер произволившихся Великим князем расходов.

Формально деньги на путешествие были отпущены его матерью — вдовствующей императрицей Марией Федоровной, желавшей ближе познакомиться сына с обширной Российской державой. Михаила Павловича сопровождал генерал И.Ф. Паскевич. Мария Федоровна говорила последнему: «Я знаю, что у него есть особое расположение к фронту, но ты старайся внушить ему, что это хорошо, но гораздо существеннее узнать быт государства». Воляж длился почти три месяца — с 11 августа по 8 ноября.

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Великий князь, выехав из Петербурга, добрался до Нижнего Новгорода и Казани, потом отправился в Черноземье, побывал на Дону, Кубани, в Крыму, Одессе, на землях Украины и вернулся через Калугу. На дорогу он получил 50 тысяч рублей, из них 49 тысяч ассигнациями и лишь 1000 рублей серебром. Деньги шли в основном на благотворительность. В отчете зафиксированы три основных вида трат — «подавание», «помощь» и «вспомоществование» (в зависимости, видимо, от социального статуса «челобитчика»). Например, 30 рублей составило «слепой дворянке подавание», 500 рублей — «вспомоществование» вдове майора Веселова. «Женщина, просившая подавания» по пути из Рыбинска в Ярославль, получила 25 рублей. 50 рублей Михаил Павлович дал матери своего кучера Петра, 200 рублей — военному инвалиду Абрамову, 1000 рублей — Ярославскому сиротскому дому.

По пути из Кинешмы в Юрьевец повезло «трем устарелым гвардейским сержантам» (150 рублей) и «артиллерийскому отставному солдату» (25 рублей). В Нижнем Новгороде по 50 рублей получили «калека-женщина» и «артиллерийский солдат». Титулярной советнице Зарембе, имевшей пять детей, Великий князь дал 200 целковых. Далее следуют подарки «двум бедным дворянам» (100 рублей) и «пяти чу-

вашинкам» (25 рублей). На пути в Казань Михаил Павлович оказал помощь целой веренице просителей — вдове профессора (300 рублей), отставному майору (200 рублей), штабс-капитану (50 рублей), «погревшей мещанке» (100 рублей). Каждый из 535 солдат батальона, находившегося там на учениях, получил от Великого князя по рублю.

Система помощи нуждающимся из государственного бюджета в Российской империи тогда практически отсутствовала; Михаилу Павловичу приходилось каждый раз в «ручном режиме» решать, кому давать деньги, а кому нет. В отчете упомянуты кожевенный мастер, пострадавший от пожара (100 рублей), отставной полковник Волосатов из Казани (200 рублей), бедный дворянин и его больная жена (250 рублей), бывший придворный скороход (100 рублей), двое раненых солдат (20 рублей).

В Симбирске Михаил Павлович разом выкупил из острога сидящих там за долги (2000 рублей). В Пензе средства, выделенные на поездку, в очередной раз «минусуются»: помощь раненому унтер-офицеру (20 рублей), отставному поручику (100 рублей), двум гвардейским солдатам (50 рублей), бедному дворянину (100 рублей).

Описание тамбовской части маршрута приобретает черты сентиментальности. В Кирсанове Великий князь «пожаловал

Воронеж. Митрофановский монастырь

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

отставному поручику Леонтьеву по бедности его и большому семейству» 200 рублей. 100 рублей достались «унтер-офицерской жене и двум солдаткам, о бедности своей утруждавшим просьбами». Восьмилетнему музыканту Переяславского полка Михаил Павлович дал 25 рублей, столько же — отставному солдату, георгиевскому кавалеру.

В Липецке было распределено 140 рублей между крестьянами, пострадавшими от пожара. В Усмани 10 рублей получил безвестный «калека-крестьянин». Интересная формулировка фигурирует далее: «Капитану Забрину дано в уважение его бедности» 150 рублей.

В Воронеже Михаил Павлович повторил широкий жест и выпустил на волю всех сидящих за долги в местном остроге, на что ушло 688 рублей. В Черноземье небольших даяний удостоились почтальон, конюхи, несколько бедных крестьян.

«Зеленый змий» упоминается в отчете лишь однажды: в Боброве «дано на водку лакею, кучеру и фореитору возившей Великого князя коляски» 30 рублей.

В Павловске Михаил Павлович в буквальном смысле одарил рублем каждого из 185 местных солдат-артиллеристов.

Путешествие по югу существенно облегчило великокняжеский кошелек. Подполковнице Арсеньевой «для вспомоществования ея бедности» дали 185 рублей.

Извозчик, который ночью повез Михаила Павловича в Нахичевань, получил 10 рублей. В Каневской 10 рублей достаются некоему «черноморскому казаку», в Екатеринодаре 20 рублей Михаил Павлович жалует «двум содержавшимся у черкес в неволе».

Крым. 100 рублей на бедность — «греку Саммиталю», 25 рублей — «бедной татарке», 25 рублей — хозяйке избы в Севастополе, где Михаил Павлович решил переодеться. «Грузинец Степан Михайлов» получил четвертную ассигнацию для выкупа своих детей из плена.

В отчете отражены многочисленные подношения караулу, ординарцам, гребцам, музыкантам, вестовым, служащим почтовых станций, банщикам, парикмахерам.

Одесскому театру было выделено 500 рублей. 450 рублей получили шестеро харьковских учителей. Великому князю показывали выдающихся должителей, и 50 рублей он отдал 90-летнему солдату из Белгорода — участнику еще Семилетней войны. Одаривалась практически каждая воинская часть, сподобившаяся пройти парадным строем перед августейшим путешественником.

Россия переживала тогда всплеск интереса к археологии; в Ольвии Михаил Павлович жалует 100 рублей «для отрывания древних редкостей» и еще 25 рублей «мужикам, которые выкапывали медали».

Одесса. Городской театр

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

К. П. Беггров. Михайловский дворец в Санкт-Петербурге. Акварель. 1832 год

Великий князь тоже получал подарки — и в долгу не оставался. В самом начале пути некий садовник преподнес ему «плоды» (ответный дар — 25 рублей), в Рыбинске два мещанина заслужили 50 рублей(!) за встречу высокого гостя хлебом-солью. «Поднесшим великому князю пряники» досталось 25 рублей. «За угощение великого князя чаем» хозяйке из села

Кобозево не пожалели 50 рублей, некоей крестьянке за корзинку яблок — 25 рублей. Когда спускались по Волге, Михаил Павлович, отведав медовых сотов, отдался 10-ю рублями. Под Казанью еще один садовник умудрился достать для него 20 ананасов (благодарность — 50 рублей). Донские казаки получили 25 рублей за осетра, «грек, поднесший золотые туфли», — 25 рублей.

Крючники на Волге

Всего к концу маршрута у путешественника из отпущенных 50 тысяч, согласно отчету, осталось 9 рублей. Российские губернии в начале XIX века редко посещались членами императорской фамилии, поэтому каждая подобная поездка надолго запоминалась; «царские» рубли бережно хранились и передавались в качестве реликвий из поколения в поколение.

На себя Михаил Павлович потратил не так уж и много — купил несколько лошадей, пару редких сабель, тулупы для свиты, еще какую-то мелочь...

¹Шевырев С.П. Путевые впечатления от Москвы до Флоренции // Русский архив. 1878. Вып. 5.

²Отчет в сумме Его императорского высочества государя великого князя Михаила

Павловича, назначенной Ея императорским высочеством государынею императрицею Марией Федоровною на разные расходы в путешествии Его высочества // Там же. 1877. Вып. 7.

ПОДПИСКА—2016

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на наш журнал в любом почтовом отделении.

Индекс в каталогах: «Роспечать» — 73371,
«Почта России» — 99716, «Пресса России» — 42158.

Подписку также можно оформить через агентство
«МК периодика» — (495) 681-91-37,
(495) 684-50-08 (для зарубежных подписчиков).

Извещение	Форма № ПД-4
	ОАО «Редакция газеты «Вечерняя Москва»» <small>(наименование получателя платежа)</small> 7734651295 <small>(ИНН получателя платежа)</small> № 40 702 810 7 0200 5154 001 <small>(номер счета получателя платежа)</small> в АО «Нефтепромбанк» <small>(наименование банка и банковские реквизиты)</small> К/с 30101810445250000315 БИК 044525315 Оплата за журналы <small>(наименование платежа)</small> Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп. Плательщик (подпись) _____
Кассир	
Квитанция	ОАО «Редакция газеты «Вечерняя Москва»» <small>(наименование получателя платежа)</small> 7734651295 <small>(ИНН получателя платежа)</small> № 40 702 810 7 0200 5154 001 <small>(номер счета получателя платежа)</small> в АО «Нефтепромбанк» <small>(наименование банка и банковские реквизиты)</small> К/с 30101810445250000315 БИК 044525315 Оплата за журналы <small>(наименование платежа)</small> Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп. Плательщик (подпись) _____
	Кассир

ПОДПИСКА—2016

Льготную подписку можно оформить:
в редакции (м. «Савёловская»);
почтовым переводом по адресу: 127015, Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2;
извещением через банк.

Стоимость подписки с доставкой по почте: полугодовая — 900 руб.

На бланке перевода обязательно укажите
свой почтовый адрес с индексом и контактный телефон.

<p>Оборотная сторона Информация о плательщике</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <hr/> <p>(ИНН налогоплательщика)</p> <p>№ <hr/></p> <p>(номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
<p>Оборотная сторона Информация о плательщике</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <hr/> <p>(ИНН налогоплательщика)</p> <p>№ <hr/></p> <p>(номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	

Телефон для справок: (499) 557-04-07
Онлайн подписка: vm.ru
Электронная версия журнала на www.pressa.ru

Герман Александрович Гуськов

Портрет деда

Страницы истории ямщицкого рода Гуськовых

Москва. Большая Тверская улица. Открытка начала XX века

Не раз в разговорах с моей бабушкой Еленой Григорьевной я спрашивал, не осталось ли у нее фотографий деда Алексея Ивановича Гуськова, которого мне в жизни так и не довелось увидеть.

— Нет, голубчик, его фотографий у меня никогда не было, — вздыхая, отвечала она.

— Почему же? — недоумевал я.

— Не имел он времени фотографироваться...

Дед был потомственным ямщиком. Его родовые корни удастся проследить с начала XVII века. Уже тогда Гуськовы прожива-

ли в московской Тверской-Ямской слободе и занимались «гоньбой» на тракте, простиравшемся от Москвы до Твери, а затем до Пскова, Новгорода Великого, Санкт-Петербурга, пока со строительством Николаевской железной дороги не началось угасание ямщицкого промысла.

Алексея Ивановича рано не стало. Метрическая книга несохранившегося храма святителя Василия Кесарийского — приходского храма московских ямщиков — содержит запись: «2 октября 1911 года умер <...> Алексей Иванович

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Елена Григорьевна Гуськова. 1909 год

Копылов-Гуськов, 30 лет» (список использованных архивных источников приводится в конце). Да, именно такую фамилию носили пращурья Алексея Ивановича и он сам. Кстати, Копыловыми-Гуськовыми были при рождении записаны и его сыновья, о которых речь пойдет ниже, — Александр (мой отец) и Леонид. В графе «Кто совершал погребение» значится: «Протоиерей Арсений Разумихин с причтом на Ваганьковском кладбище». Этот священник является автором исторического описания храма святителя Василия Кесарийского (М., 1912).

* * *

Причиной смерти деда был паралич сердца. Сердечная болезнь в таком-то возрасте? Для ямщика — ничего удивительного. Трудная и опасная доля — ямская служба. О ней много написано и спето. В 1787 году композитор Е.И. Фомин создал даже оперу «Ямщики на подставе». Во всем этом большей частью присутствует заметный элемент романтизации. Между тем ямщики нередко «замерзали в глухой степи», подвергались нападениям волчих стай (у Высоцкого: «Дождь, как яд

с ветвей, не добром пропах. / Пристяжной моей волк нырнул под пах!») и разбойничьих шаек. Так что было, было отчего болеть ямщицкому сердцу...

* * *

Однажды во время очередного разговора о деде бабушка, вновь констатируя отсутствие его фотографий, сказала, что в семье некогда хранился рисованный «портрет московского ямщика». Кто художник — неведомо. Она этот портрет видела, и ее поразило сходство изображенного на рисунке человека с Алексеем Ивановичем.

— Возможно, это он и был. Не случайно же рисунок столь долго берегли...

Сказанное бабушкой глубоко запало мне в душу. Смутно чувствовалось: будет у этой истории продолжение.

*Неизвестный художник.
Портрет московского ямщика.
Рисунок*

* * *

Шло время. Я окончил школу, отслужил в армии, поступил в Московский университет. Беседы мои с бабушкой о былом, в том числе о деде, продолжались. Меня все больше занимал вопрос: каким же он был, Алексей Иванович Гуськов?

*Тройка на Тверской заставе.
Фотография С.В. Челнокова. 1908–1914 годы*

И в один прекрасный момент вместо ответа на этот вопрос бабушка с лукавой улыбкой просто молвила:

— Поглядишь в зеркало — увидишь деда. Очень уж ты стал на него похож.

С этим переключается следующий случай, рассказанный мне позже. Как-то раз мой матушка Тамара Николаевна и сын Аркадий, только что поступивший в первый класс, отправились навестить старейшего члена семьи — 90-летнюю сестру деда Марию Ивановну. Аркадий готовился предстать перед ней впервые. Увидев его, она непререкаемым тоном произнесла: «Гуськов», сразу отметив фамильное сходство. Кстати, упомянутый выше портрет, как я узнал впоследствии, хранился тогда у нее, знавшей, подобно бабушке, толк в сходстве и умевшей безошибочно распознавать родную кровь. Сей факт говорит о многом.

* * *

Занимаясь архивными изысканиями по истории своей семьи, я в связи с портретом, которого пока не сподобился лицезреть, «набрел» на следующий вывод. Как уже говорилось, в конце XIX века развитие сети железных дорог и вообще промышленности, оставив ямщиков не у дел, побудило их менять профессии — порой на весьма далекие от исконной. Например,

представитель старинного ямщицкого рода Кокориных — Николай Иванович — стал архитектором. При этом он на протяжении многих лет дружил с Гуськовыми и активно помогал им в ведении строительных дел, о чем в архивах я отыскал не один документ. А архитекторы — это в большинстве случаев и хорошие рисовальщики (их выпускало Московское училище живописи, ваяния и зодчества). Так вот, не Николай ли Иванович Кокорин являлся автором портрета, с течением времени все больше занимавшего мои мысли?

* * *

Миновали годы. Не стало бабушки — главного собеседника по «ямской» тематике. И тут наконец портрет появился в моей жизни — его ненадолго одолжила мне родственница, к которой он в итоге попал после смерти Марии Ивановны. Я изготовил фотокопию. А дальше, чтобы окончательно убедиться в «фамильном сходстве», отобрал из семейных альбомов снимки, запечатлевшие Александра и Леонида Гуськовых — упомянутых выше сыновей Алексея Ивановича и Елены Григорьевны — примерно в том же возрасте, что и ямщик на портрете... Но здесь я не могу не прерваться, чтобы сказать хотя бы несколько слов об этих достойнейших людях.

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

*Н.Н. Каразин. Тройка.
Акварель. 1891 год*

*Н.Н. Каразин. Ямская и конвойная служба в степи.
Акварель. 1891 год*

Александр Алексеевич Гуськов. 1937 год

Леонид Алексеевич Гуськов. 1939 год

Александр Алексеевич Гуськов (1909—1991), окончив железнодорожный техникум, всю жизнь трудился в Главном управлении вагонного хозяйства Министерства путей сообщения. Удостоен ряда правительственных наград, знака «Отличный вагонник», учрежденного «для особо выдающихся работников вагонного хозяйства». Инженер-майор тяги (одно из званий личного состава железнодорожного транспорта).

Леонид Алексеевич Гуськов (1912—1995) по окончании МАТИ работал инженером-конструктором на авиационном заводе № 84 в Подмоскowie. В 1941 году завод эвакуировали в Ташкент. Л.А Гуськов — бригадир, начальник сборочного цеха, после Победы — директор предприятия. Затем с 1955 по 1972 год он руководил авиационным заводом № 47 (Оренбург), преобразованным уже при нем в машиностроительный. Выйдя на пенсию, еще 16 лет трудился в ГКНППЦ имени М.В. Хруничева (Москва). Герой Социалистического Труда. Кавалер многих других государственных наград. Почетный гражданин города Оренбурга, где есть парк его имени.

* * *

Итак, передо мной рисованный портрет и две фотографии. Сомнений нет: это Гуськовы. Отец и сыновья. Косвенным подтверждением тому может служить когда-то сделанное мной в архиве извлечение из «Книги для записывания извозчиков легковых и ломовых, проживающих в Москве по 1 кварталу Сушеvской части на 1870 год». Здесь на странице 172 находим «Гуськова Ивана Ивановича» (отца Алексея Ивановича) и «Гуськова Ивана Васильевича» (деда). В графе «Приметы общие и особые» (есть и такая) у обоих прописано: «Роста среднего, волосы русые, глаза серые, лицо чистое». Одно и то же! Единственная разница — у Ивана Васильевича в его 52 года «волосы с проседью».

* * *

«Так вот ты каким был», — думаю я теперь уже с полной уверенностью, разглядывая портрет моего деда, изображенного, кстати, на фоне храма святителя Василия Кесарийского, где Алексея Ивановича Гуськова и крестили, и венчали, и отпевали...

Источники

ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 782. Д. 317. Л. 518 об.; Ф. 1268, оп. 1. Д. 211. Л. 172;

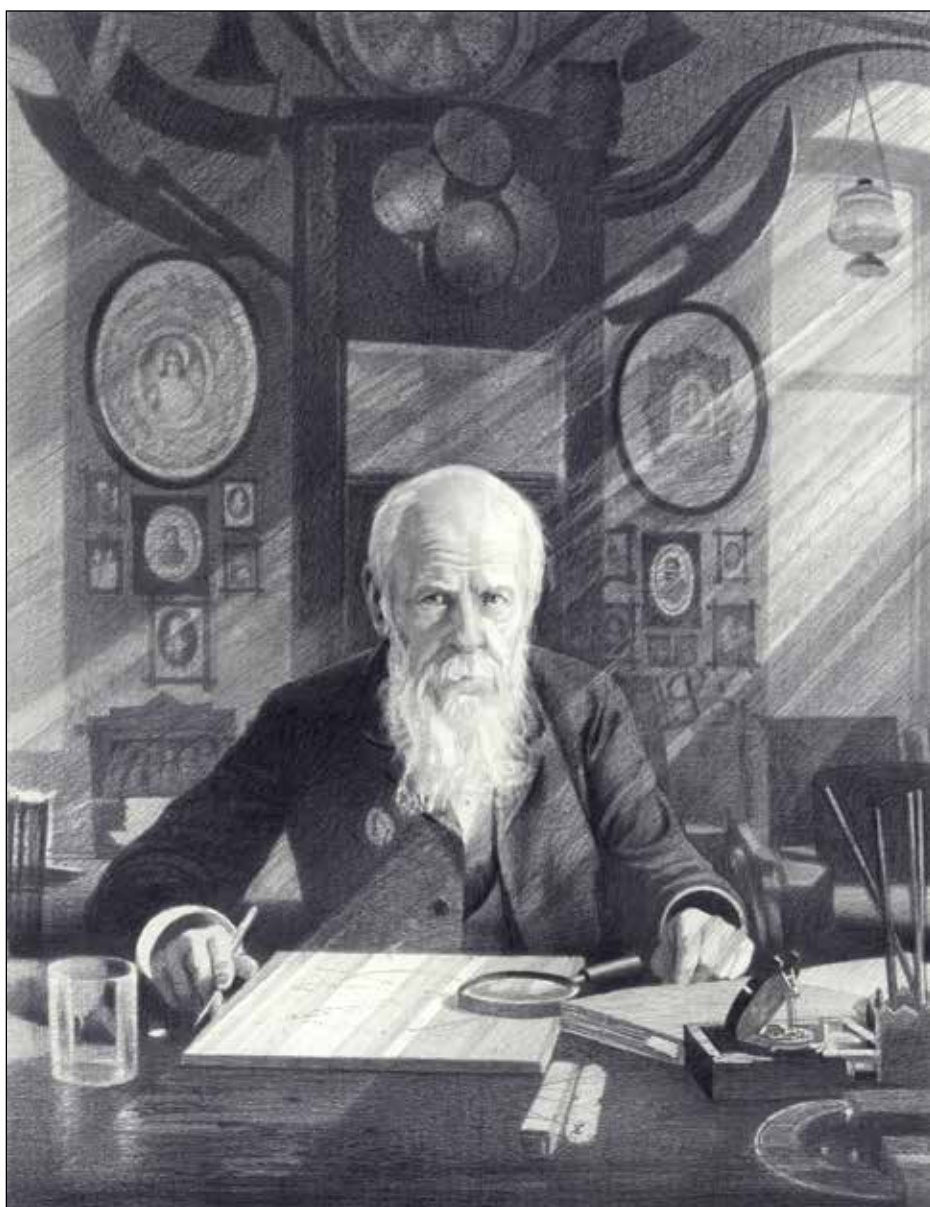
Ф. 2124. Оп. 2. Д. 39. Л. 921 об.; Ф. 2132. Оп. 2. Д. 89. Л. 25 об.

ЦАНТД. Ф. 1. Оп. 8. № 591 т / 712 н.

Галина Владимировна Аксенова

Федор Григорьевич Солнцев-портретист

К 215-летию со дня рождения
выдающегося русского художника Ф.Г. Солнцева
(1801–1892)

*В.Ю. Желваков. Портрет Федора Григорьевича Солнцева.
Бумага, карандаш. 2002 год*

*Ф.Г. Солнцев. Крестьянское семейство перед обедом.
Холст, масло. 1824 год*

Ежегодно в самом конце апреля в небольшом поселке Борок Некоузского района Ярославской области (в прошлом — Мологский уезд Ярославской губернии) вспоминают своего земляка — «основателя русской археологической живописи» Ф.Г. Солнцева¹. В 2004 году в поселке открылся музей, посвященный его жизни и творчеству, и вот уже более 15 лет на базе музея и расположенного в Борке Института биологии внутренних вод РАН проходят Солнцевские чтения, собирающие краеведов, журналистов, ученых из многих городов страны.

Труды академика живописи Солнцева оказали сильнейшее воздействие на отечественную культуру и культурную политику XIX столетия. Не случайно в 1876 году во время празднования 50-летия художественно-археологической деятельности Федора Григорьевича главный редактор журнала «Русская старина» М.И. Семевский указал, что по своему значению она сопоставима разве только с деятельностью Н.М. Карамзина в сфере

исторической науки и А.С. Пушкина на литературной ниве². В 1913-м, составляя сборник «Светочи русской земли», писатель А.Е. Зарин включил в него биографию художника, отметив, что «Федор Григорьевич Солнцев имеет все права на благодарную память потомства, <...> остается единственным и самым выдающимся художником в области археологии и этнографии, <...> только благодаря его рисункам дошла до нас масса драгоценного материала для истории, археологии, этнографии»³.

При обращении к огромному творческому наследию Ф.Г. Солнцева мы в первую очередь — и вполне заслуженно — вспоминаем его археологические труды. Но был он также замечательным портретистом, окончив Императорскую Академию художеств именно по классу портретной живописи. О Солнцева-портретисте мы и хотим здесь рассказать.

В Академии Федор Солнцев обучался девять лет. Первые полтора года прошли в гипсовом и натурном классах. 29 марта

1819 года было решено «сообразно с мерою надобности в каждой отрасли художеств из 44 учеников теперешнего третьего возраста определить 18 учеников, а именно Александра Нотбека, Алексея Маркова, <...>, Федора Солнцева <...> в живописный класс, не разделяя оного впредь до усмотрения на исторический, портретный и другие классы»⁴.

Особенность образовательной программы в Академии художеств заключалась в том, что обучение живописи сочеталось с основательным преподаванием теоретических курсов (пластической анатомии, теории изящных искусств и зодчества), истории, риторики, музыки⁵, а также с занятиями археологией и этнографией. Все это способствовало развитию образного мышления, выработке профессиональных навыков, обеспечивающих точность отражения и художественной характеристики разнообразных объектов, столь необходимую при создании как портрета, так и исторического полотна. Большой образовательный эффект имело привлечение воспитанников старших «возрастов» к решению серьезных художественных задач — например, выполнению копий с полотен Рембрандта и Ван Дейка, участию в росписи храмов⁶.

В феврале 1824 года как ученик четвертого «возраста» по классу портретной живописи Ф.Г. Солнцев получил программу на золотую медаль: «Изобразить крестьянское семейство и шашечную игру»⁷. После одобрения Советом Академии созданного эскиза Федор Григорьевич приступил к написанию картины «Крестьянское семейство перед обедом» под руководством профессоров А.Г. Варнека и С.С. Шукина; огромную помощь ему в создании реалистического художественного образа оказал президент Академии Алексей Николаевич Оленин. Позже Солнцев вспоминал: «Заданы были два сюжета: “Приам просит тело Гектора у Ахиллеса” для исторического класса и “Шашечная игра” для портретного класса. Рисовались сюжеты в общей зале, причем не позволялось выходить из залы. И когда эскизы были готовы, их отдали дежурному профессору. Я начертил сюжеты: Приама, Шашечную игру, и, как еще времени осталось порядочно, то вздумал начертить еще портрет “Крестьянское семейство” и отдал все три эскиза. На другой день в собрании Со-

вета рассматривались наши эскизы, и нарисованные мною сюжеты очень понравились Совету, так что мне предложено было написать красками любой из них. Я избрал “Крестьянское семейство”, состоящее из четырех фигур. Эскиз утвердили, и я принялся писать программу. Это было 1824 года в феврале месяце, натурщиками были мужики, которые носили в Академию дрова, старуха — нянька из лазарета и мальчик — сын сторожа»⁸.

Традиционное программное задание с незамысловатым сюжетом, несложная, но продуманная композиция из четырех фигур, теплый колорит — чисто академическая работа. И хотя в силу субъективных причин (по настоянию А.Г. Варнека) картина «Крестьянское семейство перед обедом» не получила большой золотой медали, а только малую, она, по мнению В.В. Стасова, обратила на себя внимание профессоров и президента Академии близостью к натуре и верной передачей чувств: «Видно, воспоминания и впечатления народной жизни глубоко засели в нем (Солнцева. — Г. А.) с детства и не испарились ни от каких гипсовых Юпитеров и бронзовых Венер»⁹. Во время работы над картиной произошел следующий забавный и вместе с тем поучительный случай: «Перед окончанием программы Совет в полном составе обходил классы, где мы работали. Алексей Николаевич, обращая ко мне, заметил: “У тебя молоко написано плохо”. Оленин тут же призвал нашего эконома и приказал ему отпускать мне ежедневно на завтрак крынку неснятого молока»¹⁰.

В 1824 году картина в числе других экспонировалась на ставшей к тому времени традиционной осенней академической выставке и удостоилась упоминаний в ряде рецензий. И если самый первый отзыв — в «Литературных листках» — звучал предельно лаконично («Некоторые из сих картин написаны очень хорошо, особенно «Русское семейство» работы ученика 4-го возраста Солнцева»¹¹), то редактор «Отечественных записок» дал достаточно подробный анализ произведения: «Посетители с особенным удовольствием смотрели на три большие картины, изображающие семейства простого народа и писанные по программе воспитанниками Академии: Солнцевым, Грязновым и Пниним. Картина Солнцева представляет пригото-

*П.Ф. Соколов. Портрет Ф.Г. Солнцева.
Литография. 1841 год*

ния к сельскому обеду. Старик крестьянин еще не оставляет работы, но между тем лук и огурцы уже на столе, сын режет хлеб, старуха жена ставит на стол кринку молока, в которую заглядывает ее внучек. Фигура старухи очень выразительна, а мальчику — по всему видно — очень хочется молока: он наклонился к кринке, покраснел, и в глазах у него засветлело. <...> Картина Солнцева <...> обработаннее прочих и так окончена во всех частях, что даже овощи, лежащие на столе, стоят иной картины»¹².

Даже снизивший своим особым мнением оценку «Крестьянского семейства...» А.Г. Варнек в ходе предварительного просмотра завершаемых работ, «указывая на голову старухи, сказал: “Посмотрите, как я показал написать голову старухи”»¹³, что, безусловно, являлось похвалой.

По окончании Академии художеств Ф.Г. Солнцев получил звание художника 14 класса и был оставлен пансионером «для дальнейшего усовершенствования». Большая по сравнению с периодом обучения свобода позволяла дополнительно работать, искать свое место в искусстве. Солнцев не сделался жанристом, как того могли от него ожидать, не ушел с головой в портретную живопись, не остановился на натюрморте, не увлекся маслом, хотя школа портретного и исторического классов позволила овладеть мастерством живописца и графика, научила мыслить композиционно. Темой на золотую медаль первого достоинства стала евангельская притча «Воздадите кесарево кесареви, а Божие Богови» («Спаситель и Фарисеи»). Акварель по этой программе, завершенная Ф.Г. Солнцевым

*Ф.Г. Солнцев. Портрет Михаила Самуиловича Самойлова,
отца актера В.М. Самойлова.*

Холст, масло. Первая треть XIX века.

*Мемориальная квартира семьи актеров Самойловых,
Санкт-Петербург*

к сентябрю 1827 года, «по баллотированию посредством литер большинством одобрительных баллов» медали в итоге удостоилась¹⁴. «Солнцева картина, представляющая беседу Спасителя с Фарисеями о монете кесаревой, и композициею и исполнением своим заслуживала всеобщее одобрение. В кисти молодого художника много приятности, нежности, и в колорите — живости и силы»¹⁵. Акварель долгое время хранилась в картинной галерее Академии художеств¹⁶. Представляя ее в каталоге, А.И. Сомов писал:

«Средину <...> занимает Иисус Христос. На нем алый хитон и синий плащ. Наполовину оборотясь влево, он левою рукою показывает на небо, а правую опущенную руку протянул вперед. Стоящий слева фарисей, закутанный в коричневый плащ, кладет на ладонь правой руки Христа динарий. Позади него видны еще два фарисея. Направо стоит, опершись на посох, старец. Фон темно-серый. Коленное изображение»¹⁷.

И опять в процессе работы не обошлось без похвал профессора А.Г. Вар-

*Ф.Г. Солнцев. Портрет Анны Алексеевны Самойловой,
матери актера В.М. Самойлова.*

Холст, масло. Первая треть XIX века.

*Мемориальная квартира семьи актеров Самойловых,
Санкт-Петербург*

нека, а также его коллеги А.Е. Егорова, курировавших исполнение программы. Варнек: «Голова Спасителя хороша». Егоров: «Голова так хороша, что и мне лучше не написать»¹⁸.

В июне 1827 года Ф.Г. Солнцев ходатайствует «об увольнении его из числа пансионеров для поступления на место учителя живописи»¹⁹. «Найдя выгодное для меня место, — писал он, — покорнейше прошу Правление Императорской Академии художеств уволить меня из пансионеров оной, снабдить о пове-

дении и успехах в художестве Аттестатом. К сему прошению пансионер, художник 14 класса Федор Солнцев руку приложил»²⁰. Полученное в ответ свидетельство профессора А.Е. Егорова гласило: «Дано сие оставленному при Императорской Академии художеств для усовершенствования себя в портретной живописи художнику 14 класса Федору Солнцеву в том, что он в течение времени сего прилежанием своим оказал значительные успехи по части сего художества»²¹.

Ф.Г. Солнцев. Портрет певца Василия Михайловича Самойлова.

Холст, масло. 1830-е годы.

*Мемориальная квартира семьи актеров Самойловых,
Санкт-Петербург*

Получив 600 рублей из кассы Академии, осенью того же года Федор Григорьевич Солнцев начал самостоятельную работу. Первое время он выполнял небольшие частные заказы, давал уроки. Среди его заказчиков и учеников были члены семей литературных, театральных и прочих знаменитостей²².

В воспоминаниях художника говорится о создании им в последние годы обучения и в период пансионерства нескольких портретов. В настоящее время известны только четыре. Все они хра-

нятся в Санкт-Петербурге в Музее театрального и музыкального искусства, а точнее — в Мемориальном музее-квартире актеров Самойловых²³. Знакомство Ф.Г. Солнцева с семьей Самойловых состоялось в 1824 году. Сначала Солнцев «познакомился со стариком Самойловым», который пригласил его «написать портреты отца и матери»²⁴.

Михаил Самуилович Самойлов, отец великого русского драматического и оперного артиста Василия Михайловича Самойлова (1782–1839), был пред-

Ф.Г. Солнцев. Портрет Софьи Васильевны Черниковой-Самойловой.

Холст, масло. Первая треть XIX века.

*Мемориальная квартира семьи актеров Самойловых,
Санкт-Петербург*

ставителем московского купечества. Родители дали Василию хорошее музыкальное образование: он с детских лет учился игре на кларнете, пел в церковном хоре. На красивый, звучный голос юноши обратил внимание актер А. Померанцев. Он начал готовить Василия к сценической деятельности. Но отец не позволил сыну выступать на московской сцене, видя в нем прежде всего продолжателя семейного дела. Не согласившись с запретом, Василий отправился в Петербург.

Главные черты характера Михаила Самуиловича — жесткость, упрямство и в то же время отцовскую любовь и заботу — Федору Солнцеву удалось передать в портрете. Не менее интересен и портрет матери актера Анны Алексеевны. Оба портрета выполнены в популярной тогда «рембрандтовской» живописной манере.

Третьей солнцевской работой для семьи Самойловых стал портрет самого актера, дебютировавшего на петербургской сцене в 1803 году и игравшего в труппе

Л.В. Самойлов. Интерьер дома Василия Михайловича Самойлова на Торговой улице в Санкт-Петербурге. Холст, масло. 1830-е годы. Мемориальная квартира семьи актеров Самойловых, Санкт-Петербург

Мариинского театра до самой смерти. Театральный критик отмечал: «Сей редкий певец и актер служит доказательством, до какой степени совершенства возвыситься можно, если соединить счастливые дары природы с охотою и старанием»²⁵. Талант певца высоко ценил М.И. Глинка. Портрет, написанный Ф.Г. Солнцевым, и рассказывает нам об успешном актере, кумире публики, человеке, любимом близкими.

Будучи принят в доме Самойловых «радужно и ласково», художник вскоре стал обучать «одну из дочерей рисованию»²⁶. В то же время он исполнил портрет Софьи Васильевны Самойловой (урожденной Черниковой. 1787–1854) — жены Василия Михайловича. Как оперная певица она дебютировала на сцене Мариинского театра в 1804 году. В театре она и познакомилась с будущим мужем. Их дочери Мария и Надежда

и сын Василий тоже стали выдающимися актерами.

Портрет Софьи Васильевны Самойловой, выполненный Ф.Г. Солнцевым, говорит нам о женщине счастливой судьбы, состоявшейся актрисе и матери. В своих мемуарах он так охарактеризовал ее: «Жена Самойлова считалась хорошей актрисой; она играла в водевилях»²⁷.

Следующий известный на сегодня портрет работы Солнцева относится к 1850-м годам. В это время для Леониллы Николаевны Меншиковой (урожденной Гагариной) вместе с Л.О. Премацци, Г.Г. Гагариным и М.С. Пешехоновым при участии самой княгини художник создал лицевое Евангелие от Иоанна²⁸. Оно открывается овальной формы акварельным изображением Л.Н. Меншиковой, как бы помещенным в двойную изящную раму. Первая рама — резная деревянная, украшенная жемчугом и драгоценными камнями

АЛЬБОМ

*Здание,
в котором располагается
Мемориальная квартира
семьи актеров Самойловых.
На нижнем снимке —
фрагмент экспозиции.
Санкт-Петербург,
улица Стремянная, 8.
Фотографии автора.
2011 год*

и увенчанная княжеской шапкой, вторая — также украшенное драгоценными камнями ювелирное изделие растительного орнамента, по стилистике тяготеющего к книжным орнаментам XVII века²⁹.

В мемуарах Ф.Г. Солнцева упоминается еще одно произведение в жанре портрета. Повествуя о киевском периоде своей жизни и реставрационных трудах в Киево-Софийском соборе и Киево-Печерской лавре, он рассказал о создании

портрета митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова), но не указал технику исполнения.

О Солнцева-портретисте практически не говорят. Как видим, напрасно. Да и вся его последующая деятельность на поприще археологической живописи — что это, если не труды «самого строгого портретиста», способного «отыскивать в вещах настоящую их характеристику»³⁰?

¹О жизни и творчестве художника см.: Аксенова Г.В. Основатель русской археологической живописи // Московский журнал. 2003. №2. С. 11–17; Снегирев И.М., Вельтман А.Ф. Из «Древностей Российского государства». Патриарх Никон. Подг. и публ. текста Г.В. Аксеновой // Там же. 2005. №2. С. 27–32; Аксенова Г.В. «Нарисовать <...> верно и тщательно». Из истории церковного книгопечатания в России // Там же. 2012. №10. С. 60–69; Она же. Русский стиль. Гений Федора Солнцева. М., 2009.

²Большая золотая медаль, поднесенная Императорским Археологическим обществом профессору Ф.Г. Солнцеву 20 мая 1876 г. // Русская старина. 1876. Т. XVI. С. 305.

³РГАЛИ. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 64.

⁴Петров П.Н. Сборник материалов по истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования. Ч. II. СПб., 1865. С. 132.

⁵Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 315.

⁶Собко Н.П. Ф.Г. Солнцев и его художественно-археологическая деятельность // Вестник изящных искусств. СПб., 1883. Т.1. Вып. III. С. 472, 475.

⁷Петров П.Н. Указ. соч. С. 187; Солнцев Ф.Г. Указ. соч. С. 317.

⁸РГАЛИ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 85–85 об., 125.

⁹Стасов В.В. Памяти Федора Григорьевича Солнцева (речь, произнесенная в собрании Археологического института 12 марта 1892 года) // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. СПб., 1892. Т. IX. С. 161.

¹⁰Солнцев Ф.Г. Указ. соч. С. 318.

¹¹Литературные листки. 1824. Т. 3. №16. С. 167.

¹²Отечественные записки. 1824. Ч. 20. С. 308–309.

¹³Солнцев Ф.Г. Указ. соч. С. 318.

¹⁴Петров П.Н. Указ. соч. С. 214.

¹⁵Отечественные записки. 1827. Т. 32. №91. С. 314.

¹⁶Ныне хранится в Государственном Русском музее.

¹⁷Сомов А.И. Картинная галерея Императорской Академии художеств. I. Каталог оригинальных произведений русской живописи. СПб., 1872. С. 53–54.

¹⁸Солнцев Ф.Г. Указ соч. // Молитвослов княгини М.П. Волконской работы академика живописи Федора Солнцева. Составление, вступление и комментарии Г.В. Аксеновой. М., 1998. С. 355.

¹⁹Собко Н.П. Указ. соч. С. 474.

²⁰РГИА. Ф.789. Оп. 1. Ч. II. Д. 672. Л. 1.

²¹Там же. Л. 2.

²²Солнцев Ф.Г. Указ. соч. С. 617; Собко Н.П. Указ. соч. С. 474; Белозерская Н.А. Федор Григорьевич Солнцев — профессор археологической живописи. Шестидесятилетний юбилей. 1825–1885 // Русская старина. 1887. Т. 54. №4–6. С. 719.

²³Государственный Музей театрального и музыкального искусства. Краткий путеводитель. СПб., 2003. С. 24–32.

²⁴Солнцев Ф.Г. Указ. соч. // Молитвослов... С. 358.

²⁵Сын Отечества. 1820. Ч. 65. №41. С. 7.

²⁶Солнцев Ф.Г. Указ. соч. // Молитвослов... С. 358.

²⁷Там же.

²⁸ОР РНБ. Q.1. № 932.

²⁹Там же. Л. 2.

³⁰Оленин А.Н. Рязанские русские древности, или Известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 году близ села Старая Рязань. СПб., 1831. С. 3.

АЛЬБОМ

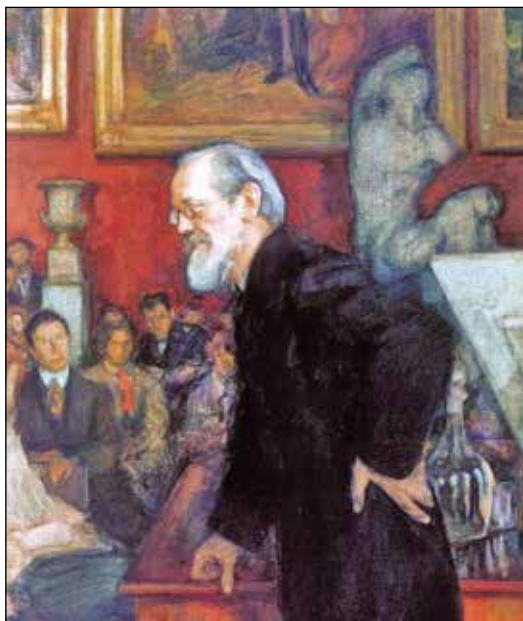

*Ф.Г. Солнцев. Портрет княгини Леониллы Николаевны Меншиковой.
Авантитул Евангелия от Иоанна.
Бумага, акварель. 1850-е годы*

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Василий Осипович
Ключевский
(1841–1911)
в воспоминаниях
современников.
К 175-летию
со дня рождения
выдающегося
русского историка
и педагога**

**О существовавшей
в Москве
с середины XIX
до начала XX века
Никольской общине
сестер милосердия**